

Митрополит Вениамин (Федченков)

Молитва Господня

© Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, Москва, 1996.

© Библиотека Веб-Центра "Омега".

Содержание

От издателей

Предисловие

Молитва Господня

Главная мысль Молитвы Господней

Начало Молитвы Господней: "Отче наш"

"Иже еси на небесех"

Ещё об имени "Отец"

Прибавление. Первое прошение: "Да святится имя Твое"

(истолкование словами святых отцов)

Второе прошение: "Да приидет Царствие Твое"

Прибавление. О цели христианской жизни

(из беседы преп. Серафима Саровского)

Второе прошение: "Да приидет..." (продолжение)

Третье прошение: "Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли"

Четвёртое прошение: "Хлеб наш насущный даждь нам днесь"

Пятое прошение: "И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим"

Прибавление. Утешение кающемуся (из преп. Ефрема Сирина)

Шестое прошение: "И не введи нас во искушение"

Последнее прошение (седьмое): "Но избави нас от лукаваго"

Заключительное славословие:

"Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь"

От издателей

Предлагаемая книга митрополита Вениамина (Федченкова) - "Молитва Господня" ещё совсем недавно была доступна, пожалуй, только инокам Псково-Печерского монастыря, так как единственный машинописный экземпляр этой книги хранился в келье у одного из старцев этой обители.

Автор книги митрополит Вениамин (Федченков; 1880-1961) - выдающийся иерарх Русской Православной Церкви - прожил долгую, трудную и интересную жизнь, всецело отданную служению Богу, Святой Церкви и народу Божию. Господь судил ему проходить жизненное поприще в годы суровых испытаний, выпавших на долю нашей Церкви и Отечества (о его жизни см. Журнал Московской Патриархии, 1993, №№ 2-10 "На рубеже двух эпох", а также одноименную книгу, вышедшую в Москве в 1994 г.). Ему довелось быть свидетелем и участником многих событий нашей недавней истории, познать горечь изгнания и радость второго обретения родины. Он хорошо знал жизнь народа, ибо родился и получил воспитание в крестьянской семье, но не менее хорошо он знал деяния и помыслы сильных мира сего. Даже если просто назвать некоторые имена этих людей, то станет ясно, насколько широк был круг общения владыки. Он встречался и имел беседы с императором Николаем II и его супругой Александрой Федоровной, митрополитом Сергием (Страгородским,

впоследствии Патриархом) и митрополитом Антонием (Храповицким), епископом Феофаном (Быстровым), П.Н. Врангелем и многими, многими другими выдающимися деятелями. Он всю свою жизнь по крупице собирал духовную мудрость в беседах и встречах с "большими людьми" и щедро делился этим своим духовным богатством с читателями своих книг.

Творения владыки Вениамина, к счастью, сохранились до наших дней, хотя местонахождение многих его работ до сих пор неизвестно. Судя по тому, что дошло до нас, его всегда привлекала тайна святости. Живая вера в Бога, в заступничество Божией Матери и святых дышат в каждой строчке творений владыки.

О вещах высоких, небесных он говорит просто, задушевно и доверительно.

Последние годы своей жизни владыка Вениамин провел на покое в Псково-Печерском монастыре. Старожилы обители до сих пор помнят его проникновенные проповеди, которые многие слушали со слезами радости и умиления. Владыке дано было от Бога не только проникнуть в сокровенные тайны Царства Божия, но и удивительно просто и доходчиво поведать об этих тайнах своим слушателям и читателям.

Первоначально издававшаяся в форме отдельных выпусков "Псково-Печерских листков" замечательная книга митрополита Вениамина впервые в цельном виде представляется широкому кругу читателей.

Текст - Псково-Печерский монастырь.

Предисловие

Поводом к дерзновенной попытке написать истолкование Молитвы Господней послужило случайное обстоятельство. Одно лицо, даже неправославного исповедания (но глубоко сочувствующее Святому Православию), наблюдая современное "христианское" общество разных исповеданий, пришло к печальному и ужаснувшему его факту: люди почти не молятся! Мир весь запутался в неразрешимых вопросах разного рода. Все в беспокойстве и ожидании еще худших бедствий. Все ищут разрешения мировых узлов. И почти не молятся Богу о помощи в столь великих бедствиях... Мало того, верующие разных направлений, даже и те, которые исповедуют себя открыто христианами, все-таки ищут разрешения мучительных вопросов теми же путями, как и неверующие разных степеней, то есть умом, политикой, войной, соглашениями, а не молитвой к Премудрому. Хуже того, заявляя себя верующими, люди в постоянной ежедневной жизни или не молятся совсем, или ограничиваются посещениями своих приходских храмов в известные праздничные дни (если только еще делают это).

Наступило какое-то время "пустой" веры! Еще если и "говорят" о Боге, - то Ему не молятся, точно Его и нет вообще, и для них в частности. Если прежде повторяли слова апостола Иакова: "Вера без дел мертва есть", то теперь приходится добавлять: "Вера без молитвы - мертва". Исчезает из жизни молитва. И такое опустошение души привело данное лицо в мучительное, ужасное состояние: если не молятся, то дело плохо! Ища какого-нибудь душевного выхода, соответственного обыкновенным правилам рядового отдельного человека, это лицо решило выпустить книжечку о молитве. Для этого оно остановилось на Молитве Господней. Причины понятны. Во-первых, авторитетность этой молитвы исключительна: ее дал миру Сам Бог, Спаситель наш Иисус Христос. Значит, и нужно молиться. Во-вторых, эта молитва самая распространенная среди христиан. В-третьих - она общая для разных Церквей. А в-четвертых - и это самое важное - в этой молитве Господь указал человечеству на содержание наших молитв - как и о чем нужно молиться. Никто уже не осмелится возражать по этому вопросу, ибо Сам Богочеловек дал такую, а не иную молитву. Так и должно молиться.

А чтобы заинтересовать читателей вопросом о молитве вообще, и Господней в особенности, это лицо захотело предпослать читателям книжечки толкования Молитвы Господней тремя основными исповедованиями: православным, католическим и протестантским; чтобы верующие разных исповеданий могли заинтересоваться и книгой и

молитвой. С подобной целью это лицо обратилось и ко мне, как представителю Православной Церкви, с просьбой дать какое-либо авторитетное толкование Молитвы Господней.

У нас есть краткое истолкование ее в катехизисе, но этого было недостаточно: нужно было более обширное и отвечающее современному состоянию умов и душ читателей. В нашей литературе есть специальная книга, изданная известным богословом епископом Феофаном Затворником, где им собраны воедино толкования знаменитых отцов Церкви - Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Максима Исповедника и др. Но этой книги теперь за границей невозможно достать. Есть толкование у епископа Игнатия (Брянчанинова), но оно является слишком возвышенно-аскетическим, не под силу обычному верующему. Есть на английском языке толкование Иоанна Кассиана Римлянина (православного), коим пользовался и епископ Игнатий; но и его толкования аскетичны. Поэтому я и дерзнул записать то, что мне приходилось читать и переживать. Бог да поможет и мне и читателям получить от этого пользу.

Молитва Господня

Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

Главная мысль Молитвы Господней

Обычно при толкованиях Молитвы Господней изъясняются отдельные части (или прошения) её, а потом и отдельные слова. И я не помню, чтобы где-нибудь мне пришлось читать общий синтез (обзор или сводку) этой молитвы - т.е. её основную мысль, главный дух, который проникает все отдельные части и даёт общий тон ей. Во всяком случае я и сам нередко задавал себе этот вопрос, но не сразу находил на него ответ: отдельные, частные моления еще понимались так или иначе, но обобщить их в нечто цельное, единое, господствующее было трудно. Но если мы теперь задаёмся целью разъяснить по мере наших скудных сил эту молитву, то естественно задаться, прежде всего, целью вскрыть эту основную, всепроникающую мысль и дух её. И не может быть, чтобы в Божественной молитве Господа Иисуса Христа были бы указаны только отрывочные мысли, не связанные единым центром. Наоборот, тут мы особенно обязаны усмотреть цельность и единство уже по одному тому, что религиозная жизнь требует исключительной сосредоточенности, концентрации всего человека, всецелой устремленности души. Как Сам Бог есть высочайшая Простота, Единство, свободное от всякой сложности и разделённости, так и от молитвенников Своих Он требует того же. И потому Слово Его, Сын Божий, в данной Им молитве непременно должен был дать нечто цельное, единое, всеохватывающее, как и Он Сам был един со Отцом. Какая же это главная мысль? Каков основной дух Молитвы Господней? Что в ней центральное, объединяющее?

Когда я, малосмысленный и грешный, задумывался над этим вопросом, то нелегко вскрылся мне ответ. И лишь после выяснения всех отдельных прошений этой молитвы мне с Божией помощью удалось узреть необыкновенное единство всей молитвы. И оно потом оказалось таким простым и необходимым, что даже и невозможно думать иначе для верующего человека. В самом деле, задумаемся немного об основном вопросе религии (каких бы-то ни было даже): в чём суть веры? - в Боге! Вот очевидный и обязательный ответ. Бог - всё для верующего. Всё, решительно всё, без малейшего ограничения, должно быть отдано Богу. Всякое раздвоение, обособление от Бога чего бы то ни было должно почитаться уже ущербом веры или даже изменою Богу. Конечно, это трудно в жизни, но в идеале, в цели так должно быть. И Сын Божий не мог иначе учить людей молиться, как только при всецелой отданности Богу. Он и Сам так молился и жил, творя не Свою волю, а волю Отца, и

учеников мог учить тому же самому. Потому и наставлял: "Возлюби Бога Твоего всем сердцем твоим, всею мыслию твоею, всем разумением твоим". Без остатка. И ещё: "Не можете Богу работать и маммоне". Бог, как единственное благо - "никто же благ, токмо един Бог", - говорил Сын Божий. Как единый "Сущий", как единственный источник жизни, и всякого благобытия, и блаженства, и смысла, и цели всего существующего, сотворенного Им, - Бог должен быть единственным предметом молитвы и жизни для твари - не только для ангелов, но и для людей. Если мы теперь, хотя бы кратко и просто, без особого углубления, окинем общим взором всю Молитву Господню в целом и отдельных частях её, то совершенно легко узрим эту основную идею, которая выражается именно одним этим словом - Бог. Или сказать более пространно: всё к Богу и всё от Бога.

Уже самое обращение к Богу, самые просьбы к Нему, как Единому Дародателю всего, приковывает сразу нашу душу к Нему: мы устремляемся сердцем и умом "туда", к Нему. И содержание последующих молитв-просьб покажет нам, что действительно Он - единый центр всего и для всего - как на небе, так и на земле. И даже самая форма прошения - "дай", "оставь", "избавь", и обращение к Богу, как живому слушателю молитв, во втором лице - "имя Твое", "Царствие Твое", "воля Твоя", как впрочем, и в других молитвах, - всё это вводит наш дух в непосредственное общение с Богом. Человек весь устремляется к Богу. И так во всей Молитве Господней. Единственное место, где упоминается о "земле" (третье прошение), не нарушает этой основной сосредоточенности в Боге, как увидим, а наоборот, ещё более утверждает её. Подобным образом и упоминание о "хлебе насущном" является лишь новым подтверждением всецелой обращенности души к Богу, за самым незначительным попечением её о необходимейшем. А все прочее прямо относится к Богу. И потому можно и должно сказать, что основная идея, главная мысль Молитвы Господней есть Бог; сущность обращенности души - Бог.

Вторая, и уже выводная, мысль из этой первоосновной, есть идея об отношении к миру. Иногда (особенно у мирских толкователей) проявляется склонность использовать слова Молитвы Господней для оправдания этой земной жизни, для освящения всей человеческой многосуетности в создании культуры или, как принято было говорить, для создания "царства Божия на земле". Для этого такие толковники старались всемерно приспособить слова молитвы "да приидет Царствие Твое" - на землю, на социально-моральное устройство гражданских порядков, и "да будет воля Твоя"... на земле. Такая тенденция особенно была и есть у протестантских направлений и обществ, а одно время, у так называемых живоцерковников и обновленцев, захватывала довольно широкие круги не только интеллигенции ("неохристиан" Санкт-Петербурга), но даже и значительные ряды духовенства в России. И доселе можно часто наталкиваться на подобное умозрение у верующих. Но, не входя в рассмотрение этого вопроса по сути в данном отделе, должно, однако, с решительностью сказать, что в Молитве Господней не только нет подобного материала, но наоборот, она вся проникнута совершенно противоположным духом мироотречения, надземности. Конечно, не всякому из нас это может нравиться; человек может даже протестовать, бунтовать против такого направления христианства - это его дело, его свободный выбор; но использовать Молитву Господню для подобной "заземлённой" цели значит идти против очевидной истины. В самом деле, в этой молитве, как раз наоборот, всё отвлекает нас от земли, отрывает от привязанности к ней и от многозаботливости, влечёт к тому же Единому, от Которого - всё. Достаточно бегло просмотреть прошения, и мы увидим, что вся молитва носит надземный характер. А указанные прошения о "земле" только еще сильнее утверждают нас в том, как мало отводится ей места: всего лишь "хлеб" - один, да и то только на один всего день. Другие прошения, приводимые выше, ещё сильнее говорят не о привязанности к земле, а, наоборот, о небесном, о Боге. И это совершенно необходимо: мироотречение есть лишь обратная сторона религии, мера любви к Богу. И не может быть иначе в молитве, данной нам Самим Богом - Сыном Божиим. Он пришел звать нас не к земле, а от земли к небу!

Третье, менее выпуклое общее направление молитвы можно обозначить обычно употребляемым словом - спасение души. Это особенно можно видеть в последних трех

прошениях (о грехах, искушениях и лукавом); но им проникнуты и прочие слова молитвы. Можно выразиться еще иначе: характер Молитвы Господней - духовный. Об этом нет нужды распространяться много: всякая религия имеет целью не материальное попечение о человеке, а духовное - душу его.

Если же последние два общих, основных признака являются выводными из первоосновного, то можно повторить, что главная мысль Молитвы Господней - есть устремление к Богу. Всё к Богу, всё - от Него.

В дополнение же к этому мне хочется оттенить ещё одно душевное настроение, которое должно пребывать в нашем сердце при чтении этой молитвы - настроение надежды.

Молитва Господня с самого первого слова её "Отче" - Отец - и до просьбы об избавлении от лукавого, и с заключительным обоснованием наших просьб (что мы все - в Царстве Его, что всё - возможно Ему, что всё это для Его же славы) - вся она вводит нас в такое упование на Бога, как родные дети надеются на отца, на мать. И эта надежда не есть простое легкомыслие, вызываемое нашей греховной слепотой, нет! это - христианское благовестие Христова Евангелия, которое Он Сам не только преподал нам в словах, но и исходатайствовал его на Кресте Своем. И потому, пусть приступает всякий из нас - как бы даже ни был грешен - с этим светлым настроением надежды! Ведь Бог только того и желает, чтобы давать, святить, спасать, избавлять нас! И притом Он все это делает Сам, нам же остается лишь просить Его, молиться!.. Так мало!.. Так легко!.. И даже от грешника не требуется в молитве ни подвигов особых, ни усиленной собственной борьбы, а лишь просить: оставь, прости, покрой!!! Разве одно лишь ставится условие - "как и мы прощаем". А в прочих прошениях не ставится уже никаких наших дел. Только молись, только проси! И Он все устроит... Даже и о "хлебе" позволено молиться, хотя и совсем не высоко это для верующего. Значит, и с нашими маленькими нуждами мы с надеждой можем прибегать к нашему Отцу. И потому, когда читаешь Молитву Господню, пусть в твое сердце войдет мирный дух, дух надежды, что Он всё слышит, что Он всё может, что Он всё хочет сделать нам (благое). Пусть не подходит дух лукавый с внушениями, что Бог есть суровый Судия, что Он всегда наказывает нас, что Он не простит, что Он не даст! Нет, нет! Он - Отец и всё дает даром: только проси и молись по-детски, с доверием, с несомненной надеждой. И эта надежда самая будет Ему лучшей жертвою с нашей стороны, вместо всяких собственных наших подвигов и добрых дел. Именно так молиться научил нас не человек, а Сам Сын Божий - Бог! Он знает, как нужно молиться нам. Но с самого начала приступа к молитве нам нужно установить себя в указанных основных состояниях: устремиться всецело к Богу и непременно с надеждой на Него, оставив позади себя "всякое житейское помышление" за малым изъятием (хлеб); и это опять - ради Бога же.

Есть и ещё одно общее для всех прошений молитвенное состояние: это редко нами замечаемое моление не в одиночку, не от себя, не за себя лишь, а за всех, от имени всех нас. Но эту особенность - очень важную (и очень часто забываемую нами практически) - мы оставим до толкования подробностей Молитвы Господней. А сейчас лишь кратко заметим ее... И не забудем! Не забудем по одному уже тому, что о всеобщности молитвы мало кто из нас думал и думает. Многие же просто впервые слышат об этом. Было и бывает часто это забвение и с нами недостойными.

Ещё я нахожу полезным внести маленькое успокоение в наши земные сердца и умы. У нас на земле так много забот, печалей, нужд, вопросов, бед, скорбей, задач и личных и служебных, общественных и мировых, что иной невольно смутится и впадет в малодушие от такой "строгости" и надмирного духа Молитвы Господней: неужели Бог не позволил просить Его о наших, пусть и не высоких, но больших нуждах? Неужели Ему нет дела до наших маленьких и больших бед? Неужели Ему не до нашей несчастной планеты с её миллионами бедных детей Его?

Нет, дорогие братья, это не так! Не для огорчения дана нам эта молитва, а для успокоения, и мира, и радости ещё здесь, на земле. Не забыты мы с нашими нуждами. Но вопрос лишь в том, какой путь удовлетворения их? какой выход из скорбей наших? И ответ на это даётся в Молитве Господней. Правда, этот ответ не таков, к какому мы привыкли -

ответ особенный, Божественный, премудрый, поразительно простой при своей глубине. Но ответ есть. И если бы мы следовали ему, то насколько бы легче разрешались и все "мировые", общественные вопросы! Правда, ответ этот - возвышенный, ибо Божественный, ответ идеальный, как и вся молитва, но он дан. И ответ этот - посильный для людей, как и всё Христово учение.

Начало Молитвы Господней: "Отче наш"

Отец наш!

Молитва Господня начинается обращением или воззванием. Это и необходимо, и естественно. Во всякой беседе с кем бы то ни было, во всякой просьбе мы начинаем с имени того, к кому обращаемся, а при важных случаях называем и чин или положение его. И эти обращения с первого же момента показывают на отношения обеих сторон друг к другу. В заголовке таком сразу проявляется и чувствуется тот основной дух, которым потом будет проникнуто прошение, или беседа, или письмо одного к другому. Притом, чтобы наименовать кого-либо известным именем, титулом, прилагательным словом, нужно, чтобы то лицо, к кому мы обращаемся, действительно было таковым и чтобы я знал это и чувствовал это, а если оно - выше меня, то чтобы мне было позволено так или иначе именовать его. Обращение - это сокращение отношений между двумя лицами, это фундамент, на котором будет стоять вся последующая просьба, беседа, письмо. И потому чрезвычайно важно, с какого первого слова научил нас молиться Сын Божий.

Отче! Отец!

Очень долгое время я не обращал внимания на это слово и не чувствовал его силы. Когда-то в школьном катехизисе, конечно, объяснялось оно, но вот каков печальный опыт: ни тогда, ни после оно не осталось в моём сердце как живое и постоянное чувство, и даже умственная память не толкала меня на внимание к этому необычайному имени. Слово это было для меня почти мертвым, сухим, безжизненным... И я потом много раз задумываюсь: отчего это случилось и даже теперь случается? Отчего нужно употреблять усилие ума и внимания, чтобы хоть сколько-нибудь установиться и ныне на понимании, а главное - на сердечном чувстве этого драгоценнейшего слова, на ощущении его? А ведь это так важно: от первой установки сердца зависит вся молитва дальнейшая не только во мне самом, но и в отношении ко мне Бога.

Каковы мы, таков и Бог к нам: Он открывает Себя в меру нашей восприимлемости и нашего отношения к Нему. Отчего же это было и бывает со мною? Это вопрос не мой лишь, а очень многих. И, может быть, тут сказывается не только мое личное состояние духа, но и результат школьного воспитания, а кто знает - нет ли здесь даже и широкого влияния восприятия религиозными массами (русскими, греческими или иными) самого христианства? Так или иначе, но скажу, что с самого детства моего мне никто почти не говорил о Боге как об "Отце"... Отец! ...Да это значит, что Бог мне близок, как папа, мама - мои родители... Это значит, что Он любит меня с исключительной силой и нежностью... Это значит, что Он заботится обо мне, как и родители. И совсем кратко и сильно: Он - родной мне, а я - Ему...

Нет, никто не учил меня этому - ни дома, ни в школах...

Правда, говорилось и училось, что Бог есть Любовь. Но никогда не внедрили в моё сердце живого ощущения этой любви Его. Наоборот, с самого детства - представление о Боге как о Судии, Воздаятеле! И в таком духе воспитывались мы и в школах.

И припоминаю, что только при постриге в монашество, на 27-м году, я в молитвах и наставлениях постригаемому услышал, точно впервые, о необычайной любви к нам, монахам, Бога: "Всецедрый убо Бог и многомилостивый... рекий: аще бы и жена забыла исчадие свое, Аз же не забуду тебе... да восприимет, и обымет, и защитит, и да будет ти стена тверда... утешения вина (причина)... совозлегая и сооставая с тобою". Конечно, много раз слышал я слова о любви Божией умом, но до сердца они дошли точно в первый раз тогда.

А потом опять долгое время не помню живого отклика в душе, как об Отце...

О, я множество раз испытывал опыты милосердия Божия, но это было более близко к Милующему Судии, чем к Отцу... "Отец" - это было что-то до такой степени далёкое, невысказанное, что сердце моё не смело даже и подумать подобное.

Отчего же нас так учили? Была ли это ошибка окружающей среды? Школы? Но тогда тоже ставится вопрос: почему они уклонились в такую ошибку, если то была ошибка? И была ли то "ошибка"? Или же тут была какая-то сокровенная правда, что мы больше думали не о Боге любви, а о Боге правды?

По этому вопросу мне приходят такие мысли. В православном восприятии христианства - а особенно у русского народа - всегда господствовало покаяние. И это происходило не от того, что русские были более грешны, чем иные православные и инославные христиане, а, наоборот - от высоких требований христианского учения. Идеал Христов так высок и совершенен, что внимательная душа всегда будет недовольна своим состоянием, несоответствующим ему. Так чуткий музыкант мучается и от малейшего диссонанса, а рядовому слушателю и большие ошибки незаметны. Святые люди всегда почти считали себя великими грешниками. В этом духе и воспитывалась Православная Русь. Следовательно, это была не "ошибка", а глубокое восприятие христианства.

Мне припоминается случай из прошлого. Одному человеку была подарена икона с надписью: "Просите у Бога благодати". Казалось бы, что тут невозможного или неприемлемого? Просить о радости, о милости Божией? Но в ответ на это пожелание было написано: "Где уж мне просить о благодати? Вот хоть бы пощадил меня Господь, окаянную грешницу". И это по-православному, по-русски. А она была совсем не какая-нибудь великая грешница, по мнению нашему, даже была - "жизни хорошей": чистой, богомольной, скромной, терпеливой. И это покаянное восприятие христианства так вкоренилось в русские души православные, что нам совершенно не вмоготу было переносить сектантские постоянные "благодарения" "дорогому Христу". Нам вообще было неприемлемо протестантское учение о "легком" спасении "верою".

Известно, что самую распространенную молитвою в православном богослужении являются два слова: "Господи, помилуй!" - Будь милосерд! "Боже, милостив буди мне грешному!" (слова мытаря). И вообще покаянные молитвы в частности, Давидовы псалмы, занимают весьма значительное место в приготовительных частях наших служб: на вечерни, на утрени, на часах, на домашних молитвах. И только на литургии Церковь поднимает нас на свою высоту "Евхаристии" (с греческого языка - благодарения, хвалы) - гимна Богу за спасение человечества, за восстановление сыновства людей Богу Отцу. Да, это так. Но таково воззрение Церкви, живущей духом Божиим, она в высоте своей достигла вершины славословия чадами своего Отца Небесного. Но ее немощные, слабые дети и доселе неспособны подниматься до такой высоты. Известно, что едва ли не большинство присутствующих на литургии верующих исполнены не чувства восторга и хвалы Отцу, а постоянным покаянным сознанием своего недостойнства и просьбами о прощении, помиловании да ходатайством о даровании им недостающего в земной жизни.

Отчего всё это так сокрушенно и грустно? Причина простая. Наша греховность, личное наше несовершенство не позволяет подниматься каждому из нас (за малыми исключениями) на высоту благонадежного торжества, а снижает нас всегда на покаянные просьбы. Потому мы, чувствуя себя всегда виновными, не смеем даже останавливаться на мысли об "Отечестве" Божиим по отношению к нам. Подобно ветхозаветным евреям, мы, недостойные, видим в Боге Судию, Всемогущего, Бога Сил, Воздаятеля, а не Отца своего. И от этого, а не от случайного или ошибочного воспитания в семье, школе и обществе и даже в Церкви, мы мало чувствуем это дорогое слово "Отец".

Трудно нам оно. Непосильно ещё. Мы - еще не настоящие дети Отца. Плохие дети. Впрочем, даже и хорошие дети не только лишь любят своего отца, не только ждут от него милостей, даров и нежности, но и боятся его. Правда, боятся совсем иначе, чем чужие дети или виновные боятся судьбу: боятся сыновним страхом, опасением потерять любовь своего отца. Но все же боятся - благочестиво боятся. И ангелы от страха закрывают свои лица пред

величием Творца. Но при всём том дети всегда сознают себя детьми своего отца и потому с надеждой, с доверием обращаются к нему.

Так и святые люди: пребывают и в страхе, но и в надежде на милосердие Отца Небесного. Даже не должно называть это чувство "страхом", а скорее благоговением. Их страх - от святой высоты, а наш - от нашей низости; это два разных по качеству страха. И хорошо, что православные люди не дерзают, при своей греховности, возноситься на ступени сектантской фальшивой радости и постоянной хвалы "дорогого Иисуса", "дорогого Отца". Смирнее, справедливее, богоугоднее, легче, спасительнее, полезнее - покаянное чувство постоянного сознания своего недостойнства, чем самомнительного самодовольства и легкомысленного упования на "Отца". И верю, что такое покаянное православное настроение угоднее Богу Отцу, чем дерзкое напоминание Ему о своем сыновстве и Его Отечестве.

Припоминается мне старший сын из притчи Христовой о "блудном сыне": воротившись с трудов (добрых дел) на поле (жизни), он с обидой ссылается на свою сыновнюю верность отцу, однако же недостаточно будто бы расцененную его отцом, а вот блудного сына, который недостойным считал себя даже и именоваться "сыном", а лишь просился в ряд последних рабочих наёмников, отец принял с распростёртыми объятиями и устроил ему пир.

Когда вот так рассмотришь всё это глубже, тогда поймёшь, что есть много оснований и святой правды в нашем покаянном сознании, как недостойных считать себя детьми Божиими, а лишь бы хоть оказаться неизгнанными совсем и быть принятыми в число последних наёмников.

Понятно становится, почему мы не чувствуем от всей души этого чудного слова Молитвы Господней - "Отче" - "Отец". Мы, может быть, не только ещё не дети, но даже пока и не "рабы" Его, не наёмники, а блуждающие вдали от Отца, ушедшие и отрекшиеся от Него дети, живущие в грехах со свиньями. И подобно тому, как опустившийся душевно принц скрывает свое прежнее высокое происхождение от знатного отца, так и мы, грешные, не смеем даже и внутри своего сердца, пред собственной совестью, а тем более пред лицом Всевидящего Бога, именовать Его Отцом. Это самое высокое имя заставляет нас ещё более смиряться и нагибать повинно голову. Мытарь, стоя у стены храма, не смел даже поднять очей своих к небу и лишь бил в грудь себя и говорил: "Боже! (а не - Отче!) будь милостив мне, грешному!"

Но при всём этом справедливом объяснении нашего недостойнства, мы не должны и не можем забыть этого слова - Отец!

Почему же? Разве Господь не знал о нашей греховности, когда учил Своих учеников этому слову?

Знал. И далее Он открыто скажет в Своей молитве о "долгах". Молитву эту Иисус Христос дал грешникам. Слушали Его грешники. И тем не менее, Он назвал Бога Отцом, уча и нас также именно называть Его во все века. И по одному этому мы не смеем отрекаться от данного поучения: Сам Бог так повелел.

Как же можно совместить указанное выше покаянное настроение с этим радостным и уповательным именем? Просто. Совсем просто. Как бы грешны ни были мы, но Бог Сам в Себе всегда остаётся Любовью. Бог всегда пребывает к нам в отношении Отечества. Это Его неизменяемое свойство - если только мы добровольно не отречёмся от Него сами - как это случилось с бесами, бывшими ангелами. И если мы прибегаем к Нему, то Он тотчас же обращается к нам стороною Отечества. Это Его свойство. Такова первая причина этого слова.

А вторая заключается в Сыне Его Иисусе Христе.

До Спасителя человечество не смело именовать Бога Отцом, близким себе. Но когда Сын Божий принял на Себя грехи людей и принес Себя в искупительную жертву за них, этим Он исходатайствовал право именовать Бога Отцом, Аввою (Рим. 8, 15), а нас - детьми и Ему "братьями" (Евр. 2, 17; 3, 14). Таким образом, в этом слове "Отец" сокровенно заключена идея искупления. Оно тогда ещё не совершилось, когда Господь говорил это. Но уже самое Его пришествие было началом искупления, и Он о будущем мог говорить уже, как

о настоящем. Ещё при крещении Христа Отец сказал Иоанну: "Сей Крещаемый есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же (через которого) благоволих", т.е. возвратил Свое отеческое благоволение к людям. И при рождении Его в Вифлееме ангелы пели пастырям: "Слава в вышних Богу... в человецех благоволение", конечно же, Божие. Ради Сына Единородного нам возвращено сыновство благодатное у Отца Небесного. Итак, и Сам в Себе, и ради Сына Искупителя, Бог есть воистину Отец. Сын Божий повелел и учил так. И ради этого одного мы и обязаны, и можем именовать Бога Отцом Своим. И какое счастье заключается в этом слове!..

Обратимся немного вглубь истории. Еврейский народ, как и язычники, за грехопадение были лишены отеческой милости. И именовали Бога преимущественно словами "Правосудный Мздовоздаятель". Но вот из уст Иисусовых эти же самые евреи, обыкновенные люди, рыбаки, рабочие, немногие вожди-фарисеи, слышат это новое имя: Бог есть Отец... Можно представить себе, каким радостным благовестием прозвучало для них это имя! И тем оно было сильнее, чем звучало непривычнее!..

Но лучше послушаем свое собственное сердце... Вот иной раз (и часто, увы!) читаешь Молитву Господню механически, мертво. И это слово промелькнет совершенно незаметно, бесследно.

А в другой раз остановишься вниманием на нём, но недостойное сердце, подавленное грехами, боится принять смысл его... Отец! Нет, я недостойн этого права считать себя сыном Ему, следовательно, для меня лично Он ещё не Отец... И больно на душе...

Но вот иногда и умом и сердцем воспримешь это святое слово... Даже побудишь себя принять его. Ведь именно так, а не иначе, научил молиться Сам Сын Божий! Следовательно, так это есть поистине! Так должно молиться. Не по дерзости моей, а по послушанию Спасителю нашему... И задержавшись на малое время вниманием, вдруг установишься в отношении к Богу как действительно к Отцу... И тогда открываются душе блаженные, утешительные мысли и чувства. И после нелегко и вспомнит, а в тот момент они переживаются совершенно ясно и ярко.

Отец... И тотчас Бог открывается прежде всего как Любовь... Бог любит людей... Значит, и меня носит в Своей любви... Как блаженно это чувство!.. А если любит, то и желает мне всяческого добра: и душе, особенно душе, но и даже телу моему, земному моему бытию. Он больше меня самого хочет мне добра. Он печётся о мне. Даже и о телесном существовании. И надежда входит в сердце... Но я грешный? Всё равно, и о мне грешном Он печётся... И не больше ли, чем о 99 праведниках! Ведь Он - Отец мне! А не -Судья, постоянно карающий. Пойду же к Нему с детским доверием, хоть и грешен... Ты - Отец: прими, не отвергай! И знаю: не отгонишь, не отвернёшься: Ты - Отец! Ты терпел меня тогда, когда я в грехах забывал Тебя совсем, а если и помнил, то всё же огорчал Тебя преступлениями моими. Но Ты не казнил сразу. Ты ждал моего обращения, Ты даже не страшил меня ужасами геенны и вечных мучений. Ты щадил меня и в грехе. Почему? Ты - Отец!..

Так неужели, когда я возвращаюсь к Тебе с покаянием, когда я обращаюсь к Тебе с молитвою, когда я для ободрения и надежды на моё от Тебя спасение называю Тебя Отцом, Ты отвернёшься от меня?.. О нет!.. Ты же Отец! Так именовать, и почитать, и обращаться, и чувствовать, и поступать повелел Твой же Единородный Сын, - а Он исполнял не Свою, а Твою волю, значит, Ты Сам хочешь этого. Потому дерзаю, побуждаю себя не страшиться Тебя! Подвигаю сердце своё навстречу Твоей Любви и говорю: Ты - и мой Отец!.. Потому уповаю, надеюсь... И в надежде радостной даже плачу утешительными слезами - так дитя плачет в коленях матери!.. И Ты приемлешь. Прошу милости. Ты дашь! Ибо Ты всегда - Отец!

А если Ты пошлешь мне временно и скорби - и их принимаю. Ибо Ты посылаешь их не как наказание мне, а как лекарство от Своей любви ко мне. Ты хочешь, чтобы я воротился сильнее к Тебе как сын, а Ты мог бы ещё больше любить меня как Отец. И тихим светом наполняется тогда душа. Боже! Боже! как чудно, что Ты - Отец нам! И никак никогда не должно забывать этого чудного, данного нам откровения: Бог - нам Отец!

Отец

Вот, казалось, я и "закончил" свои мысли надеждою на Отца. Но как волны сменяют одна другую, так и чувства опять набегают снова и снова. И нельзя, опасно и даже грешно пред Богом и своею совестью было бы замолчать их... Пишу их так, как они рождаются сами собою в живой душе в естественной последовательности, помимо даже моей воли и размышления... Может быть, Сам Бог посылает их так?

Как хорошо, как блаженно надеяться на Отца! Но тут же вспоминается, как многократно эта самая надежда на "Милостивого" была дурно использована моей слабой душой. "О, Бог милостив! - простит всё!" И снова впадаешь в грехи... Может быть, и у других так же бывало иногда? И вот самое высокое благо - Божие Отечество - обращается в повод ко греху... Какой это ужас и преступление - Самого Бога обращать в путь ко злу!!!

Что же? Или то не правда, что Он Отец? Нет, святая истина! Но я так греховен и слаб, что даже истину превращаю в ложь, свет во тьму... Оказывается, и надежда на Отца опасна мне... И тогда снова в мысли встает понятие "Праведного", "Судии". И мысль об "Отце" уходит в тень. Уже не чувствуешь Отца. Но не хочется опять оставаться только пред Воздаятелем "по делам"... И закрываешь очи ума, чтобы ничего не видеть: ни отечества, ни суда, ни наказания по правде... Но и это невозможно: от себя и Божьего света некуда убежать...

Что же делать? Ища выхода из этих крайностей - злоупотребления отечеством и надеждой на него, не знаешь, куда же склониться? Но все же как вспомнишь Молитву Господню и слово "Отец", хватаешься за Него, как за спасительный якорь: лучше уж погрешу в чрезмерной надежде, чем впаду в малодушное уныние; лучше буду уповать, чем отчаиваться. Но якорь этот все же держится на некоторой цепи - на покаянии или хоть на сознании своей греховности. Пусть и без слов и рыданий, но говорю: "Будь милостив к грешнику! Надеюсь на Твое спасительное милосердие! Верю, что как-либо спасешь меня недостойного и именоваться Твоим сыном!" И избавляюсь от уныния... Лучше опасность переупования, чем малодушного страха бесплодного. Однако из этих переживаний начинаешь понимать: почему иногда Сам Бог не показывает тебе Своей любви? Опасна она для нашей слабой природы! И потому та же самая любовь принимает вид "правды", чтобы этим вывести нас опять на путь спасения.

И ещё приходили мысли. Если бы мы были настоящими детьми, если бы мы действительно любили Бога, Своего Отца, то мы не грешили бы против Него. И сам знаешь, как прекрасно бывает сердцу, когда оно чисто. Как хорошо бывает после искренней исповеди! И внутренний дух говорит тебе: "Вот видишь, как блаженно быть в любви Божией! так не теряй же её..." Увы! Скоро слабеет эта сыновняя любовь и нежелание огорчать Отца своими грехами... Чуден наш Отец! Плохие мы дети. И всё же Отец Он.

Пришлось мне получить от одного светского человека удивительное размышление и "опытное переживание о Боге как Отце". "Ведь мы же все созданы по образу Божию и по Его подобию". Какая простая и святая мысль! Мы же, в самом деле, по самому творению Божию, - уже чада Его, как созданные по Его образу. И потому, каковы бы мы ни были. Он как первообраз наш, заботится о Своем образе и подобию, как отцы заботятся о похожих на них по рождению детях. Мы часто замарываем этот образ свой, но всё же он никогда не стирается до конца... До Страшного суда, когда отнимется совсем образ Божий от осуждённых.

Итак, с какого бы ни подойти пути, всё же мы снова и снова упираемся в спасительное слово "Отче". А суть этого слова - благость и милосердие. И не сойдём с этого спасительного основания. В этом суть христианства. В этом суть Евангелия, или - что то же по-русски - "благовестия". Так научил нас молиться Сам Спаситель наш! И так будем чувствовать и молиться.

Бог - воистину Отец наш! На сём стою! Это - моё упование! Это надежда для меня, грешного! Это моё утешение! В этом моя вера! Что бы ни говорили мне люди, что бы ни шептали бесы уныния - я слушаюсь Господа моего, научившего нас в молитве Своей говорить: "Отче наш".

Потому ещё и ещё думается о Боге, как об Отце...

Я вспомнил о блудном сыне, который не смел уже называть себя сыном, а просился хоть бы в наёмники... Но вот я в евангельском тексте прочитал то, что он всё же, несмотря на свою греховность и недостойность, все же назвал своего отца - отцом: "Пойду к отцу моему, - думает он про себя, - и скажу ему: "Отче!" и прочее... Так и мы: каковы бы ни были мы, грешные, - всё равно будем именовать Бога не иначе, как Отцом, подобно блудному сыну.

И ещё пришло мне на ум. Это имя Отца не случайно обронено было лишь в одном месте Молитвы Господней. Нет, его постоянно употребляет Спаситель в беседах с народом: "Любите врагов...да будете сынами Отца вашего Небесного... Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный (Мф., гл. 5) "Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно... Отец ваш знает, в чём имеете нужду, прежде прошения вашего" (Мф. 6, 1, 4, 6, 8). Это все говорилось ещё ранее Молитвы Господней. Потому не так удивительно было для слушателей, что этим же именем повелел Иисус Христос называть Бога и в молитве. Вообще, всё Евангелие полно этим именно словом: Отец. Это и есть плод искупления Христова. Он дал нам право так именовать Бога. Ничего подобного мы не видим не только у язычников в их религиозных книгах, но даже и у евреев в Ветхозаветном Писании. Потому никакой христианин не должен отказываться от этого святого слова: в нём - христианство, в нём - Евангелие.

Нехорошо и излишнее смирение, если бы молились иначе, а не слушались Господа. Хорошо смиряться в душе, считая себя "недостойным именоваться сыном", но всё же должно именовать Бога: "Отче!.. Приими хоть в наёмники". И когда восчувствуешь это Отеческое отношение к тебе Бога, то умилительно становится на сердце... Кто знает: если бы мы чаще чувствовали это Отечество, если бы мы знали бездну любви к нам Отца, то, может быть, меньше грешили бы.

Ещё мне хочется сделать несколько выписок из творений святых отцов по этому предмету. Некто спросил у преподобного Серафима Саровского: чего больше у Бога - "правды или любви"? И он ответил ему словами св. Исаака Сирского, которые давно мне запали в душу: "Не дерзни (!) назвать Бога правосудным: потому что не видно правосудия Его над тобою. Хотя (Писание) называет Его праведным и правым, но Сын Его объявил, что Он более благ и милостив; Он благ к неблагодарным и злым... Как назвать Бога правосудным, если прочитав повесть о блудном сыне, который расточил всё богатство своё в распутстве? По причине одного лишь умиления (сокрушения), выраженного сыном, отец выбежал к нему навстречу, заключил его в объятия и предоставил ему прежнее достоинство. Сам Сын Божий - не кто иной! - засвидетельствовал это о Боге: сомнению об этом нет места! Где правосудие Божие, когда Христос умер за нас в то время, когда мы были врагами Его?" (Слово 90).

Или вот слова другого святого отца, Ефрема Сирина, этого чудного проповедника слёзного сокрушения о грехах наших и надежды на милосердие Божие за покаяние. В "Слове о правде и благодати Божией" он пишет так: "Хвала благодати Твоей, которою хвалятся разумные: потому что, и утратив всё, могут ею всё возвратить! - Хвала Тому, Кто двумя средствами действует на бесстыдных - и милующими щедротами и жестокими ударами, чтобы страхом удерживать того, кто от щедрот любви Божией делается еще более дерзким в грехах. Слушайте и утешайтесь: хотя и страшна карающая правда, но, если человек кается, одна капля слёз уничтожает рукописание долгов. Слушайте и содрогнитесь: хотя море благодати (Бога) и исполнено щедрот, но, если человек не приносит покаяния ... не получит милости в день суда".

"Да сжалются надо мною и правда, и благодать, потому что всего меня покрывает невидимая проказа... И на мне да исполнится сказанное: где усилился грех, там сугубо восторжествовала благодать (Рим. 5, 20). Поелику во мне, Господи, превозмог грех, то да царствуют во мне щедроты!"

И в другом месте говорит он же: "Не упадай духом, душа, не скорби. Не произноси над собою решительного суда по множеству грехов. Не привлекай на себя огня, не говори: отринул меня Господь от лица Своего. - Богу не угодны такие слова! Разве - кто пал, тот не

может восстать?.. Или не слышишь, какова благодать Отца к блудному сыну? Не стыдись же обратиться, но с дерзновением скажи: восстав, иду ко Отцу моему! -Встань и иди!"

Нет, не отрекусь от Отца, что бы ни было со мной! Так научил Сын Божий! Вот и ещё мысли...

Может ли великий грешник или вообще сознающий глубину своей греховности назвать Бога Отцом?

Я уже говорил, что Спаситель дал эту молитву и для грешников. Не сказано: малые или великие грехи. Всякие: следовательно, и большие. Одно лишь условие прежде всего требуется: сознавать себя грешником, или - что то же самое, - так или иначе каяться. Потому и величайший грешник может именовать, когда молится, Бога своим Отцом.

Скажу даже больше. В этом самом наименовании - Отцом - уже кроется смиренное и покаянное настроение. Без этого настроения нельзя назвать Бога Отцом. Например, диавол ни в коем случае не в состоянии так именовать Бога. И нигде в Писании невозможно встретить такого случая. Чтобы именовать Бога Отцом, диаволу нужно бы перед этим и в этот момент смириться, почтить Бога высоким именем Отца, исповедать Его любовь и иметь хотя бы самую малую любовь к Нему. Но ничего подобного нет в диавольском сердце, и потому он не может назвать Бога Отцом. А если бы назвал - то спасся бы. И наоборот, когда человек, и самый великий грешник, называет Его Отцом, то он не может в тот момент не почувствовать своей греховности, смирения, почитания Бога и любви к Нему. И потому очень полезно и для великих грешников именовать Бога Отцом. Блудный сын, когда собирался грешить, и то называют Бога Отцом: "Отче! Дай мне следующую часть имения" (Лк. 15, 12). А в противоположность ему, старший сын, возвратившись с поля, когда Отец устроил пир покаявшемуся сыну, не вошел в дом: он осердился. А когда Отец вышел и "звал его" принять участие в радости, то этот мнимо хороший сын не почтил Отца не только своим послушанием, но даже и не назвал его Отцом, а грубо-гордо сказал в ответ Отцу: "Вот я столько лет служу Тебе, но Ты никогда не дал мне и козлёнка!" Не назвал его Отцом. И не мог. В тот момент у него была в душе вражда и злоба на брата и Отца. "А когда этот сын Твой, расточивший имение свое с блудницами, пришёл, Ты заколол для него откормленного телёнка". Да, когда мы не любим братьев, когда мы в злобе и гордости, вот тогда невозможно выговорить слово - Отец. Но и в тот момент Сам-то Бог остаётся нам Отцом и считает нас чадами. Смотрите, что сказал Отец старшему брату после такой сердитой речи его: "Сын мой! ты всегда со Мною; и все Моё - твоё". Да, мы плохи, но Бог всегда остаётся Богом Отцом и нам. Потому будем именовать Бога Отцом, хотя бы мы были великими грешниками, потому что это имя делает нас в тот момент лучшими, смиренными.

Припомню некоторые слова богоносных отцов древних и наших. У св. Исаака Сирского есть такие сильные слова об отеческой любви Бога к людям, что он их и мог выразить лишь в восклицании: "Ах, если бы люди знали, что Бог есть Любовь!" - Дальше не помню...

А из живших недавно подвижников (на Афонской горе), с которыми мне пришлось иметь переписку, один схимонах постоянно повторял эту главную мысль свою: "Как любит нас Бог!" У меня и сейчас есть некоторые письма его. (Он умер в 1939 году.) Приведу из них несколько выписок.

"Я хочу, чтобы вы жили по воле Господней и возлюбили Его единого. Он нас зело любит. Благодарите Его чаще за всё. И за скорби... Милостивый Господь любит нас и даёт нам скорби, чтобы мы были опытнее в духовной борьбе и побеждали врага благодатию Божию за смирение". "Господь особенно любит, когда мы молимся за людей". В другом письме: "Радуйтесь о Господе. Терпите скорби. Надеемся на Бога. Он зело милостив". Ещё: "Пишу вам (некоему мирянину) от лица Божия милосердия, что Он всем хочет спастись, смиренным же даёт благодать Свою, а она привлекает любовь к Богу и ближнему". Ещё: "Кто не любит врага, тот не познают Господа, сколь Он милостив, как Он много любит человека". "Кто правильно живёт, тот боится одного Господа... И душа его не боится ни смерти, ни грозы, ни зверей, ни разбойников, но во всём уповает крепко на Господа, Которого знает наша Святая Церковь: Он зело милостив и кроток, Он не помнит грехов

человеку, лишь бы он каялся и любил Бога и закон Его... Дай, Господи, вашей душе вкусить благодать Господню и Христово смирение". Ещё: "Господь Духом Святым открыл, как Господь любит Своё падшее создание! Я пишу и радуюсь! Я - великий грешник; но Господь меня не оставляет Своею любовью!".

Наш

В первый раз в своей жизни я почувствовал это слово, когда меня поставили во епископа. На другой день хиротонии новопоставленный архиерей обязан служить первую свою епископскую литургию. Всё шло обычно. И вот дошли уже до "Отче наш". По прежней привычке я, вникая в слова молитвы, хотел молиться (тоже не думая об "Отце") о себе лично: Боже мой... "Хлеб даждь мне"... "Оставь грехи мои"... и так далее - всё лишь о себе одном... И вдруг в начале же молитвы, при слове "наш" я почувствовал, что не имею права молиться только о себе самом, а должен молиться за всех. Нелегко это объяснить. Но помню, что мне блеснули такие мысли: "Ты теперь епископ: ты не себе уже принадлежишь, а всем, ты представитель Христа Спасителя и Его апостолов, а они были ходатаями не за себя, а за весь мир. И отныне и ты должен просить за всех, как за братьев и чад Божиих..."

Эти мысли мне тогда показались весьма новыми, небывалыми. И так я и начал молиться тогда. Но после, увы, - опять всё по привычке молился больше за себя: мне, мои, меня, а не нам, наши, нас... И потому в обращении "Отче наш" я не слышал душою этого слова "наш", а подразумевал "мой", хотя говорил "наш". А чаще всего я не ощущаю ни того, ни другого смысла: ни наш, ни мой, а только вообще - "Боже"!

Но ведь Спаситель научает молиться именно "Отче наш", а не мой. И вот теперь я, едва ли не впервые в жизни, должен задуматься над этим "новым" словом. И конечно, не одни лишь архиереи или иереи, как духовные отцы, обязаны так чувствовать и молиться, но и все люди: Господь учил этой молитве весь род человеческий, а не епископов лишь. Почему же так? Почему - не мой, а - наш? Какой смысл хотел вложить Спаситель, уча нас молиться так? Какие чувства должны руководить людьми, чтобы так молиться?

Мы, современные люди, так стали эгоистичны, самолюбивы, что и не задаёмся даже такой мыслью, чтобы молиться за всех. Каждый живёт сам по себе и для себя. Эта "самость" наша есть главное зло в мире. Всё - от неё. Ею пал первый бывший ангел. Она мать всех прочих грехов. Она - главная противница Богу. Она разделяет человечество. Она вводит вражду не только между близкими, но и обществами, и народами. Так - теперь.

Но не так было. И не так должно быть и будет в Царстве Отца. Человечество создано было для жизни в необычайной любви друг к другу. Человечество должно было представлять собою как бы единое древо, одну семью, "одно тело", как выражаются апостол Павел... Мы, современные грешники и самолюбцы, даже представить не можем, до какой степени единства и любви предназначалось человечество!

Откуда такие мысли? Они даны Самим Христом Господом в Его последней, предсмертной молитве к Отцу на Тайной вечере: "Не о них же (апостолах) только молю, но и о (всех) верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино... да будут едино, как Мы едино" (Ин. 17, 20—22).

Вот какая цель пришествия Христа Спасителя: воссоединить людей в единство между собою и с Богом... И при том нужно обратить внимание, что единство людей здесь устанавливается по подобию Божию, по единству Святой Троицы: "Как Мы едино". В этих словах кроется глубокое откровение о необычайном единстве человечества... Почему так? Ведь человек создан по образу Божию. А Бог, как мы уже видели в слове "Отец", есть Сама Присносущная Любовь: "Бог есть Любовь". И, следовательно, в силу единства Лиц в Пресвятой Троице, и в силу того, что Бог есть Любовь, - и созданные по образу Божию люди тоже предназначались жить в необычайнейшем единстве и любви... Мы, разделённые и безмолвные, не можем даже и вообразить себе такой любви теперь. Лишь святые люди, уподобившиеся Богу ("преподобные" Ему) по своей жизни, могут отчасти понять то, к чему призваны были люди при сотворении их и к чему их снова восстановил Христос Господь.

В Боге нет "Я", а только (скажу условно по человечески) "Мы", то есть Пресвятая Троица. Там полное единство по существу - и в воле, и в действиях. Это даже невозможно

понять во всей полноте! И лишь отчасти человек старается приблизить это к своему разумению. Есть знаменитая икона славного иконописца Андрея Рублева, икона Свято-Троицкой Сергиевой Лавры - "Троица", явление Троицы Аврааму в виде трех странников. Не знаю, какую идею хотел вложить [в свою икону] преподобный великий художник Рублев, но мне сразу открылся следующий смысл. В центре восседает Бог Отец. Справа - Сын. Слева - Дух Святой. Решается вопрос: как поступить с грешными Содомом и Гоморрою и с бесчадием Авраама... И вот Бог Отец не Сам Один предрешает, а поворачивается ликом Своим к Сыну направо и вопрошает: "Как Тот изволит?" Сын же, ничего не отвечая, поднимает смиренно Своё лицо к сидящему на противоположной стороне Духу Святому и переносит Свою волю на Того: "Вот - как Он, Дух!" Дух же Святой, едва поднимая Свое смиреннейшее лицо и очи, и как бы не смотря ни на Кого из прочих Лиц, молчит, склонив немного голову направо: "Что - Я? Как - Вы!"

Думаю, что не грешное дерзновение руководило мною при восприятии этого смысла: в нём выражается идея - единства в Троице. У Них нет самости, и своеволия, и своемыслия; наоборот, каждое Лицо отрекается от Своей воли в пользу других, от Своей мысли в пользу прочих. Поразительно это единение в смирении!

Вот так бы должны были и жить люди: не для меня, а для нас; не по моей воле, а по желанию других; не я, а как - ты, как вы. Но Боже, Боже! как мы далеки от этого! У нас везде, всегда, прежде всего - я, я, я! Так пал род человеческий!

Но не так было, не так должно быть. И вот Восстановитель человечества Сам благоволил возродить потерянное единство в любви: Сын Божий сделался человеком и включил Себя в человечество, наименовав Себя "Сыном Человеческим", членом человеческой семьи. И так слился с нею, что взял на Себя грехи всего мира и пострадал за них, как бы за Свои собственные. А потом послал людям Святого Духа, Который и стал объединять в любви человечество. Народилась Церковь Христова, как Тело Его, а Он - Глава её. И когда мы крестимся, то тут и совершается это включение нас во Христа, а через Христа - в Троицу: "Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь", поют слова апостола Павла. Мы, как новая ветка, "прививаемся" к дереву Христу (см. Ин. 15, 4: "Я семь лоза, а вы - ветви"). И если бы мы сохранили святость крещенскую, то были бы подобны ангелам: в любви и единстве... Увы, мы грешим! И снова разрушаем своё благодатное совершенство. После нужно покаяние, чтобы опять восстанавливать потерянную святость крещения... Покаяние - второе крещение. Вот где корни слова "наш": человечество, созданное и воссозданное, должно бы жить в полном единстве и любви. В некоторой степени это осуществляется в Христовой Церкви, где объединяются все народы, все классы, всё человечество, - как этого никогда не было до Христа. А вполне объединится человечество после всеобщего воскресения в Царстве Пресвятой Троицы: "Да будет все едино, как Мы - едино".

И когда подумаешь о таком единстве, то так печально становится за себя и вообще за человечество, которое живет в постоянной вражде, ссорах, самости, корыстности, войнах, разделённости... Но при всей нашей обособленности извечно живёт в человечестве идея единства рода человеческого. Все лелеют эту мечту. Все страдают от борьбы. Всегда появляются люди, которые стараются воплотить эту идею в жизнь. То цари, то философы, то политические деятели стремятся объединять человечество... Но увы! Доселе эта мечта остаётся у них мечтой... И только в истинной Церкви Христовой началось объединение: "никто ничего не называл своим; а у всех всё было общее". И то ненадолго (Деян., гл. 2 и 4). Однако в мире нет иного места и иного пути к объединению, как через Церковь во Святом Духе. Все прочие попытки были и будут тщетными. Только единством во Святой Троице возможно воспитывать единство. И то с каким трудом! С какой борьбою! Даже и от единой Церкви подразделились части, и все делятся больше и больше... Бедное человечество!

Но это всё слишком покажется "возвышенным"? Тогда оставим богословствование и спустимся к более низким понятиям.

Если Бог - Отец, и Отец, конечно, не мой, а общий, то ясно, что мы все братья по Отцу. Мы должны помнить, что Бог не "меня" лишь одного любит, не мне одному лишь

Отец, а всем нам... Какая это новая и чрезвычайная идея была для еврейского народа. Ведь евреи были воспитаны в совершенно другом воззрении: лишь они - единственный народ, любимый Богом и избранный Им. Они весь мир разделяли на два лишь лагеря: мы и прочие, иудеи и язычники... И вдруг Господь говорит: молитесь: не Отец мой, а Отец наш... Правда, здесь ещё нельзя непременно и сразу усмотреть единство иудейского и не-иудейского миров, но уже несомненно очевидно, что этим словом "наш" разрывается та самостная, эгоистическая преграда, которая до Христа отделяла "меня" от "не меня", от "них". Отныне дается этим словом сознание, что человечество, люди - едины; сначала - среди одного общества, племени, народа, а потом - и среди всего человечества. Отныне никто не чужой мне, и я никому. Уже нет "я", а есть "мы". Достоин примечания это сознание единства в русском простом народе. Если мы, интеллигенты, всегда говорим о себе в терминах "я", "меня", "мой", и если также именно говорит крестьянский люд о высших классах ("ты", "барин"), то о себе крестьяне часто говорят "мы", как о каком-то едином, единомысленном коллективе. Не результат ли это христианского воспитания Церкви?

Но лучше обратимся каждый к себе! Что я должен чувствовать, когда теперь произношу слово "наш"?

Я знаю теперь, что должен молиться за всех: сначала хотя бы за самых близких мне - родных, знакомых. Но и это ещё не высоко: это всё же опять "мой". Поэтому я обязан молиться и за "чужих", за тех, кого мы привыкли называть этим холодным именем и считать их такими, и действительно не носить их в сердце своём. Отныне и "чужие" - мне не чужие, а свои. Мало того, я теперь должен молиться и за врагов. Ведь они тоже люди, Бог и им Отец, как и мне. Отец Небесный "повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных" (Мф. 5, 45). Поэтому если мы, по-язычески и по-иудейски, любим лишь "любящих нас", то это не высоко. Но когда "любим врагов", "молимся за обижающих нас", вот тогда только мы начинаем любить по-настоящему. И таким сказано Спасителем: "Да будете сынами Отца вашего Небесного" (Мф. 5, 45). Вот когда лишь христианин становится чадом Отцу!

Бог есть Любовь, и от нас, особенно в молитве, требует любви друг ко другу. Иначе и молитва наша Ему негодна будет. "Если ты принесёшь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя... пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда прииди и принеси дар твой" (Мф. 5, 23—24). И наоборот: Господь очень любит, когда мы не за себя лишь молимся, но и за других. А самая угодная молитва Ему, когда мы молимся за врагов наших: тогда мы уподобляемся Ему в любви.

И удивительное дело! Как только человек начнёт молиться за кого-нибудь, тотчас же этот человек станет уже не "чужим" ему. Опыт всякому из нас показывает это. Стоит лишь начать упоминать, хотя бы только упоминать умом и языком, имя человека, как он начинает нам быть уже близким. Больше того: если мы хотим выбросить из сердца своего яд злобы к "врагу" нашему, то нужно молиться за него. И почти в то же самое время, и уже во всяком случае скоро, мы увидим, как вражда исчезает. А если больше молиться, то не только сам почувствуешь мир ко "врагу", но и тот переменится к тебе. Господь сотворит чудо любви.

Но если бы "враг" и не переменился к тебе, то на тебе, на каждом из нас лежит этот святой долг молиться и за него, а его уже предоставь Промыслу Божию. Думай о себе сначала, о своем расположении к нему, или хоть бы "поминай" его в молитве, и для тебя будет благо. И уже тебе-то несомненно будет милость от Отца за такую молитву. Но молись искренно. А если нет расположения в сердце, то принудь себя насильно помянуть его, и то будет для Бога угодно, а для тебя довольно. Дальнейшее Сам Бог даст: ты лишь начни, что можешь.

А если ты не брат другим, то и тебе Бог не Отец.

О! как много обязывает это слово: "Наш"! Оно требует высоты от меня - любви! А мы так холодны... Так "чужды" друг другу... Мы даже в так называемой "любви" бываем эгоистичны: ревнивы, завистливы, раздражительны, требовательны. Истинная же любовь жертвенна: она хочет добра для другого, а не для себя, от себя же отказывается. Да, истинная любовь - дело очень высокое! Она - конец совершенства, как говорит апостол Павел. Мы же

весьма часто играем этим святым словом: воображаем, что имеем любовь, когда её нет, или принимаем за истинную духовную любовь нечто иное...

Однако и при всём этом нашем несовершенстве в любви всё же должно молиться и за других: и эта самая молитва - или Бог за молитвы наши - всё приведет к добру и истинной любви.

"Иже еси на небесех"

Эти слова, кажется, не требуют особенных размышлений... Бог всегда представляется человеку живущим "на небесах". Бог - Небесный, а не живущий на земле, не земной. Но мне желательно проникнуть лишь в мысль: почему Спаситель упомянул об этом. Кажется, это слово само собою понятно, и не требовалось непременно говорить его. Но если Господь всё же сказал его в Своей молитве, то и оно нужно было и нужным остаётся для каждого из нас и теперь. Значит, должно задуматься и над ним, над его живым смыслом, над спасительным значением его.

Может быть, для евреев оно нужно было потому, что многократно они падали в склонность к идолопоклонству, к почитанию земных идолов, увлекаясь языческими верованиями и представлениями. Известно, что ещё при Моисее, в отсутствие его, [когда он был] на горе Синайской, они слили тельца золотого; потом много раз приносили жертвы "богам" "серебряным", "литым". Потому постоянно требовалось напоминать им, что идола не суть "боги" (Исх. 20, 23; 23, 13, 24; 32, 31; 34, 17 и т.д.).

Ещё больше это имя нужно было для языческого мира, для которого тоже предназначалась Молитва Господня.

Но помимо этого имя "Небесный" открывало новое понятие о Боге, как о существе святом, бесстрастном, пречистом, духовном, надмирном. До Христа Спасителя не только язычники, но даже и иудеи страдали материалистическими воззрениями. Язычники представляли богов своих человекообразно, со свойственными грешному человеку страстями. Иудеи этого не имели; но и для себя искали от Бога часто преимущественно земных благ. И при таком настроении имя "Небесный" не только отрывало молящихся от идолопоклонства земным истуканам, но возвышало души их вообще от всякого земного пристрастия к духовному благу, чистому, святому, "небесному", как свят Бог Небесный.

Теперь обращусь к собственным переживаниям от этого имени - ведь молитва дана всем нам и на все времена. Какие чувства вызываются им?

Для меня и это имя прежде было весьма бледным, не затрагивало сердечных моих чувств и не возбуждало особых мыслей. Первое, что приходило в душу от этого слова, было как бы пространственное восприятие Бога мною: произнося его, я точно отрывался умственно от земли и... уносился далеко-далеко в "небеса", "куда-то". Так было с детства; но это истинно детское понятие долго-долго оставалось и жило в моей душе, когда я хотел "вникнуть" в слово "небесный". Но не думаю, чтобы это было правильно; "небесный", конечно, не означает "места": для Бога нет места в нашем смысле слова. Бог вездесущ и всесовершенно духовен, не подчинен понятиям пространства и времени. И потому относить Его в моём уме "куда-то" далеко было действительно детским делом, хотя по возрасту я уже был очень далёк от детского состояния. Разве одна была польза и от этого детского "понимания": "Небесный" Бог "где-то" все же действительно есть, хотя я Его и не видел, не осязал кругом себя на этой земле! И, с другой стороны, эта самая "отдалённость" Его смиряла меня, как недостойного зреть Его вот здесь, близко, "около": Бог должен был казаться мне недостижимым, несоизмеримым, непостижимым. Для начального состояния это воззрение на Бога, как "далёкого", было и приемлемее, и полезнее даже: Он представлялся Всевысочайшим, Безграничным, столь неподобным нашей грешной земной жизни.

Но после мне вскрылось, что такое понятие таило в себе не только неверность представления о Боге, но было неправильно и в смысле моего отношения к Нему. А именно: Бог, как вездесущий, никоим образом не должен быть представляем где бы то ни было пространственно, "далеко": Бог везде. Он и тут...

Вот я написал это слово "и тут", - и мне показалось оно опять "новым", как и многое иное в Молитве Господней...

Читатель! а как вы привыкли представлять Его прежде? Понимали ли и переживали ли вы Его так? Вот "тут", близ? Или и вами Он мыслился тоже "где-то далеко-далеко"? Если да, то мы с вами очень неверно позволяли себе мыслить о Нем. И это было нам духовно бесполезно. "Он недалеко от каждого из нас!" - говорил апостол Павел философам в ареопаге афинском (Деян. 17, 27). А филиппийцам прямо сказал: "Господь близко" (Флп. 4, 5). Да и простое понятие вездесущия требует, чтобы Господь был именно близ, везде "и тут": вот возле меня...

Такое восприятие Бога "близ", и в мысли и в сердце, ощущали все святые. А из современных нам особенно ярко мы видим это в о. Иоанне Кронштадтском. В своём дневнике, а следовательно, и в душе, он постоянно настаивает, чтобы мы мыслили Бога, Богородицу, святых не "где-то далеко", а вот именно близко... Бог ближе, чем душа к телу... И такое представление - а оно истинное - придавало бы нашей вере, а потом и молитве, необыкновенную живость... Бог "тут" - через это делался как бы более "живым" для меня, более реальным... А это, в свою очередь, тотчас отражается и на всех переживаниях души: молитва становится живее как бы говорить "во уши" Господу, превращается в "беседу" с Ним или в горячую неотступную мольбу... Человек как бы хватается за "руку" Божию или, как евангельская кровоточивая, - за ризу Господню... В этом смысле мне представляется весьма образным и сильным жизненным фактом тот сон-действительность, который видел праотец Иаков около потока Иавок. Выпишу.

"И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари; и, увидев (Сей Некто, т.е. Бог), что не одолевает его (не может оторваться от Иакова), коснулся состава бедра его... И сказал ему: отпусти Меня, ибо взошла заря, Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня... И благословил его там. И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл (Вид Божий.); ибо, говорил он, я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя. И взошло солнце, когда он проходил Пенуэл; и хромал на бедро свое. Поэтому и доныне сыны Израилевы (потомки Иакова-Израиля) не едят жилы, которые на составе бедра" (Быт. 32, 24-32).

Много смыслов в этом видении. А один из них позволительно усмотреть в необыкновенной неотступности и действительности молитвы Иакова: "не отпускают" Бога от себя. В Новом Завете Сам Спаситель высказал ту же мысль в притче о неотступной вдовице, которая "не давала покоя" судье, прося его защитить её от соперника. Сказал эту притчу Господь потому, "что должно всегда молиться и не унывать". И "Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит (по Своим премудрым и полезным нам планам) защищать их?" (Лк. 18, 1-7).

И другая польза есть от такого "зрения Бога одесную себя", как говорит псалмопевец Давид: "Твердость в надежде на Бога, а отсюда веселие души". "Благословлю Господа, вразумившего меня... Всегда вижу пред собою Господа: Он одесную меня; не поколеблюсь. Поэтому радуется сердце мое, веселится дух мой; даже плоть моя спокойно отдыхает... Ты покажешь мне путь жизни: обилие радостей пред лицом Творим, утехи в деснице Твоей навеки" (Пс. 15, 7-11).

И про другого праотца, Еноха, тоже сказано в слове Божиим: "И ходил Енох пред Богом", и за это "Бог взял его" на небо живым (Быт. 5, 24). Здесь оттеняется новая мысль: святость жизни. "Ходить пред Богом" - значит вести себя так, как если бы всякий шаг, всякую мысль и движение сердца совершать пред лицом Всевидящего, будто Он вот стоит здесь... А это "хождение" невольно побуждает такого человека быть в постоянном страхе пред Господом, Который зрит всё, до последних мельчайших изгибов души нашей... А когда "нет страха Божия пред глазами" (Пс. 35, 2) нашими, то мы погрязаем в беззакониях...

Вот каких благих последствий лишаемся мы, когда представляем Бога где-то далеко. Тогда вера наша как бы тоже уходит вдаль, остывает. И наоборот, когда мы зрим Его "близ" себя, тогда всё оживает... Посему я и сказал, что не вполне благоразумны наши детские представления о "небесности" Божией, как об отдалённости. Но несмотря на это наше

несовершенство. Спаситель всё же благоволил научить нас в Молитве Господней именовать Бога "Небесным". Следовательно, мы обязаны усмотреть в этом слове тот смысл, который благоугодно было вложить Ему в него. Я позволяю себе допустить, что этим Он учил нас не только мысли о надмирности, премирности Бога, не только как существа духовного, не только как непостижимого уму человеческому, но и как Бытия действительного, совершенно отличного от всего тварного, земного, материального - хотя бы в самом тончайшем смысле этого слова... А если так, то оказывается, что так называемое "детское", "простое" представление наше о Боге, как о Существо "далёком", уже не так далеко от истины. Но только не должно отдалять Его настолько, чтобы погасла самая вера и живость ощущения Его: Бог премирен, но и близок. Премирен - по существу; близок - по Божественному благодатному всеприсутствию к нам; но Он совсем-совсем не то, что мы, тварь. Он Небесный, Он - Дух.

А отсюда тотчас же следует следствие, о котором прекрасно сказал апостол Павел ослабевшим нравственно колоссянам: "Ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога. О горнем помышляйте, а не о земном... Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолопоклонство, за которые гнев Божий грядет на сынов противления, в которых и вы некогда обращались... А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись (сбросивши) ветхого (страстного) человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его... Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно... как Христос простил нас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. И да властвует в сердцах ваших мир Божий" (Кол. 3, 1-15). И дальше: "Жены, повинуйтесь мужьям... Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы. Дети, будьте послушны... Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали. Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога. И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для людей" (Кол. 3, 18-23).

Я намеренно выписал так много из слов апостола Павла, чтобы в нашем сознании осталось не столько высокое богословствование, сколько полезное и правильное духовное настроение и практические жизненные святые выводы из слова "Небесный".

Это особенно интересно по сравнению с колоссянами. Как видно из послания (Кол., гл. 2), там любили заниматься философствованием и пустыми обольщениями, только видом мудрости; между тем в жизни их общины стали наблюдаться совсем невысокие нравы: нечистота, вражда, гнев, сребролюбие и проч. И чтобы смирить их, апостол советует им вместо этих мнимо-возвышенных "философий" обратить внимание на свою жизнь. Основанием же к святой жизни он указал на вознесшегося ко Отцу Христа. Они (повидимому, под влиянием гностических фантазий) занимались рассуждениями о высших предметах, о степенях ангелов, об отношении их ко Христу (учение об эонах). Апостол же говорит им, что действительно всё сосредоточено во Христе одном, о Котором и подобает помышлять. Христос же вознесся на небо - о небесном, а не о земном и подобает помышлять христианину, бросив всякую "пустую философию". Христианство дано нам не для теорий, а для жизни. А эта жизнь на небесах, а не на земле. Таким образом, это столь обычное для нас слово "небесный" совсем не оказывается безжизненным, а наоборот - самым жизненным: оно сразу возвышает наш ум туда, где наш Бог Небесный; оно отрывает нас сразу от земного; вводит в молитву в самом начале её некий дух чистоты, возвышенности, святости; оно отрывает нас от привязанностей к этому страстному, тленному, временному миру; оно возводит нас на небо, хотя бы мыслью, вниманием, устремленностью туда. И как говорилось в общем обзоре Молитвы Господней - она сразу же отделяет нас от земли своим "мироотреченным" духом. Всё - к Богу, к Небу, где живёт Небесный Отец.

Это слово "небесный" приводит естественно к покаянию: "Какой же я "небесный сын" Истинно Небесного Отца?!"

Как я далёк от Него! И невольно из этого слова "небесный" прокрадывается незаметно, но правильно, дух смиренного сокрушения и покаяния о своей "земляности"... А вслед за ним, пожалуй, может прокрасться и лукавый дух; под видом сокрушения он хитро подставит уныние и малодушие: "Ты так далёк от неба, как небо от земли, и потому бесплодны твои возношения к небу; Бог так высок и далёк от тебя, что тебе и не стоит обращаться к Нему, чтобы не прогневать Его своими грехами".

Но вот тут на помощь приходит то первое слово, которое произнес Спаситель: "Отче наш!" Отец! Нет, Отец не бросит своих детей. Отец Сам выбежит навстречу к кающемуся детищу... И тогда сердце опять наполняется надеждою, с которой так тепло стучит в него слово "Отец"...

И теперь мне кажется, что слово "Небесный" и "Отец" взаимно восполняют друг друга. Отец - это любовь, нежность, милость, прощение, попечение, надежда, радость... А Небесный - это святость, совершенство, надмирность, премирность, возвышенность Бога над всею тварью... Там - как бы тепло; здесь - прохлада. А если образно считать их, то получится не разнеживающая, не расслабляющая земная горячность, а тепло-прохлаждающая вечная заря. Так и поётся про Спасителя на вечерне - "Свете Тихий" - при свете вечернем. А в древности Бог явился пророку Илии в виде "гласа хлада тонка", т.е. в веянии тихого ветра (3 Цар. 19, 12).

Итак, слово "Небесный" вносит в Молитву Господню понятие о надмирности Бога и требование чистоты, святости.

Отец Небесный зовёт и меня к Небу с земли к Себе!

Ещё об имени "Отец"

Ум и сердце всё вращаются ещё около "Отца нашего".

А. Думалось: если бы даже вместо всей молитвы осталось лишь одно слово - "Отец" - и тогда в нём было бы сказано всё прочее: остальные слова и прошения могут включиться в это святое имя. Как? "Отец" (или мать в жизни чаще) всё знает, что нужно нам. Так и сказано в Евангелии: "Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом" (Мф. 6, 32). И ещё прямее: "Знает Отец ваш... прежде прошения вашего" (Мф. 6, 8). И непосредственно за этим Спаситель сказал молитву "Отче наш". Она кратка. Но в слове "Отец" заключено всё последующее. Так и дети нередко (особенно в младенчестве, когда ещё не умеют лепетать) говорят лишь одно слово - "ма-ма", а она уже знает, в чём нуждается ребенок... И к Богу обращаться можно с одним словом - "Отче!"... И приходилось обращаться, когда страдает сердце и нет сил ни обещать, ни просить даже. Тогда вырывается это одно надёжное слово - "Отче"... И всё отдаёшь на Его благу и всемогущую силу и любовь...

Часто и в житейском быту мы говорим: "О, Господи!", "О, Боже!" Помню в Санкт-Петербурге одна старушка споткнулась возле академии, и сразу вырвалось у ней это слово: "Ой, Господи!"

Б. Отец... Значит и любит... И тогда легко просить у Него обо всём.

В. Если Он - Отец, то я и плачу, и надеюсь на Него... И плачу даже именно от того, что Он - Отец и мне... И я изливаю Отцу свою скорбь и беду.

Г. Когда говорю "Отец", то приходит мысль: не тебе одному, а и всем Отец. И тогда другие становятся ближе. И не судишь их уже строго... А любишь их...

Д. Иногда от этого слова "Отец" глубже сознаёшь свою греховность. Не разберусь даже: почему это? Может быть, стыдно оттого, что огорчаешь Отца Милостивого?..

Е. Отец... Следовательно, могу просить и просить... Как бы ни был плох...

Ж. Отец... А я ленив в молитве и добрых делах: сокрушаешься...

З. В Евангелии сказано: пред концом мира будут "дни отмщения"... следовательно, не одно лишь помилование может быть и для меня, а "отмщение"... Помилуй меня. Отче!

И. Любовь, любовь - как бы не опуститься ещё ниже от такого милосердия ко мне...

К. Помни: Бог непременно всегда и Отец тебе и нам. А то всё забываешь об этом.

Л. Отец... Как я недостоин... Но всё же - прости!

М. Отец... Он и на хороших и на дурных изливает милости... Потому и Отец...

Н. Херувимская... "Как херувимы": трудно на душе пред Богом... а "Отец" -можно...

О. Отец... Всякий раз "просторно" молиться сердцу... Какая милость Божия, Отчая!

П. Но всё же сказано на литургии перед Молитвой Господней: "И сподоби... Владыко, со дерзновением, неосужденно смети (осмелиться) призывать". Страшно. Но поют...

Р. Отец... Следовательно, Ты хочешь спасти нас... И можешь. Прошло.. Молю... Как знаешь, -"ими же веси судьбами" (молитва в конце 3-го часа).

С. Отец... Если и не хочу делать святое, хочу грешного. И тогда всё-таки языком или умом повторяю Отцу: не хочу, а спаси... Есть на утренней молитве такие слова: "Но аще хошу, аще не хошу, спаси мя"... Я думаю, что большею частью мы не хотим избавиться от влекущего греха. И следовательно, остаётся просить: не хочу, а спаси. Отче!

Т. Отец... Как это слово приближает Бога...Близок Он к нам...

Мне приходили мысли, что это преславное имя должно предшествовать каждый раз всем прочим прошениям. Всякое обращение остаётся всё время, пока мы беседуем с кем бы то ни было или просим его. Но я обращаю на это внимание потому, что несмотря на всю чрезмерную ценность этого благословенного имени "Отец", мы забываем его даже после того, как произнесли его с чувством и пониманием. Пока ещё я говорю это слово и задерживаюсь на нём вниманием, я ощущаю радость и благодать "Отечества" Божия ко мне, но как только перехожу к дальнейшим просьбам, то уже погружаюсь в их смысл оторванно от имени "Отец". Иначе сказать, я опять стою просто пред "Богом", но уже не "Отцом". А это совершенно неправильно по существу и может значительно менять дух дальнейших молений. И наоборот, когда я всё время стою в памяти об "Отце" моём и нашем, то это отражается и на тоне моих прошений. Как? Увидим сейчас, при объяснении их. А пока я дерзаю помнить и чувствовать это святое имя в течение всей молитвы неотступно. Пусть "Отец" проходит через всю её.

А это приводит меня к мысли и чувству, что в Молитве Господней это слово и этот дух (Отечества) окажется главенствующим, господствующим. И к тому, что было говорено мною в общем обзоре молитвы (о Боге, надежде, мироотреченности), не только нужно добавить это понятие Отца, но и поставить его даже на первое место по смыслу и духу молитвы... И тогда получится, что основная идея её заключается не просто в слове и бытии "Бог", но непременно - "Бог - Отец наш". Это и придаёт тот дух необъятной надежды, какой мы чувствуем во всей молитве. Приведу для ясности некоторые переживания последних дней на литургии.

Вот станет на сердце тяжело от разных воспоминаний... И обращаешься к Отцу... Он знает всё мое прожитое и настоящее... И вижу (по многим признакам) - не оставил меня. И не желает оставить: Он - Отец... И станет снова покойно...

Или вижу свою беспомощность. Сердце впадает в малодушие и уныние. Опять обращаюсь к Нему как к Отцу. И снова надежда возвращается в душу: Он поможет!

И много-много подобных утешительных надежд входит в моё сознание, когда начинаешь вчувствоваться в это чудное слово. Всего после и не вспомнишь.

Прочитал я свои объяснения простой женщине - богомолке. Она слушала с глубоким вниманием. После я спросил её: - Какие впечатления остались в душе твоей? Она сначала стеснялась высказаться, а потом, по просьбе моей, ответила: - Утешительно!

- А не подаёт ли мое объяснение повода к мысли: ну-де Бог милостив - можно и грешить: Он всё простит?

- Не-ет! И сокрушение в душе остаётся. Я весьма порадовался такому восприятию: значит, я не перегнул ни в какую сторону.

Но всё же сам стою и хочу стоять на милости Божией. Бог есть Любовь. Это мне даёт жизнь и поддержку.

Но часто снова забываешь про это. И нужно напоминать себе самому: Бог - Отец.

И это даёт живость в вере, и молитве, и спасении.

Не менее часто забываю - и теперь - слово"наш", а не мой только. Между тем, всё это неразделимо. Мне пришло в мысль такое сочетание первых трех слов: "Отец" - это говорит о

любви Божией к нам; "наш" - говорит о любви людей друг к другу; "небесный" - говорит о том [месте], где эти обе любви соединяются, о единстве всех с Богом и всех людей: не здесь, в этом мире, а там, в ином уже мире...

Там - блаженство и торжество истинной Любви.

Прибавление. Первое прошение: "Да святится имя Твое" (истолкование словами святых отцов)¹

Святитель Иоанн Златоуст. "Да святится имя Твое", - говорит в молитве усыновлённый Богу по благодати. Ничего не просить прежде славы Отца Небесного, но всё почитать ниже хвалы Его, - вот молитва, достойная того, кто называет Бога Отцем. Бог имеет собственную славу, исполненную всего величия и никогда не изменяемую. Её созерцая, и серафимы славят Бога, взывая: "Свят, свят, свят" (Ис. 6, 3).

Пусть никто не имеет безрассудной мысли, будто Богу даруется прибавление святости словами: да святится имя Твое. Он - свят и всесвят и святее всех святых. И серафимы приносят Ему такое песнопение, непрестанно взывая: "Свят, свят, свят Господь Саваоф; исполнь небо и земля славы Твоея" (Ис. 6, 3). Как те, которые приносят хвалы царям и называют царями и самодержцами, не дают им то, чего они не имеют, но славословят то, что имеют, так и мы не сообщаем Богу святости, как бы не бывшей у Него, когда говорим: "Да святится имя Твое", но прославляем находящуюся у Него, ибо "да святится" здесь сказано вместо "да прославится".

Святитель Тихон Задонский. "Да святится имя", т.е. да славится имя Твое, глаголет Златоуст. Сие значит, чтобы мы ничего иного, как только славы Божией не искали. Достойна молитва того, глаголет Златоуст, который Бога Отцем нарицает, ничего не просит прежде славы Божией, но всему предпочитает хвалу Ему. Имя Божие свято и славно есть без нашего прославления, но мы должны стараться, чтобы и в нас оно славилось.

Святитель Феофан Затворник. Вторая мысль в словах "да святится" есть - да благоговейно читается. Ибо что свято, то окружаем мы всяким почтением, пред тем всегда благоговенствуем, к тому относимся с должным страхом. "Да святится имя Твое" будет то же, что "страх Твой всади в сердца нас, поющих Тя!" И пристойно сему прошению стоять на первом месте, ибо благоговейный страх Божий есть источник духовной мудрости и богоугодной жизни. Кто его имеет, тот имеет и руководителя, и возбудителя, и подкрепителя. Пока он есть, душа бывает полна несокрушимую силою против всякого греха и на всякое добро. Поелику таким образом он есть первое в духовной жизни, то о нём и первая молитва.

Святитель Иоанн Златоуст. "Да святится" значит - да прославится. Т.е. сподоби нас так чисто жить, чтоб чрез нас все Тебя славили, пред всеми являть жизнь столь неукоризненную, чтобы каждый из видящих оную возносил хвалу Владыке. Это есть признак совершенной мудрости.

Святитель Тихон Задонский. Имя Божие прославляется, когда Слово Его чисто проповедуется, и мы по слову Его житие наше исправляем, якоже глаголет Христос: тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваши добрые дела, и да прославят Отца вашего, Иже есть на небесах. Сего сами мы, без Божией благодати, чинить не можем; того ради просим Небесного Отца, да тое милостиво нам подаст. Отсюда примечается немощь наша, что мы без Бога никакого добра не можем творить, якоже глаголет Христос: без Мене не можете творить ничесоже. Аще просим, дабы свяtilося и славилося имя Божие, то не должно нам нашему имени славы искать от дел добрых. Кто иначе учит или живёт, как слово Божие научает, тот имени Божия не прославляет. Сего ради, чтобы до того Сам Бог не допустил нас, молимся Ему: "Да святится имя Твое".

Богу нашему слава всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

¹ В рукописи митрополита Вениамина отсутствует толкование на первое прошение Молитвы Господней. В целях восполнения - необходимой завершенности - здесь помещаются фрагменты из книги святителя Феофана Затворника "Истолкование Молитвы Господней словами святых отцов" (М., 1898). - Ред.

Второе прошение: "Да придет Царствие Твое"

"Да придет Царствие Твое". Таково второе прошение.

Как мы видели, прежде всего мы желаем славы для Бога, чтобы Его имя прославлялось. А теперь мы молимся, чтобы Его Царство пришло к нам. Не говорим: "на землю", чтобы кто не подумают, будто Царствие Божие - это есть благополучное житие на этой земле. Нет, эту мысль сначала же нужно решительно отвергнуть! Такое царство - совсем не Божие, а человеческое, земное. Между тем, некоторые именно так и склонны понимать "Царство Божие" - как земное благоденствие, в какое включается и нравственное состояние общества: любовь, чистота, образованность, мир, экономическое довольство, отсутствие войн, повышение культуры и т.п.; значит, тогда не нужны будут ни суды, ни темницы, никакое иное наказание, потому что не за что будет и наказывать - все будет хорошо! Будет царствие Божие на земле! Присоединится к этому и вера в Бога.

Но это - совсем не Царство Божие. Это царство человеческое, земное, только - благополучное и благочестивое. Бог же, при таком понимании, будет лишь средством или устройтеlem такого блаженного общества, собственно, лишь орудием для нас, для нашей жизни на этой земле. Значит, не Бог является целью нашего стремления, и не Его общение с нами, как это видели мы в первом же призывании Небесного Бога Отца?.. Отсюда уже ясно, что такое царство - не Божие, а наше, человеческое, земное. И так веровали не только безрелигиозные люди, но и некоторые верующие, даже ученые священнослужители... Я знал таких лично. Один из них, например, говорил, что темниц-то не будет, но... публичные библиотеки останутся... Ему, как книжному человеку, они, конечно, были интересны, как иному - "хлеб насущный". Но такое понимание - никого не удовлетворит: ни искренне верующих, поскольку их вся жизнь сосредоточена в Боге, ни безрелигиозных людей, поскольку им Бог совсем не нужен, они и без Него надеются устроить это благо; и им Бог, вера в Него, даже мешает такому устройству, ибо раздваивает человека и притом смиряет его, тогда как для царства земного нужны люди "новые": гордые, уверенные, "сильные" - как они думают. Нет, не это, конечно, разумел Господь Иисус Христос, когда повелевал молиться о Царствии Божиим...

Не будем дольше останавливаться на этом: ясно для нас, что не об этом просим мы! Есть другое понимание Царства Божия, более близкое к подлинному, но не совсем ясное: Царство Божие именуют многие - Царством Небесным. Собственно, это верно. Но остаётся непонятным: каково же содержание этого понятия - "Небесное"? Правда, оно противопоставляется "земному" царству - и это хорошо уже. Но нам хочется знать: какое же отношение оно имеет к Богу? Вот эту неясность и нужно вскрыть.

Начну с рассказа.

Я был ректором в семинарии в Твери. Меня пригласили служить в одном приходском храме. Он был всюду расписан. А вверху под куполом изображена была в картинах Молитва Господня. Смотрю я на прошение "Да придет Царствие Твое" и с радостным удивлением вижу, как сверху, с неба, спускается Дух Святой в виде голубя (как Он явился при крещении Спасителя). Вот - удивился я - как понималось "Царствие Божие"! И как это наши батюшки и домашние живописцы выбрали такие оригиналы для копирования в храме! Другой факт - всецерковного значения. На 2-й неделе Великого поста наша Православная Церковь чтит память св. Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского (г. Солунь). Св. Григорий собственно действовал в XIV веке, следовательно, служба ему вошла в круг Постной Триоди уже поздно. И вот какая тому была причина. На Афоне некоторые подвижники видели особый свет над головами и считали его не земным естественным светом, а - небесным, присносущным, благодатным, божественным. Противником такого воззрения был монах (впоследствии католический епископ) Варлаам Калабрийский. Вот против него за подвижников выступил иночествующий св. Григорий Палама. Чтобы обличить Варлаама, защитники света ссылались на свет, в котором Господь явился во время Преображения на горе Фавор, потому и свет именовался "Фаворским". После долгих споров и четырех Поместных Соборов, восторжествовало это православное учение.

Собственно здесь поднималось два существенных вопроса христианского учения:

- 1) о действительном существовании сверхъестественного мира;
- 2) о способе его познания.

И Церковь отстояла сверхъестественность Фаворского света и действительность его. Но вместе с тем установлено было, что и познание его могло быть не результатом ума, а даровано только - Божиим Откровением, или благодатию. Поэтому св. Григорий Палама именуется в богослужении "проповедником благодати". Естественно вызывается вопрос: почему Церковь постановила праздновать службу ему во 2-ю неделю Великого поста и как раз в последующее воскресенье после "Торжества Православия"? Нужно думать, что это сделано не случайно. За неделю до этого мы прославляем Православие, а теперь утверждаем, в чём оно заключается и каков путь к нему.

Хвала св. Григорию Паламе имеет не частное лишь значение его победы над Варлаамом - это было бы мало достойно для празднования всей Церковью, а содержит, как видим, ответ на существенные вопросы всего Православия. Кончилась (иконопочитанием) борьба со всеми еретиками, и Церковь одолела их. Если всмотреться во все ереси, то можно увидеть, что они грешили двумя ошибками в глубине своей: они стремились к человеческому земному идеалу, сводили христианство к земной цели, позабывая небесное происхождение его, или же, наоборот, неуместно (как евтихианство) отрывали его от человека, лживо уча о "поглощении" во Христе человечества Божеством Его; вторая ошибка состояла в том, что еретики хотели всё "понять" разумом, объяснить натурально, или мнимопонятно. Между тем, вся наша вера божественна, поскольку всё спасение наше совершается Богом, и для ума непостижимо, поскольку здесь действует в основе всего Благодать Духа Святого, посланного ради искупительного подвига Христа, Сына Божия, пред Отцом Небесным (в Троице). И только ради действительного, непреложного, нераздельного соединения во Христе этих двух естеств - Божества и человечества - и возможно было и искупление, и послание Святого Духа, и вообще спасение человека. Бог соединился с человеком: во Христе - по существу, а с людьми - по благодати. И всё это человеческим умом невозможно ни понять, ни даже поверить этому. Как говорит апостол Павел: Бог явил "преизобильное богатство благодати Своей в благодати к нам во Христе Иисусе (или чрез Него); ибо благодатью вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился, ибо вы - Его творение, созданы во Христе Иисусе на (для) добрые дела" (Еф. 2, 7-10).

Итак, всё христианство - благодатно! И по содержанию, по существу, и по познанию, по откровению.

Но теперь спрашивается: какое отношение имеют все эти рассуждения к вопросу второго прошения молитвы Господней - о Царствии Божием? Для ответа на это вот мы и должны обратиться к Фаворскому свету, явившемуся во время Преображения Господня.

Перед этим было исповедание Божества Иисуса Христа, а после этого Он открыл ученикам о кресте - как Своем, так и общехристианском (Мф. 16, 21-27). И тотчас после этого Он сказал: "Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти (то есть ещё в этой земной жизни), как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем" (Мф. 16, 28). А у евангелиста Марка сказано: "Увидят Царствие Божие, пришедшее в силу" (Мк. 9, 1). То же и у евангелиста Луки: "Царствие Божие" (Лк. 9, 27).

И тотчас же говорится о Преображении Господнем: и стоящие здесь ученики Пётр, Иаков и Иоанн сподобились узреть это славное событие и услышать глас Отца о Христе: "Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте" (Лк. 9, 35). Господь явился в "Царствии Своем", "пришедшем в силу". И это прославление Его было такое преблаженное, такое прерадостное, что Пётр воззвал к Иисусу: "Равви (Учитель)! хорошо нам здесь быть! Сделаем три кущи (палатки, шалаша): Тебе одну, Моисею одну, и одну Или!" (Мк. 9, 5). А ведь он только шесть дней тому назад уговаривают Господа не допускать Себя до страданий (см. Мф. 16, 22). Но в ответ услышал от Господа страшный упрёк: "Отойди от Меня, сатана! Ты Мне соблазн!" И потом сказал ученикам, а в лице их и нам, что нужно, неизбежно, необходимо для последователей Христа "взять крест свой", а воздаяние за это будет тогда, когда "приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего с ангелами Своими и тогда воздаст

каждому по делам его" (Мф. 16, 23-27). А "некоторые из стоящих здесь", при Господе, ещё и при жизни Его и своей увидят это блаженное состояние в "Сыне Человеческом, грядущем в Царствии Своем", - а не в страдании и не убитым, как Он предсказывал им о Себе.

И это тот же апостол Пётр, который услышал такой ответ - "сатана" - теперь говорит: "Хорошо нам здесь быть!" И неразумно предлагает построить три шалаша: себя-то и других двух учеников совсем забыл. Ему так радостно и страшно было, что "он не знал, что сказать... потому что они были в страхе" (Мк. 9, 6; Лк. 9, 33). И пусть Пётр говорит от неразумия и страха, но он был восхищен в это время и хотел продлить это блаженное состояние - так оно было необычайно радостно, что он забыл весь остальной мир, все человечество, всех родных, всех людей... Нам это непостижимо, но в душе Петра так было! Вот это и есть обещанное Христом: за крест - Царствие Божие! И хотя оно в Преображении приходило "в силе", но ещё - не во всей. Так и поет Церковь в праздник: "Якоже (насколько) можаху" ученики Твои "Славу Твою, Христе Боже, видеша".

Также, если мы обратимся теперь к книге Деяний, то увидим, что там часто упоминается о Царствии Божием как о главной проповеди христианства. Сам Господь Иисус Христос, являясь ученикам по Воскресении, учил их "о Царствии Божием" (Деян. 1, 3). И кончается книга рассказом, что апостол Павел "жил два года на своем иждивении... проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно" (Деян. 28, 30-31). И это определение считается главной проповедью Евангелия (Мф. 4, 23; 9, 35; 24, 14; Мр. 1, 14). Цель, к которой мы должны стремиться, есть Царствие Божие (Мф. 25, 34; Лк. 12, 23; 22, 29). Об этом говорят все Евангелия и послания апостолов. В наше время и мы, все христиане, этим живём. Это не требует доказательства текстами, как всем нам известно. Разница лишь в том, что у евангелистов Марка и Луки употребляется слово Царство с прибавлением - "Божие", тогда как у Матфея прибавляется слово "Небесное". Это потому, что Евангелия Марка и Луки были направлены к миру не еврейскому, а языческому, для которого слово "Божие" было более приемлемо, а евреям, к которым писал евангелист Матфей, было более привычно слово "Небесное". Но и у последнего встречаем мы слова "Царствие Божие" или просто - "Царствие" (Мф. 4, 23). И последней целью мира будет то, чтобы "царство мира соделалось Царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков", - говорит тайнозритель Иоанн Богослов (Апок. II, 15; 22, 5).

Теперь мы подходим к вопросу: что же есть Царствие Божие?

Но прежде всего мы укажем: что не есть Царствие Божие. Вообще мы скажем, что Царствие Божие не есть что либо внешнее, например, какая-нибудь, даже самая идеальная, форма государственного или общественного устройства (мир между народами, прекращение войн, болезней, полное всеобщее довольство, культура и т.д.). Все это было бы лишь внешним, материально-душевым земным царством, царством - "от мира сего", царством человеческим, но - не Царством Божиим.

"Царство Мое, - сказал Сам Основатель его, Господь Иисус Христос, Пилату, - не от мира сего... Царство Мое - не отсюда" (Ин. 18, 36).

Если же Царство Божие - не земное, - что же оно? Это человеку, духовно неопытному, трудно понять, потому что не с чем поставить его в сравнение, в аналогию. Например, сладкая пища, отличное питание и даже мир в душе и радость земная, кажется, могли бы быть аналогией для Царства Божия. Но апостол Павел прямо говорит, что Царство Божие - "не пища и питие". А что же? "Праведность, и мир, и радость". Какие? Опять не земные, но "во Святом Духе" (Рим. 14, 17). Это ещё мудрее, и неопытному - непостижимее! И Господь Сам говорит ученикам на Тайной вечере: "Отныне не буду пить от плода сего (лозного) виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего" (Мф. 26, 29).

Здесь обращают наше внимание и "новое вино", и "в Царстве Отца". Господь берет сравнение от земли, но прибавляет "новое", т.е. иное, нежели земное, вино. И притом это будет в "Царстве Отца". Даже - не Его, Христовом, а в "Царстве Отца". Это слово - "Отца" - употребляется Господом Иисусом Христом часто (Мф. II, 10; Лк. 12, 23; 1 Кор. 15, 24; 1 Сол.

2, 12). Первое употребляется, как сравнение с веселием от вина (Пс. 103, 15), но совершенно не земное, а "новое". Второе слово - гораздо непостижимее: почему это Царство называется - Царством Отца? Господь Иисус Христос говорил с учениками как Человек, а все Божественное, Небесное Он относил к Отцу Своему; для евреев это было приемлемее - в противоположность земному. Следовательно, это "Отца Моего" - то же, что "Царство Божие", не земное, а Божественное, присносущное, сверхъестественное. А такое всё исходит - от Бога Отца: от Него рождается и Сам Сын и исходит Святой Дух. Тем более - для человека: всё изливается от Него же. Под Богом, конечно, подразумевается вся Троица, но прежде всего - Бог Отец: источник, корень Божества и всего бытия. Поэтому Господь Иисус Христос всё, в конце концов, относил к Отцу Своему.

Но и это не уясняет нам содержания понятия "Царства Божия". Пока мы негативным (отрицательным) путём пришли к тому, что не есть Царство Божие. Царствие Божие, говорит св. Григорий Палама, не создано. Тварь вся создана, есть сотворена, а Царство Божие - не создано, присносущно, как сущее в Боге, как неотъемлемое от Него, как свет и тепло - неотъемлемы от солнца.

Но если мы пожелаем конкретнее понять теперь, что же оно есть, то вот какие мысли приходят мне и какие открыты нам святыми отцами.

А. Прежде всего условимся в мыслях, что это Царство действительно есть, истинно существует. Бог есть. И следовательно, Его Царство с Ним существует. После Страшного суда Господь скажет праведникам: "Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира" (Мф. 25, 34).

Б. В чём же оно состоит? На этот вопрос мы должны ответить себе, что оно - никак не просто, не скудно, не бледно, как можем мы воображать себе его, живя на земле и не зная его. Наоборот, оно необычайно сложно, так сказать, - чрезвычайно богато, непостижимо разнообразно. И не может быть иначе: если Бог сотворил мир таким разнообразным, то тем более должно быть многообразным Царство Божие.

В. В чём же состоит это многообразие, мы не вполне можем сказать - это нам неизвестно, - но лишь отчасти. Апостол Павел говорит: "Мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится" (1 Кор. 13, 9-10). Даже про себя самого он сказал: "Теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан" (1 Кор. 13, 12). И про лучших христиан апостол Иоанн говорит: "Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но ещё не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его (Отца), как Он есть" (1 Ин. 3, 2). Итак, Царство Божие с положительной стороны нам ещё не вполне открыто, мы его вполне не знаем. И не должно нам любопытствовать: что оно есть?

Г. Только нам открыто, что оно - необычайно блаженно! "Блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием!" - сказал "некто из возлежащих с Ним" (Христом) на пире "у одного из начальников фарисейских" (см. Лк. 14, 1-15). И Господь несколько не остановил его, но только перевёл на вопрос о том, кто достоин этого пира (см. Лк. 14, 16-24). И это относилось особенно к евреям, но касается и нас всех. "Мы... проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей... как написано: не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовят Бог любящим Его" (1 Кор. 2, 7, 9; ср. Ис. 64, 4). "А нам Бог открыл это Духом Своим" (1 Кор. 2, 10). Итак, Божие, хотя и превосходит человеческое познание, но Духом Святым оно открывается духовным, облагодатствованным людям.

Что же именно открыто? И можем ли мы, обыкновенные христиане, постигать это? "Отчасти" можем. Иногда и нашей душе ниспосылается переживать такое духовное состояние, что с ним не может сравниться никакое земное счастье. Преподобный Макарий Великий говорит, что в такое время человек ничего бы не хотел, как только сидеть в углу пещеры и утешаться таким духовным наслаждением. Это знакомо отчасти и нам по опыту: тогда всё земное кажется почти несуществующим. Но это лишь начало. А что же нужно бы сказать о высшем состоянии, какого достигнут - и даже достигают - угодники Божий ещё здесь на земле?! Вон апостол Павел пишет о себе (если повторюсь, то - во славу Божий!),

хотя будто о ком-то ином: "Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли - не знаю, вне ли тела - не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю - в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которые человеку нельзя пересказать" (2 Кор. 12, 2-4). Таково было состояние апостола, что его нельзя было даже "пересказать", ибо для этого даже не хватало слов на языке человеческом. А оно воистину было! Об этом с несомненностью мы заключаем уже из того, что апостол Павел об этом откровении говорит: "Знаю", а чего не знает - в теле или не в теле, - говорит, не стыдясь: этого "не знаю" - большее утверждает, а меньшего не понимает!

Подобным образом и преподобный нашего времени о. Серафим Саровский желал узреть обители "в Доме Отца Моего" (Ин. 14, 2) и был сподоблен этого; но когда его спрашивали о них, то он смиренно сказал: если сам батюшка (так и назвал его) апостол Павел не мог "пересказать" того, что он видел, то где же мне, убогому Серафиму, передать это?

Но после он открыл это в беседе своей в лесу с Н.А. Мотовиловым. И я считаю за лучшее сделать краткие выписки оттуда. Вот они.

Прибавление. О цели христианской жизни (из беседы преп. Серафима Саровского)

"Это было, - записал Мотовилов, - в четверг. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно крупная, густая крупа, когда батюшка отец Серафим начал беседу со мной на ближайшей пажинке своей, возле его ближней пустыньки, против речки Саровки у горы, подходящей близко к самым берегам её.

Поместил он меня на пне только что срубленного им дерева, а сам стал против меня на корточках.

- Господь открыл мне, - сказал великий старец, - что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чём состоит цель жизни христианской, и у многих великих особ вы о том неоднократно спрашивали.

-...Но никто, - продолжают о. Серафим, - не сказал вам о том определённо. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро - вот тебе и цель христианской жизни... Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чём действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько они ни хороши сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения её.

Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божия.

...Для этого надо начать здесь правою верою в Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия, пришедшаго в мир грешных спасти, и приобретением себе благодати Духа Святаго, вводящего в сердца наши Царствие Божие и прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века...

- Так-то, ваше боголюбие. Так и в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост и милостыня и всякия ради Христа делаемыя добродетели суть средства к стяжанию Духа Божия.

- Как же стяжание? - спросил я батюшку Серафима. - Я что-то этого не понимаю.

- Стяжание всё равно что приобретение, - отвечают мне он. - Ведь вы разумеете, что значит стяжание денег. Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание или наживание денег, а у дворян сверх того - получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный... Бог Слово, Господь наш, Богочеловек Иисус Христос уподобляет жизнь нашу торжищу... Земные товары - это добродетели, делаемые Христа ради и доставляющие нам благодать Всесвятаго Духа...

- Батюшка, - сказал я, - вот вы всё изволите говорить о стяжании благодати Духа Святого как о цели христианской жизни: но как же и где я могу её видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

- Мы в настоящее время, - так отвечал старец, - по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действию Его Божественного о нас Промысла и общению человека с Богом, до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: "И виде Адам Господа ходящего в рай", или когда читаем у апостола Павла: "Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами".

...Вспомните Преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его и "быша ризы Его блещущия, яко снег, и ученики Его от страха падоша ниц"... И таким образом благодать Всесвятого Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог является действие ея.

- Каким же образом, - спросил я батюшку о Серафима, - узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?

- Это, ваше боголюбие, очень просто, - отвечал он мне, - потому-то и Господь говорит: "Вся проста суть обретающим разум..." И апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет. Этим и объясняется, почему они и на Апостольском Соборе решили: "Изволися Духу Святому и нам". И только на этих основах и предлагавши свои послания, как истину непреложную, на пользу всем верным, - так святые апостолы ощутительно сознававши в себе присутствие Духа Божия.

Я отвечал:

- Всё-таки я не понимаю, почему я могу быть твёрдо уверенным, что я - в Духе Божием. Как мне самому в себе распознать истинное Его явление?

Батюшка о Серафим отвечал:

- Я уже, ваше боголюбие, сказывал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

- Надобно, - сказал я, - чтобы понял я это хорошенько.

Тогда о Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

- Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобой! Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

- Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли...

Отец Серафим сказал:

- Не устрашайтесь, ваше боголюбие, и вы теперь также стали светлы, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божия, иначе вам нельзя было бы меня таким видеть.

И преклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне:

- Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я не перекрестился даже, а только в сердце моём, мысленно, помолился Господу Богу и внутри себя сказал: "Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты удостаиваешь рабов Твоих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей. И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынным являет Господь Бог милость Свою. Это благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто, не убойтесь: Господь с нами.

Я взглянул после этих слов в лицо его и напал на меня ещё больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи,

но не только рук этих не видите, ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажень кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великаго старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?..

- Что же чувствуете вы? - спросил меня о. Серафим.

- Необыкновенно хорошо, - сказал я.

- Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

- Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу.

- Это, ваше боголюбие, - сказал батюшка о. Серафим, - тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: "Мир Мой даю вам, не яко же мир дает, Аз даю вам", - мир, по слову апостольскому, "всяк ум преимуществ". Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира, ибо никакое временное благополучие земное не может дать его сердцу человеческому: он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим... Что же ещё чувствуете вы? - спросил меня о. Серафим.

- Необыкновенную сладость, -отвечал я.

И он продолжал:

- Это - та сладость, про которую говорится в Священном Писании: "От тука Дому Твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я (их)".

Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши... От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же ещё чувствуете?

- Необыкновенную радость во всём моём сердце.

И батюшка о. Серафим продолжал:

- Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостно творит всё, к чему бы Он ни прикоснулся... Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своём, всё-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что "радости той ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим Его". Предзатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована нам там, на небесах, плачущим здесь, на земле?.. Что же вы ещё чувствуете, ваше боголюбие?

Я отвечаю: - Теплоту необыкновенную.

-Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим! Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?

Я отвечал:

- А такая, такая бывает в бане, когда поддадут на каменку, и когда из ней пар столбом валит.

- И запах, - спросил он меня, - такой же как из бани?

- Нет, - отвечал я, - на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда, ещё при жизни матушки моей, я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя sprysнет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших магазинах Казани, но и те духи не издают такого благоухания.

И батюшка о. Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

- И сам я, батюшка, знаю это точно, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас: так ли вы это чувствуете. Сущая правда, ваше боголюбие: никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас

теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему? Заметьте же, ваше боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляя нас вопить ко Господу - "теплотою Духа Святаго согрей мя!" Ею-то согреваемые пустынноики и пустынноицы не боялись зимняго мразя, будучи одеваемы, как в теплыя шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь должно быть на самом деле, т.к. благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: "Царствие Божие внутрь вас есть". Под Царствием же Божиим Господь разумеет благодать Святаго Духа.

Вот это-то Царствие Божие теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многообразным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напоая сердца наши радостию неизглаголанною... Про это-то состояние именно и сказал Господь: "Суть невии от zde стоящих (12 учеников Христовых: лишь они одни были с Господом), иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе".

Вот, батюшка, ваше боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог! Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую св. Макарий Египетский пишет: "Я был в полноте Духа Святаго..." Этою-то полнотою Духа Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь. Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго. Будете ли помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

- Не знаю, батюшка, - сказал я, - удостоит ли меня Господь навсегда запомнить так живо и явственно, как теперь чувствую милость Божию.

- А я мню, - ответил мне о. Серафим, - что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей: благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а - через вас - для целого мира, чтобы вы, сами утвердившись в деле Божиим, и другим могли быть полезными".

На этом мы и окончим выписки из "Откровения о цели христианской жизни" преподобного Серафима Саровского.

Как видим отсюда, Царствие Божие, или Благодать Духа Святаго, одно и то же. И можно сказать теперь, что Царствие Божие - есть Благодатное Царство (а не земное). Об этом Царстве мы и молимся во втором прошении Молитвы Господней. Воистину, оно есть "не от мира сего", а от Бога. Но хотя Царство Божие, по существу своему, "не от мира сего", однако все мы живём в сем земном царстве. И все дни нашей жизни мы должны посвящать исканию благодатного Царства. Это выяснено преподобным Серафимом в его чудной беседе о цели христианской жизни: всё земное есть лишь средство для основной христианской цели. Потому мы обязаны упражнять все свои силы для исполнения не только личных подвигов (молитвы, постов, милостыни и пр.), но и для исполнения обязанностей государственных, общественных, семейных и т.д., как говорит апостол Павел: "Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию" (1 Кор. 10, 31); все мы должны обращать в стяжание благодати Духа Святаго, в возрастание во Христе, в приобретение Царства Божия, в приготовление к Царству Божию, к Царству Небесному. Но оно - как мы видели - начинается ещё здесь.

Второе прошение: "Да придет..." (продолжение)

Теперь нужно нам остановиться на словах: "Да придет".

В Молитве Господней Царство Божие представляется не пришедшим уже, а желательным, просимым, будущим. Что это значит? [Значит ли это, что оно] не пришло ещё ко мне лично [или] не явилось вообще в мир, и мы молимся, чтобы Царствие Божие пришло теперь к людям?

Это не относится к пришествию в мир и Самого Господа Иисуса Христа. "... Сам Он, вслед за Иоанном Крестителем, говорил лишь: "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное" (Мф. 3, 2; 4, 17), а не пришло уже. И у евангелиста Марка говорится: "Пришел Иисус в Галилею, проповедуя Евангелие Царствия Божия и говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие" (Мк. 1, 14—15). То же и у евангелиста Луки (Лк. 10, 9—11).

Что же означает это слово "приблизилось"? Следовательно, оно ещё не пришло, не наступило ещё, - даже и с пришествием Господа Иисуса Христа. Даже и по Воскресении Своём Он ещё, в продолжение 40 дней являясь ученикам, говорил им "о Царствии Божиим". И ученики ещё не могли отрешиться от земных, общежитских воззрений и спрашивали Господа: "Не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю?" (Деян. 1, 6). В ответ на это Он сказал им ясно: "Вы примете силу, когда найдет на вас Дух Святой" (Деян. 1, 8). И это произошло в день Пятидесятницы, когда на них сошел Дух Святой в виде огненных языков, и они "начали говорить на иных языках" (Деян. 2, 3—4). О Нём Господь предсказывал и раньше, в праздник кущей (Ин. 7, 2), говоря: "Кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой" (см. Ис. 12, 3; Иоил. 3, 18). Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него: ибо еще не было на них Духа Святаго, потому что Иисус еще не был прославлен" (Ин. 7, 37—39).

Святитель Иоанн Златоуст называет славою крест. И даже объясняет это: "Мы были врагами и грешниками, были лишены дара Божия и стали ненавистными Богу, а благодать есть свидетельство примирения, и дар подается не врагам и лицам ненавистным, но - друзьям и людям благоугодившим. Поэтому надлежало прежде принестись за нас Жертве, разрушиться вражде во плоти, и нам соделаться друзьями Божиими, и тогда уже получить этот дар" (т. 8, с. 336).

Итак ясно: Царство Божие, Дух Святой, благодать Божия ещё не были при жизни Господа Иисуса Христа, они только "приблизились" тогда. А пришли к людям - после "Жертвы" за нас на кресте Господа Иисуса Христа, примирившего этим нас с Богом (Рим. 5, 10; 2 Кор. 5, 18—20; Еф. 2, 16; Кол. 1, 20). И потому Христос Господь пророчески праотцем Иаковом наименован "Примирителем" (Быт. 49, 10).

Но в этом прошении [Молитвы Господней] можно видеть не только общее, для всех, пришествие Святого Духа, или Царствия Божия, но и отдельное, на каждого человека, снисхождение Его. Это и происходит теперь в таинстве крещения, которым мы отрекаемся от царства диавола, и - по вере во Христа и благодатию Святого Духа - входим в Царство Пресвятой Троицы, во имя Которой и крещаемся: "Во имя Отца и Сына и Святаго Духа".

Потом, когда согрешаем, возвращаем благодать Духа, через покаяние, которое именуется "вторым крещением".

Таково пришествие Царствия Божия в нас, в каждого из нас - в крещении. Но так как Царствие Божие очень многообразно, как выше говорилось нами, то можно нам просить в этом прошении высших ступеней его, как это мы видели в чудной беседе о. Серафима с Мотовиловым.

И это ведомо нам даже по близким примерам. Я сообщу здесь о двух случаях нашего недавнего прошлого. Первый - о. иеросхимонах Иосиф, оптинский старец, скончавшийся 9 мая 1911 года. Замечательный угодник Божий. Вот что говорится о нём.

Одна преданная старцу особа, жившая вблизи пустыни, поддалась помыслу, что ей вовсе не к чему жить около о. Иосифа. И пошла к нему в последний раз, чтобы проститься. И только что она хотела сказать ему об этом, как поразилась видом старца: "Из его глаз лились потоки лучей". Она остолбенела. И осталась. (Житие, с. 95).

Другой случай был сообщен протоиереем о. Павлом Левашевым, которого и я знал лично.

"В 1907 году, - пишет он, - я первый раз посетил Оптину пустынь, как-то случайно, ибо к этому не готовился. Кое-что слышал раньше о старцах, но никогда их не видел..." Утром он направился в "хибарку" к о. Иосифу. Там был только один посетитель, чиновник из Петербурга. "В скором времени пришел келейник старца и пригласил чиновника к батюшке,

сказав мне: "Он давно ждёт". Чиновник побыл минуты три и возвратился. Я увидел: от головы его отлетали клочки необыкновенного света, а он, взволнованный, со слезами на глазах, рассказал мне: утром из скита выносили чудотворный образ Калужской Божией Матери, батюшка выходил из хибарки и молился. Тогда он (чиновник) и другие видели лучи света, которые расходились во все стороны от него, молящегося".

Потом пошёл к старцу и о.Павел. "Мы поздоровались; чрез мгновение я увидел необыкновенный свет вокруг его головы, четверти на полторы высотой, а также - широкий луч света, падающий на него сверху, - как бы потолок кельи раздвинулся... Лицо старца сделайтеся благодатным, и он улыбался. Ничего подобного я не ожидал, а потому так был поражён, что решительно забыл все вопросы. Попросил исповедоваться: "Батюшка! Я - великий грешник!" Свет исчез... Потом заблестал, но теперь в несколько раз ярче и сильнее. Исповедать меня отказался, по болезни своей... Я не мог оторваться от столь чудного видения. И раз 10 прощался с батюшкой, и всё смотрел на его благодатный лик, озаренный ангельской улыбкой и этим неземным светом, с которым я так и оставил его. Свет, который я видел над старцем, не имеет сходства ни с каким из земных светов. После сего видения я чувствовал себя несказанно радостно...

Всё вышесказанное передаю как чистую истину, нет здесь и тени преувеличения или выдумки, что свидетельствую именем Божиим и своей иерейской совестью" (Житие, с. 148—152).

Последний старец перед переворотом был о.Нектарий. Я имел счастье быть у него. Он произвел на меня прекрасное впечатление. Между прочим, по его повелению один художник - академик -рисовал икону Преображения Господня. И увидев на рисунке тени, [старец] сказал ему: "При Фаворском свете теней не бывает". Следовательно, ему это было известно по опыту! Никому иному такая мысль не пришла бы и в голову! О святости его и других чудесах и говорить не стоит. И на Фаворе сподобились видеть Господа "во Царствии" только три лучших ученика: Пётр, Иаков и Иоанн.

Но - повторяю - в каждом крещенном человеке пребывает Дух Святой, или царствует Бог, пока "не рассечет его" (Мф. 24, 51), т.е., по толкованию св.Василия Великого, не отделит от человека благодать Божию "и не подвергнет одной участи с лицемерами; там будет плач и скрежет зубов", - т.е. мучение без благодати Божией. Или, как сказано у евангелиста Луки: "Рассечет его и подвергнет его одной участи с неверными" (Лк. 12, 46). Это уже совершилось над бесами. В нас Царствие Божие пребывает ещё в более низших ступенях. Именно. Если есть в нас хоть вера в Бога и во Христа Господа (1 Кор. 12, 3), ибо и она - от Духа Святого; если мы видим свои грехи, что тоже есть дар Божий, о чём мы молимся Великим постом в молитве св.Ефрема Сирина: "Господи... даруй ми зрети моя прегрешения... и не осуждати брата моего"; и это значит - дар Божий, коли мы просим и о нём - "даруй", и исповедание своих грехов, в коем нам подаётся благодать прощения...

Здесь я остановлюсь на одной молитве, которая читается перед разрешительной молитвой кающемуся. В ней говорится: "Господи Боже спасения рабов Твоих", прости грех кающегося; а далее: "Примири и соедини его святой Твоей Церкви о Христе Иисусе Господе нашем". Следовательно, грехи наши разделяют нас от Церкви Божией, а прощение грехов снова "примиряет и соединяет нас с нею". И притом прибавляется, что и это делается ради Христа ("о Христе"): Он снова причисляет нас к Своей Церкви, к Своему Телу. Значит, грешник своими грехами заставляет Главу Церкви, Иисуса Христа, изметать, исключать себя из Церкви. Страшно и подумать даже!.. И думаем ли мы об этом?.. Кажется, нет!.. Но зато нас утешает то, что исповедью и прощением грехов Христос - или Бог (Отец) ради Христа - снова примиряет и воссоединяет нас с Церковью. А Церковь есть благодатное общество, или Тело Христово, в коей все - от Духа Святого. Церковь есть Царствие Божие, имеющая две части: земную и небесную, которые разлагаются (разделяются) лишь по жизни и по степени совершенства, но по существу - одна и та же Церковь. Потому и в наших храмах пишутся изображения святых во главе с Господом Иисусом Христом и Божией Матерью. Но пойдём далее.

Вот - Святое Причащение есть тоже явление Царства Божия, если мы достойно причащаемся. Оно проявляется или в восторге (как у о.Иоанна Кронштадтского), или в радости (как у многих), или в мире (и за это должны мы благодарить Бога), или в покаянии и слезах (как говорится в молитвах по Причащении), что для нас наиболее полезно и соответствует немощам нашим. Потому об этом я и выпишу сюда: "Пресвятая Владычице Богородице... даждь ми умиление и сокрушение в сердце моем, и смирение в мыслех моих, и воззвание в пленении (освобождения от наития) помышлений моих... и подаждь ми слезы покаяния и исповедания" (5-я молитва). В 3-й молитве мы просим: "Всего мя спригвозди страху Твоему". А о мире, покое (1-я молитва), радости, здравии и веселии (4-я молитва) - лучше умолчим... Но вот чего мы все ожидаем и надеемся: "В страшное же и второе пришествие Твое сподоби меня грешнаго стати одесную славы Твоея", войти в Царство Твое Благословенное (Мф. 25, 34)... Поэтому христиане спешат причаститься перед смертью, и священники должны всячески удовлетворять желание умирающих. И тот иерей, по вине которого сии остаются непричастными, "смертне согрешает" и подлежит строгому осуждению. Но если это не зависит от священника, то вина с него снимается; и то лучше исповедаться у духовника. Желание же умирающего причаститься, говорит преподобный Серафим Саровский, вменится Господом за самое причащение.

Ещё и страдание - тоже есть дар Божий, как говорит апостол Павел из римской тюрьмы: "Вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него" (Флп. 1, 29). "Если злословят вас за имя Христово, то вы - блаженны, - говорит апостол Пётр, - ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас". (1 Петр. 4, 14); где Дух, там - Царствие Божие.

Бедность, принимаемая ради Христа, тоже ведет к Царствию Божию... Вспомним рабов древних, которых апостол зовёт к повиновению господам, как рабов Христовых, [призывая их] служить "с усердием, как Господу, а не как человекам, зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделают, - раб ли, или свободный" (Еф. 6, 5—8); "дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего, Бога" (Тит. 2, 10). Прекрасное слово - "украшение" христианства, Церкви Божией... И это воистину так и есть. И мученики за Христа и являются таким украшением Церкви; и потому в антиминсы всегда влагаются, как драгоценные камни, частицы мощей их. Так Церковь, как Невеста Христова, украшается мощами святых, даже одеждами их, облагодатствованных Духом Святым.

Не будем уже много говорить о [таких] небесных дарах из Царства Божия, как цветы из рая, плоды из райских садов, о многократных видениях из Царства Божия, - о чём часто повествуется в житиях святых. Расскажу в заключение, лишь один случай, о котором я слышал недели две тому назад.

Одна семья находилась в крайнем положении краха: имущество их должно было пойти с торгов. Хозяин даже думает о самоубийстве. А внука дедушка (по матери) просил у родителей отдать ему для усыновления и воспитания. Мать легла отдохнуть на кровать... Вдруг она слышит, как кто-то вошёл в столовую. Она встала и вдруг видит, как там стоит давно умершая знакомая им старушка Прасковья Дмитриевна Левашова. Не успев ещё как следует одуматься, хозяйка мгновенно спросила: - Прасковья Дмитриевна! Это - вы? Но та не ответила ей на вопрос, и только сказала:

- Вы упали духом! Мы (так и сказано было) не можем допустить, чтобы Симочка (мужа старушки, рассказывающей мне об откровении, звали Семеном Николаевичем, а сокращенно Симочкой) оказался в такой беде. Немедленно пусть он едет в Санкт-Петербург к моему (сыну) Николаю и от моего имени скажет ему, чтобы он устроил всё. А сына своего никому не отдавайте.

- И она растаяла, - так закончила рассказчица о своем видении.

С.Н., узнав о таком откровении, нимало не усомнившись, немедленно уехал в Санкт-Петербург к Н. Левашову. И дела после этого отлично устроились.

И таких фактов знаем много из житий святых. Вообще жизнь земного мира и Царства Небесного связана между собой гораздо теснее, чем об этом думаем.

Но напомним об апостоле Петре. Ирод хотел убить и его. Посадили его в темницу; он спал в ней между двумя воинами, закованный двумя цепями, и у дверей ещё была стража. И

ночью явился ему ангел, "толкнул Петра в бок", велел ему опоясаться и обуться. А потом повел его из темницы. "Цепи упали с рук его. Он думал, что видит видение. Ворота сами собою отворились". Потом ангел исчез. И тут "Петр, придя в себя, сказал: теперь я вижу воистину, что (Бог) Господь послал ангела Своего и избавил меня из руки Ирода". Потом, "осмотревшись, пришел" к дому Марии, матери евангелиста Марка, и "постучался у ворот". Прислужница по имени Рода не ждала это и, испугавшись, побежала обратно в дом и объявила, "что Петр стоит у ворот". - "В своем ли ты уме?" - сказали. Петр же стучал. Потом уж впустили его (Деян. 12, 1—16). И множество таких случаев...

Третье прошение: "Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли"

Первые два прошения относились, как мы видели, к Богу, к Царствию Божию, а теперь мы переходим к самим себе. А так как вся молитва небесная направлена к людям, живущим на земле, а не к святым, не к ангелам, не к умершим уже, - то можно сказать, что дальнейшие прошения Молитвы Господней будут относиться к земле, то есть к нам, живущим на ней.

И прежде, чем разъяснять их, обратим внимание на то, как мало нами говорится и просится о Боге, о Божественном, о Небесном: всего два прошения, а после - четыре или даже пять прошений - относятся к земной нашей жизни. Отчего это?

Прежде всего потому, что о Боге, вообще о Божественном, мы, обычные люди, очень мало знаем: это для нас высоко; дай Бог, чтобы хоть в будущей жизни открылось нам это. Ныне, говорит сам апостол Павел, вознесенный до "третьего неба", не мог передать на языке человеческом того, что слышал и видел в Царствии Божию, или в раю; "третье небо" есть нечто небесное, совершенно сверхъестественное, иное, другое: здесь мы видим, говорит он, "яко зеркалом", а тогда узрим "лицем к лицу", т.е. опытно. И что там будет - ни око человеческое не видело, ни ухо не слышало, ни на сердце человеческое не приходило, что Бог уготовал любящим Его (1 Кор. 2, 9). А если это нашему уму человеческому непостижимо, то нужно ли и можно ли говорить о том много?

Это Небесное Божие Царство несомненно придёт: каждому умершему, отчасти, а всем праведным, в особенности, и беспокоиться о том нет надобности, лишь бы нам жить здесь так, чтобы удостоиться блаженной жизни на небе в будущем веке.

Поэтому, после краткого моления о Боге, о Царстве Божию Небесном, Господь обращает нас к земле, которою мы - увы, так много! - дорожим. А ведь она [земная жизнь] так коротка по сравнению с бесконечною вечностью!

О чём же Господь в следующих прошениях призывает нас молиться на этой земле? О здоровье ли? О богатстве ли? О благополучии ли? О многолетии ли? Можно сказать: отчасти - да, и то немного, как увидим в четвёртом прошении, но более заповедует молиться Господь не об этом. Но и на земле ответ даётся Божественный, именно: не думай сам, а положишься на волю Божию! Он лучше нас знает, что нам на земле нужно, что полезно, что спасительно, что богоугодно, что ведёт нас к Царству Небесному; а мы не знаем, лишь мечтаем, думаем. И притом думаем об этом умом земным, падшим, искажённым, следовательно, неверно. Как же быть нам?

Нужно просить Бога! Молиться Ему, чтобы Он Сам руководил и земной нашей жизнью, как руководит и небесной, - ангелами, святыми и вообще всем на небе, в мире нами невидимом. И, конечно, Он всё хочет направить к блаженному Царствию Божию, к небу. А потому лучше нам предаться Его премудрости, Его воле, которой всё подчиняется на небе в совершенстве, в полноте, всё находится во всецелом послушании. Там на небе, как в Пресвятой Троице, единый общий разум, единая воля, как и в ангелах, и святых, та же самая Божия воля; и не может быть иначе: если бы кто-нибудь помыслил или захотел чего-либо иного, чем Бог - тотчас же он духом отделился бы от Бога и должен был отпасть от Него, как это было с диаволом.

Так случилось и с нашими прародителями: они возымели свою волю, свое желание, послушались лукавого советника-клеветника, сатану, вкусили запрещенного древа "познания", различия между "добром и злом", затем были тотчас же удалены Богом из рая,

что и именуется "клятвой", "проклятием"(анафема -с греческого языка - значит отложение, отделение, отлучение). Да им и самим уже невозможно было оставаться с Богом: им было тяжело это. Поэтому и говорится в Библии, что когда Господь хотел появиться Адаму, тот стал скрываться и прятаться от лица Божия, так что Господу нужно было "спрашивать", искать его: "Адам! где ты?". Но если бы он покался - т.е. опять признал верховенство Божие, а не диаволово, -то Господь, конечно, принял бы его. Но он начал ссылаться на жену Еву, а Ева - на змия-диавола. Тогда, видя Адамову испорченность, нераскаянность, Господь удалил его от общения с Собою, или "изгнал его из рая", т.е. не сам Адам ушёл, а Бог достойно, по правде и даже по любви к нему, удалил его из рая... По любви - потому что непокаявшемуся Адаму трудно, даже не под силу было бы оставаться с любящим Богом. А по правде - потому что Адам предпочёл Великому Богу - врага, диавола и должен был быть удалён от Него. Здесь и любовь и правда Божия объединились: любовь была праведная, а правда - любящая, Божия...

У людей обычно так не бывает, а у Бога так есть всегда. Да иначе и быть не могло: если была бы любовь без правды, то это могло казаться для испорченной души Адама попустительством, слабостью, и повлекло бы к дальнейшему злу в нем, Бог таким образом оказался бы причиной большего зла. А если бы Господь поступил лишь по правде, то это показалось бы гневом Сильного на немощного Адама и могло ожесточить его. Поэтому, изгоняя его из рая, Господь обещал прародителям "Семя" - Искупителя, Который поразит диавола "во главу", т.е. всецело: ударить змею в главу - значит уничтожить силу её, или умертвить.

Но диаволу, при низвержении его, не дано было такой надежды: Сам Господь Иисус Христос сказал страшные слова: "Я видел сатану, спадшего с неба, как молния" (Лк. 10, 18). И это сказано было Им без сожаления, властно, холодно. Почему? Потому что изгнанный Адам всё же, хоть оправдывался, но тем самым и признавал свою вину, т.е. проявил этим некое покаяние, которое давало надежду и на лучшее. А диавол, говоривший через змия, ничего подобного не показал, даже и вообще ничего не говорил; и Бог с ним ничего не проговорил, ибо знал его полную нераскаянность... Страшно это сказать! Непостижимо это нам вполне! И только по аналогии с упорством злых людей можно несколько догадываться о непокаянности врага. Но, хотя это и не вполне постижимо, однако же несомненно: ибо эти слова сказала Сама Любовь, распявшаяся за нас, Сын Божий! Это история падения всем нам известная, воспоминается здесь потому, что она тесно связана с Молитвой Господней: "Да будет воля Твоя"!

Падение совершилось прежде в диаволе, а он потом соблазнил на это же и прародителей.

Падение же состояло в непослушании человека Богу - воле Божией, и в самоволии его, в самости, хотя и по соблазну от врага, который согрешил первый.

Сознавая, что корень падения в самоволии нашем, мы и просим теперь Бога, чтобы творилась не наша дурная воля, человеческая, земная, а Божия воля, небесная, разумная, совершенная, благая, святая. Поэтому Господь Иисус Христос, когда книжник назвал Его "Учителем Благим", считая Его обычным человеком, сказал ему: "Зачем ты называешь Меня (как человека) благим? Никто не благ, только один Бог!" Поэтому и Сам Он пришёл в мир по благословию Отца и по Своему послушанию Ему. И во всем деле искупления творил не Свою волю, но волю пославшего Его Отца. И эта мысль о "послушании" особенно часто повторяется Самим Искупителем в Евангелии от Иоанна. А потом с силою выражается и в посланиях апостола Павла, особенно к филиппийцам (Флп., гл. 2) и к евреям (Евр. 3, 2; 5, 5, 8, 9; 8, 28).

Христос был "послушлив" уже в самом воплощении, но закончилось оно [послушание] на Голгофе крестом. А промежуточный момент был и в Гефсимании, где Он как человек молился Отцу Небесному "с воплем крепким" об избавлении от чаши страданий, но и тогда полагаются не на Свою волю и хотение, а на волю Отца Небесного. "Если возможно, - говорил Он, - пронеси чашу (будущих, конечно) страданий на кресте. Но не как Я хочу, а как угодно Тебе". Н этим Своим послушанием Христос исходатайствовал нам,

крестом Своим и смертью, прощение у Отца Небесного, а кроме того, указал и нам такой же путь спасения - через непрерывное послушание.

А это послушание наше может проявляться в вере в Него и в последовании Ему в жизни нашей. Всё, что Им сказано в Евангелии, безусловно, без малейшего сомнения, истинно и подлежит послушанию - этому учил апостолов Дух Святой. Поэтому для нас обязательно всё то, чему учит нас Христова Церковь, - через Слово Божие, через творения святых отцов, через Предание, через каноны, через духоносных людей - справедливо и должно быть приемлемо без колебаний. Во всём этом требуется от нас послушание. От всех нас требуется подчинение духовенству - послушание. Да и во всей жизни нашей - просто земной - всё стоит на послушании: везде есть начальники и подчинённые, отцы и дети. Даже у твари есть - матка и пчёлы. Посмотришь и на муравьев - какая там дисциплина!

Но особенно это можно наблюдать в монастырях, этих спасительных пристанях! Как известно, от монашествующих требуется три обещания при постриге: послушание, целомудрие и нестяжание. Но из них главное - послушание. Это все мы знаем. И по очень простой причине: если падение наше совершилось по самоволию, то спасение требует теперь обратного, т.е. послушания, отсечения своего ума и воли. Без этого нет ни монашества, ни даже христианства. И в духовной жизни требуется вообще отречение от своего мнения. "Всему мати (причина) - мнение; мнение - второе (после Адама) падение", - говорили отцы. Даже одно слово, когда человек говорит о себе, является грехом. И действительно, наше "я" и неразумно, и даже неприятно. "А я думаю", - нередко говорим мы. Неприятно даже слышать это! Или иные часто начинают свою речь со слова "нет". Это противоречие другим, самоумие.

Но главное, это борьба против самоволия. Как оно господствует во всем мире! Ещё с детского возраста мы видим в людях страсти: "я", "моё", "мне". И до государственных, всемирных масштабов везде видишь это "я", "мы". А это "я" - падшее, испорченное, худое! И наоборот, как благоразумны и приятны люди смиренные, кроткие, уступчивые и как дети (неиспорченные) приятны! Недаром Господь любил и благословлял детей; и нам, взрослым, сказал навеки: "Если не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное" (см. Мф. 18, 1—6).

Принимая во внимание эту самостную испорченность нашу, мы и отрекаемся теперь от неё и просим Господа: "Да будет воля Твоя, Господи", и на земле так же, как она исполняется и "на небеси". Вопросов, мыслей, забот у нас множество: всех их не перечислить. И мы уже заранее и вообще просим Его: не по нашей твори воле, а по Своей Божественной! Наша воля - дурная, злая, нерассудительная. Ты един благ! И един - премудр! Да будет же воля Твоя, яко на небеси и на земли! Не слушай наших прошений, наших пожеланий, - но да будет на всё воля Твоя!

Этого требует наше прародительское всеобщее падение, которое влечёт и нас к этому же самоволию. Но - не разумно это. Это же подсказывает и Премудрость Божия. И в самом деле: ведь мы при своём малом уме, да ещё испорченном теперь, и не можем знать, что хорошо для нас? и что плохо? Нередко ведь мы желаем себе не полезного, но думаем, что нам хорошо это.

Возьмём простой пример - здоровье. Каждому из нас всегда хочется быть здоровым, и это мы считаем благом. Или другой пример - богатство. Едва ли из тысячи людей найдётся один человек, который бы не хотел этого или отказывался от него, когда тому представляется возможность. Но на самом деле болезненность или бедность большею частью ведут нас ко многому добру. Мы в болезнях и бедности бываем и смиреннее и религиознее. А здоровье и богатство, наоборот, ведут к надменности и самонадеянности. Недаром Господь сказал: трудно богатому войти в Царство Небесное, легче верблюду пройти чрез "Иглиные уши" (так назывались очень низкие ворота в стене иерусалимской, куда легко проходили овцы, но крайне трудно проползали на коленях громадные верблюды), чем богатому смириться и достигнуть Царствия Небесного Божия. И даже пословица говорит: "Гром не грянет, человек не перекрестится". Так можно сказать и про все земные "богатства": ум, знание, начальство, сытость, благополучие и прочее. Известно и из истории христианства, и из нашей повседневной жизни, что апостолы были из рыбаков и первые

христиане были преимущественно из бедных и низких классов, богатых же и знатных было мало. И известная евангельская притча о жестоком богаче и болящем нищем Лазаре наглядно говорит нам о неверии первого и богоугодности второго. Всё это каждому из нас хорошо известно, и тем не менее, весь род людской стремится желать всё больше и больше.

И одно лишь Евангелие учит иному, обратному: быть довольным тем, что имеем. Ничего мы не внесли в мир с собою при рождении, ничего и не вынесем из него при смерти - учит и апостол Павел (1 Тим. 6, 7). И зная это, Христос и Сам "не имел, где главу приклонить" (Лк. 9, 58), и другим заповедовал нести крест немощей, скорбей, довольствоваться малым. И Сам принял на Себя - при том добровольно [на то Он и сошёл на землю в вертепе, на то и распялся, а когда Пётр стал упрашивать Его "пожалеть" Себя, то услышал грозное: "Отойди от Меня, сатана! Соблазн Ми еси" (Мф. 16, 23)] - распятие: власть имею отдать Мою душу и опять принять её (ср. Ин. 10,17—18). Не зная даже таких простых вещей и не понимая, к чему они ведут нас, мы бы и не должны стремиться к ним, а было бы мудрым делом возложить их на волю Божию. Бог всё знает и всё может!..

Или возьмём ещё пример о смерти. Все хотят жить и жить. Но лишь одному Богу ведомо, не лучше ли прервать нам жизнь? Примеров тысячи! Поэтому и Церковь поёт на панихидах по усопшим: "Глубиною мудрости притом, человеколюбно вся строя и полезная всем подаваяй, упокой рабов Твоих, Господи!"

Ведь цель нашей жизни не здесь на земле, а опять-таки "там", у Него в Царствии Божием. И вся земная жизнь есть лишь путь к той, небесной. Если же посмотреть на землю именно с этой точки зрения - и как подобает христианину, - то ответ может быть совершенно иной, чем наш.

Премудрость Божия - мудрее нас! Да, это нужно сказать о таких простых вещах. А если мы зададимся вопросом об обширных, вселенских планах Божиих, то что мы со своим маленьким умом сможем сказать здесь? Только одно: не знаем! И другое: воля Божия на всё... даже о всей вселенной, а не об одной нашей планете Земле! Что мы можем предсказать? Что будет с ней? Так не благоразумнее ли уже не мечтать, а положиться на волю Божию? Ответ один - да! Ведь этими планами о вселенной заведем не мы, а Вседержитель, един Бог Отец... И это несомненная истина! Это опытный факт! Бог всё управляет! Мы-то думаем, что правят наши начальники, а на деле всем правит Вседержитель Бог. Этого не только требует наша вера, но это открывается иногда и опыту нашему - ясно! Не говорим уже об откровении в Слове Божием: "Отец Мой доселе делает, и Я делаю", говорит Господь Иисус Христос. Даже и птичка маленькая не падает на землю без воли Отца Небесного, и волосок не срывается с головы (Мф. 7,25—32).

На этом стоит наша вера в Промысел Божий. И нам следовало бы вверять Ему всю нашу жизнь. Этому и учит нас Христос Господь: не пекитесь о том, что нам есть или что пить, так поступают и безбожники! А вы живите без этой мучительной заботы, надейтесь на Промыслителя! Пример? Посмотрите на птичек: они не садят, не собирают в житницы, а Господь питает их. Или взгляните на лилии: не трудятся, не прядут, но посмотрите, какая в них красота! Какой дивный запах! Сам роскошный Соломон не одевался так прекрасно, как любая из них! А вы съедаете себя тысячами забот. Бедные! Отложите всё это на Отца вашего. Он даже прежде вашего прошения знает о всех ваших нуждах (ср. Мф. 6, 25—32). Разве не даст? Не может этого быть! Если земной отец даёт хлеб детям, просящим у него, то неужели Господь не даст благ людям? Просите и дастся!

Какое утешительное обетование дал нам Христос Господь! От радости хочется плакать! Но об этом скажем после, в следующем отделе. А теперь остановимся на Христовом, неложном, несомненном, богооткровенном обетовании: "Ищите прежде всего Царствия Божия, а все прочее приложится" вам (Мф. 6, 33).

Это сказал не человек, а Сын Божий.

Но наш маленький ум может сказать: "Это трудно!" Конечно, нелегко!

И Сам Иисус Христос назвал Своё учение "бременем" и сравнил с игом на шее волон. Но Он же назвал это "иго" - благим, добрым, а "бремя" - лёгким (Мф. II, 30). А Он уж несомненно знал, что говорил.

Но приведу два-три примера из жизни. По совету одного старца, человека святой жизни, мне пришлось много лет устраивать одного несчастного человека. У него был очень трудный характер: самолюбивый, раздражительный, а может быть, ещё и неискренний, лукавый; к этому же прибавить нужно действительное несчастье его: у него машиной оторвало правую руку совсем, а на левой остался лишь большой палец да половина указательного, так что он не мог даже застегнуть себе пуговиц, а должен был просить об этом кого-либо постороннего. Легко ли было это всё ему? Да ещё при его трудном характере, при его самолюбии и нищете? И я на пути к старцу уже несколько раз раздражился на него и ссорился с ним. А он от этого ещё больше сердился. И так у нас с ним продолжалось до того, пока я и совсем не выходил из терпения. Вот тогда он точно рад был этому, что довёл меня до крайней степени, и даже стихал с улыбкой! Подошли мы к келлии... Встретив старца (а сей несчастный в это время счищал ещё снег в сенях), я прежде всего сказал ему: "Батюшка! какой он трудный!" На это старец тихо сказал мне, пока тот ещё был в сенях: "А ты думаешь, какое-нибудь добро легко? Всякое доброе дело трудно!" В это время вошёл безрукий, получил благословение от старца; тот усадил его и говорит ласково, сожалея: "Ах! брат Иван, брат Иван! Как тебя Бог смирил, а ты всё не смиряешься!" Нагнув голову безрукий и молчит. Скажи ему эти слова я, он бы ещё больше расстроился. Пред старцем он покорно молчал. А я, глядя на эту картину, думаю: вот укрощение зверей!

Да, всякое добро - бремя и иго для нас, грешных, но оно необходимо нам: "Царствие Божие силою берется, и принуждающие себя восхищают (какое прекрасное слово - восхищать, восхитительный) его". Старец благословил нас продолжать это дело: нам во всяком случае будет это на духовную пользу. Так было 11 лет.

Достоин примечания, что я, по указанию старца, нашел безрукого далеко от Москвы, в Курске, в малюсенькой хатке у нищей старушки. У неё была внучка Надя, лет 5—6, смиреннейшее, молчаливое существо, ангельской кротости. Потолок был настолько низок, что безрукий должен был сгибать голову при вставании. Был еще котёнок - у него все ребрушки можно было пересчитать: такой он был худой от голода... У хозяев не хватало хлеба... И вот у этих нищих и нашёл себе приют несчастный Иван, а мы, зажиточные, не приютили его...

Да, всякое добро трудно! Через 11 лет за него вышла замуж работница, лет тридцати. "А вы знаете его характер?" - предупредительно спрашиваю её. "Знаю. Мне жалко его: всем он лишний!" Повенчались. Я был приглашен на обед. "Ну как?" - спрашиваю её, когда он зачем-то вышел в сени. "Сбесится он, а я молчу - он и стихнет". Боже, какие ещё добрые люди были... Да и есть. Вот другой случай.

Летом, в будни, медленно зазвонили во второй колокол. Кого-то хоронят. Я пошёл в церковь. А там стоит гроб. Вокруг него детишки, человек пять, мал-мала меньше. Самой маленькой было, вероятно, годика полтора, а старшему лет 9—10. Оказалось, от первой жены осталось трое, да от второй двое (или наоборот). Отец, его звали Константином, стоял за гробом справа, молча. Дети, непонимая трагедии, даже не плакали, а лишь любопытно смотрели на усопшую и на нас. Стояли они впереди гроба слева. "Что, Константин, тяжело тебе?" - спрашиваю его, чтобы хоть что-нибудь сказать. А батюшка ещё не приходил в церковь. Константин сначала молчал, вероятно стыдясь, что может расплакаться, а мужчины это считают для себя непозволительным. Наконец собрался с силами и с трудом сказал одно лишь слово: "Тяжко!". И вздох облегчения вырвался из груди его: "Видно, такая Божья воля!"

Третий случай был такой.

У матери был единственный любимый сын. Его (правда, не без основания) расстреляли. Когда она узнала об этом, то только фонарный столб удержал её, иначе бы она упала на землю. Немного отдохнув, она после стала читать всю Библию. И из неё увидела, что Промысел Божий есть и над государствами и над отдельными людьми. И... успокоилась. И никогда уже не винила убивших: "На всё - воля Божия!"

Все эти случаи я записал потому, что в них можно видеть: добро хоть и трудно, но это "иго" благо по своему душевному содержанию, а как подвиг это "бремя" - легко. И потому

нельзя говорить, что добро только трудно; нет! оно и легко, не говоря уже о том, что всякое добро - благо по природе своей и чрезвычайно важно для Царства Божия.

А есть и поразительные случаи упования на Божию волю. Расскажу опять два-три случая.

Прежде всего посмотрим на пример Самого Господа Иисуса Христа. Обычно ссылаются на Его молитву в Гефсиманском саду: "Однако не Моя, но Твоя, Отче, да будет воля!" И это верно. Но ведь нельзя забывать и того, что Он в молитве этой страдал даже до кровавого пота! И говорил ученикам: "Скорбит душа Моя даже до смерти!" И это вполне понятно: естество человеческое, созданное для бессмертия, страшилось смерти, как ненормального, неестественного конца. И в церковных службах говорится не раз, что Христос страдал не как Бог, а как человек: два естества в Нём - и человеческое, немощное мучилось до кровавого пота.

Но вот, что более удивительно: после этого "борения", как справедливо принято выражаться, Господь Иисус Христос был поразительно спокоен: и при аресте, и без сна, и в издевательствах, и в распятии на кресте. Удивительно спокоен. Казалось бы, тут-то и можно было мучиться. Но Спаситель ещё говорит плачущим женщинам: "Не плачьте обо Мне, а плачьте о себе!" Дивно!

И распинают, и гвозди вбивают: Он всё воспринимает. Только один раз Он в скорби воскликнул на кресте: "Боже Мой! Зачем Ты оставил Меня?"

Разно толкуют эти слова. Но вот какое понимание их остаётся у меня теперь. Самое страшное для человека - это оставленность его Источником жизни и блаженства - Богом.

И перед последним вздохом Сына Отец дал испытать Ему эту тяжесть оставленности тварного существа - человека, да ещё грешного, - Богом! И это, может быть, и было причиной горького восклицания: "Боже! Зачем Ты оставят Меня?" И конечно, нельзя сомневаться в истинности этих чувств и слов о богооставленности: в минуты предсмертные не до пустых слов!

Оставленность же Богом была совсем не в том, что Христос мучился телесно на кресте, это испытывали и мученики, да еще "радовались" при этом. Да и сколько Его мучили! И он все терпел тихо. А вот для человека верующего тяжелее всего быть оставленным без Бога!

Св. Василий Великий самым величайшим несчастьем для себя считал бы быть отверженным от Бога, от любви Его.

Св. апостол Павел готов был быть отверженным от Христа, лишь бы спаслись через это его соплеменники евреи (Рим. 9, 1—5); а обычно жертвуют тем, что дорого более всего.

Ещё вспоминается из жизни св. мученика Феодора следующее обстоятельство. После жестоких мучений он наконец воскликнул, обращаясь к Господу Иисусу Христу: "Где же Ты, Господи?!" - "Смотрю на твоё мучение!" - ответил Он ему.

Не то, следовательно, было так мучительно для Феодора, что его терзали телесно, как то, будто забыл его Христос, столь любимый им!

Да и много бы других примеров можно привести и из нашей обыкновенной жизни, что трудно бывает расстаться с любимыми нами людьми, например, матерям с детьми.

Бывали случаи, что лишившаяся детей мать кончала даже самоубийством. Вот и Господь Иисус Христос, перемучившись в Гефсиманском саду и там положившись на волю Отца Своего ("не как Я хочу, а как Ты"), потом сдержанно, спокойно пошёл навстречу Иуде, на суд у Анны, Каиафы, Ирода и Пилата - и на распятие. Он уже решил на это, предав все Богу Отцу. Этим и объясняется Его дивное спокойствие при страданиях. Но перед самым концом Его Отец Небесный дал испытать ещё более сильное страдание - богооставленность. Человеческий род своими грехами заслужил её. И Искупителю нашему нужно было переиспытать за нас всё. Может быть, самые вечные муки [это те], которые состоят в оставленности Творцом твари, хотя и за озлобленное упорное оставление ею Бога.

Припомним затем мучеников. Церковь ежедневно (т.н. "мученичны" в первом каноне) вспоминает [их] в своих службах. Почему? Потому что на любовь Христову они хотели отвечать любовью же, на Его страдания за нас - своими мучениями. Да и другие

подвижники, в сущности, всю жизнь свою несли подвиги страдания, духовное мученичество. Это - известно! Также всякому известны слова св. Иоанна Златоуста: "Слава Богу за все", согласно наставлению апостола Павла: "Благодарите Бога за все" (ср. 1 Сол. 5, 18).

Мало того, любящим Бога хочется самим идти на страдания, желать их. Так и бывало в первые века христианства, так что на Соборе поставлено было не вызываться на самовольное мученичество, а страдать лишь только тогда, когда уже схватят [за имя Христово].

И всё возлагать на волю Божию! И как Сам Христос "томился", ожидая Своей чаши страданий желая её (Лк. 12, 50), так и другим это заповедано Им (Мф., гл. 14).

А потому не следует и всем нам говорить и думать, что уповать на волю Божию - трудно. Нет: "бремя Мое -легко", несомненно учит сему Господь.

Да и может ли быть иначе - если мы просим Его воли, - чтобы Бог, самое Всеблаженное Естество, оставил нас на муки, а не вёл нас к блаженному бытию, как блажен и Он Сам?! Это совсем исключено! Это просто немыслимо! Наоборот, чем больше мы уповаем на Божию волю, тем нам легче живётся даже здесь, на земле. Это всякий знает по своему, притом постоянному ежедневному опыту.

Конечно, не всякому и не всегда под силу сказать: да будет воля Твоя, Господи! Приходилось даже читать у подвижников, что это возможно лишь святым.

Но ведь Молитва Господня дана не одним апостолам и святым, а всем вообще христианам: следовательно, хотя бы в какой-нибудь степени, она посильна для всех нас, иначе и зачем бы было и давать её? Ну, не сможем мы сразу и вполне предать всё на волю Божию, но можем хоть обусловить наши желания, подобно тому, как показал нам пример Христос Спаситель, зная немощь нашу: "если возможно", сделай, Господи, то и то. Бог Отец не исполнил прошения Сына: оставил за Ним чашу и лишь послал Ему ангела для утешения.

Это уже возможное.

Наконец, если не можем мы от сердца сказать эти слова - "да будет воля Твоя", - можем сказать их хоть устами, хоть вопреки сердцу, и то будет угодно Богу: "не как я, а как Ты".

Но пришлось слышать о таком преподобном отце, который ничего не хотел просить у Господа, положившись всецело на волю Его, хотя бы Он изволил и в самый ад послать того. Конечно, это невозможно на деле, но до такой степени может дойти человек, что даже и на это согласен, - лишь бы исполнилась воля Господня. Этого одного хотел он! Он не просил даже прощения себе грехов, ничего не просил, одно лишь хотел: пусть будет воля Божия! Конечно, такие люди исключительнейшие, но это возможно. Когда преподобного Серафима Саровского спросили, как это он так сразу и верно отвечает на вопросы, он ответил: "Я, как железо ковачу, предал себя в волю Божию. И что мне первое внушит, то я и отвечаю, веруя, что это - отБога. А когда начну раздумывать, то нередко и ошибаюсь".

На эту тему, о славословии Бога за всё, есть прекрасное слово у епископа Игнатия (Брянчанинова) - всегда говорить: "Слава Богу за всё!" Одна женщина, зная это, села в горький момент на стул и стала говорить эти слова. Сначала они ей казались холодными, но она их всё повторяла. Затем сердце согрелось и и сполнилось веры. Кончилось же полным упованием: всё кончится ко благу! А через две недели - так и случилось. Во всяком случае, мы можем хоть в уме или на языке произносить эти чудные слова. И такие люди есть и сейчас, нам приходилось видеть и слышать их. И люди мирские, занимающиеся земными делами. А когда их спросишь, как они живут, то услышишь дин ответ: "Слава Богу!"

Значит не одним святым возможно это, но и другим, обычным. Самым простым. Так оно и есть. Конечно, Господь всегда творит волю Свою, если мы хоть не противимся Ему. Но в обычном порядке Он не хочет нарушать нашей свободы, а ждёт сначала нашего согласия. В этом отношении поразительно, дивно, чудно поведение Божией Матери. Много раз приходилось дивиться Ей, когда Архангел Гавриил принёс Ей благовестие о воплощении Сына Божия от Неё. Дева - а Ей говорит Архангел о рождении Сына. Да не просто человека, а... Бога, Сына Божия. Какой ум мог бы принять это? Никакой! А что же Она? - Задала только один вопрос: "Как это может быть, если Я мужа не знаю?" - "Дух Святой найдет на

Тебя..." - также совсем, совершенно непостижимо! Ссылается Архангел на Елисавету и зачатие ею Иоанна, будущего Предтечи. Но там не дева, а замужняя, и не Бога зачала-то, а человека... Оставалось лишь верить. И Божия Матерь больше ничего не спрашивает, а только произносит: "Я раба Божия! Да будет со мною по слову Твоему!"

И отлетел от Нее Архангел. Воплощение в ней совершилось.

А как? Она и Сама объяснить того не могла ни тогда, никогда. Так и читается Ей в акафисте: "Радуйся, Свет неизреченно родившая! Радуйся, ежекако (а как, каким образом) ни одинаго же научившая!"

Из этого величайшего в мире события мы научаемся, что Бог и в добре требует сначала нашего согласия. И со святыми Он поступает так же. И никого не неволит.

Если же мы заранее всё предаем в Его волю, то Он уже всё творит как нам спасительно. И этот путь для нас самый прекрасный и верный. Если же мы хотим, несмотря на Божие призвание нас, делать что-нибудь по своей воле, то Он и этому не противится, а попускает. Однако и тогда Он Своим благим Промыслом поправляет наши ошибки и самое зло направляет к благим последствиям.

О, сколько тому примеров в нашей жизни! Иной раз кажется, что события наши складываются неожиданно, будто бы случайно для нас, и только после открывается, что они для нас спасительны! И тогда невольно скажешь: слава Богу! И будешь веровать сильнее в благой Промысел Его. И станешь больше надеяться на Его волю! И чем дальше, тем больше! И постепенно человек дойдёт до того, что сам охотно будет просить: "Да будет воля Твоя". Даже он будет опасаться своей воли, не хотеть её, ибо не видит добра в ней. Он во всём будет искать Божией воли.

Теперь естественно становится вопрос: а как узнать, в чём воля Божия? Разные ответы даются духовными отцами. Иные говорят: спроси у старца святого. А если таких не видно? Спроси и не у святого, а только "не оставайся один" - говорит епископ Феофан Затворник (см. его книгу "Что нужно покаявшемуся и вступившему на путь спасения?"). Иные скажут: молись, и Господь откроет тебе волю Свою. И это хорошо. Я же думаю: и не нужно пытаться волю Божию! А только жить, как живётся, говоря попросту, ведь Господь постоянно печётся о нас и руководит нами. Живи же, как складывается сама жизнь, сама обстановка её. Она складывается Божиим Промыслом! Тогда и спрашивать не придётся. И пытаться нечего будет!

Конечно, если есть у кого спросить, спроси его. Тут уж одно то хорошо, что ты не на себя надеешься, а спрашиваешь другого. Самое послушание - благо тебе. И за одно это смиренное вопрошение Бог сотворит волю Свою с тобой.

Припоминается из истории отцов такой пример. Один подвижник не мог понять некоего вопроса. Молился - Господь не открыл. Постился - не было в душе. Тогда он решил сходить к ближайшему старцу. И только что закрыл дверь своей пещеры, как ему явился ангел от Бога и объяснил непонятное. "Почему же ты, - спрашивал подвижник, - не приходил, когда я молился, постился?" - "Потому, - ответил ангел, - что Бог хочет, чтобы люди спасались вместе" (лишь бы не один).

Это и смиреннее, и любвеобильнее, и богоугоднее...

Ещё воля Божия может быть познана чрез нравственные последствия: покаяние и скорби. Если же задуманное надмевает нас, возвышает, самообольщает, то - никак не принимать!

Иногда враг, говорит св. Макарий Египетский, подделывается к нам под доброе: к твёрдому - подтвердость, ревность; к доброму, сердечному - под его доброту, делая его мягким, слабым; подделывается даже под молитву, под смирение... Примеров много. Поэтому лучше спросить опытнейших. Но если таковых нет вблизи, то посоветуйся с одним, а то и с двумя друзьями по Боге. Самое простое, спроси у приходского духовного отца; он, может быть, сам и не очень уж свят и мудр, но ради твоей веры и смирения Господь откроет чрез него волю Свою.

Но вот некоторые употребляют особый род гадания: открывают Евангелие и попавшийся на глаза стих считают откровением от Бога. Иногда Господь таким путём

открывает волю Свою, но это - рискованный способ: не следует им пользоваться. Есть совесть, есть молитва, есть рассудительность, есть друг - с надеждой обратись к этим путям. И если ты даже ошибаешься в чём, но искренно и по нерассудительности своей, - Господь исправит. И лучше ошибиться, чем гадать по слову Божию. Враг запнёт тебя на этом!

Также святые отцы не советуют верить видениям, снам, святошам, мнимым пророкам и прочему. Осторожность здесь будет только благословлена Богом, ибо она проистекает не из недоверия к божественным вещам, а именно из обратного: как бы не ошибиться? как не принять бы тьму за свет? диавола за слугу Божию... И сам сатана, говорит апостол Павел, иногда принимает образ ангела света(2 Кор. II, 14).

Не нужно и метать жребий о чём бы то ни было. Вот один из верных способов познать волю Божию: мир на сердце. Если его нет, то усумнись в предпринимаемом деле и в сомнении воздержись, советует св. Афанасий Великий. Впрочем, епископ Феофан Затворник предупреждает: истинному добру предшествует или сопутствует и некая скорбь, трудность, искушение - это от врага. Тогда, т.е. если нет таких скорбных признаков, не очень доверяйся своему намерению или "пожди" Божьего гласа. Ибо доброе почти всегда приобретается с трудом: "Царство Боже нудится", с усилием приобретается.

Но всё это уже подробности, а Спаситель в Своей молитве указал нам существенное. Впрочем, святые отцы по опыту дают хорошие советы.

Однажды старцы пришли к Антонию Великому. Он спросил их: чего они достигли за многие годы подвига. Один говорил о необыкновенной молитве, другой о творении чудес, третий о видении ангелов. Св. Антоний сказал им: "Не великое дело творить чудеса, не великое дело видеть ангелов, великое дело - видеть свои грехи". А о грехах - в пятом прошении.

В заключение истолкования этого прошения мы без труда можем заметить, что хотя оно требуется и на земле, но целью своей имеет опять-таки - небо, Бога.

Мы этим прошением хотим, чтобы в нас творилась воля Божия, а она в том заключается, чтобы мы желали и делали то, что Бог желает от нас. А Он может желать того, чтобы мы спаслись и готовились на земле к Царству Небесному, т.е. к жизни у Бога, с Богом, Божьей жизни, - или короче: опять к Богу! Так и в Евангелии говорится Господом Иисусом Христом, что Он уже не будет больше пить от плода виноградного, пока не наступит Царствие Отца, когда Он будет пить с учениками "вино новое", т.е. нечто Божественное, нам ещё неизвестное (Мф. 26, 29).

И Церковь на Пасху воспекает Ему (на 9-й песни): "О! Пасха велия и священнейшая, Христе! О, мудросте, и Остове Божий, и Сило! Подавай нам истее (истинное: ибо всё земное - ещё не истинное, не настоящее, а лишь тень будущего!) причащаться, в невечернем дни Царствия Твоего".

И апостол Павел говорит: это будет, когда и Сам Сын, Христос Господь, покорится Отцу Своему, покорившему Христу всяческая! (1 Кор. 15, 28).

Четвёртое прошение: "Хлеб наш насущный даждь нам днесь"

Переходим к четвёртому прошению Молитвы Господней: "Хлеб наш насущный даждь нам днесь".

Прежде всего хочется задать себе самому и слушателям вопрос: почему, в каком порядке это прошение поставлено на этом месте? т.е. почему оно стоит на четвёртом месте - после трёх прежних и перед пятым? Мне приходит такая мысль.

Первые три прошения, а также воззвание к Отцу Небесному, можно назвать небесной частью молитвы. Правда, в третьем - уже напоминает "и на земли"... Следовательно, казалось бы, будто мы от неба перешли уже к земле. Но когда мы просим, чтобы и на земле была воля Божия, воля Бога, воля небесная (а на небе нет иной воли, кроме Божией: в Едином Боге, в ангелах и святых), то в конце концов мы хотим того, чтобы на земле было, как и на небе, по-Божьи. Значит, в сущности, мы желаем, чтобы всё и здесь творилось, как угодно Богу на небе. А так, как Богу угодно, чтобы нами всё совершалось во славу Божию и во спасение души нашей, а спасение наше и состоит в том, чтобы мы готовились к Царству

Небесному, к Царству Божию, - значит, земная жизнь является лишь путём туда, временной, странноприимной гостиницей, а целью, концом стремлений остаётся тоже Царство Небесное, Царство Божие, Божественная, или для твари - благодатная, жизнь во Святом Духе.

Таким образом и третье прошение обращает нашу душу к Богу же -так и подобает, но только местом воли Божией является уже не небо, а земля.

В четвёртом прошении излагается прошение прямо о земном, не только в смысле действия, но и предмете прошения: о хлебе земном.

Правда есть толкование о том, что под хлебом можно разуместь духовное питание, т.е. Святое Причащение Тела и Крови Христовых. Так и Сам Христос сказал о Себе: "Не Моисей дал вам хлеб с неба (т.е. манну), а Отец Мой вам истинный хлеб с небес дает. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру. На это сказали ему: Господи! подавай нам всегда такой хлеб. Иисус же сказал им (евреям): Я есмь хлеб жизни: приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда" (Ин. 6, 32—35).

"Возроптали" на Него иудеи за то, что Он сказал: "Я есмь хлеб, сшедший с небес". Но Господь снова повторил им: "Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную. Я есмь хлеб жизни. Я - хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира" (Ин. 6, 47—48, 51). После этих слов иудеи стали спорить между собою, говоря: как Он может дать нам есть Плоть Свою? Иисус же сказал им: "Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною. Сей-то есть хлеб, сшедший с небес" (Ин. 6, 53—58).

Как видно, Господь говорит здесь о Святом Причащении. Чудные эти слова!..

И "многие из учеников Его" начали между собою роптать: "какие странные слова", кто может это слушать?

Действительно, странные, небывалые, живые слова! Но Иисус, зная Сам в Себе, что ученики Его ропщут на то, сказал им: "Это ли соблазняет вас? Что же, если увидите Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде? Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь" (Ин. 6, 60—63).

С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним. Но Господь не только не отказался от Своих слов, но ни одним словом не дал понять, что они не так поняли слова Его. Наоборот, Он обратился ещё особо к двенадцати и спросил их: "Не хотите ли и вы отойти?" Симон Пётр отвечал Ему: "Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы жизни вечной: и мы уверовали и познали, что Ты - Христос, Сын Бога живаго" (Ин. 6, 66—69).

Обычно апостол Пётр говорил от имени всех двенадцати. Но на этот раз с ними не согласен был один из двенадцати, хотя этого и не высказал: то был Иуда Искариотский. Он останется неверующим и на Тайной вечери, хотя примет "кусоч", и, конечно, съест его как простой хлеб. Но за это неверие "после этого куса вошел в него сатана" (Ин. 13, 26—27).

Презирая всё это Господь отвечал им: "Не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас - диавол".

Это (объясняет евангелист Иоанн) говорил Он об Иуде Симонове Искариоте, ибо сей хотел предать Его, будучи один из двенадцати (Ин. 6, 70—71).

Как подробно я выписал дивные слова Самого Господа об истинном хлебе, сшедшем с небес, принимаемом нами в Причащении Тела и Крови Христовых. И, конечно, не может быть никакого сомнения в истине слов Самого Господа, что Он есть Хлеб жизни. И поэтому нам необходимо с верою и страхом Божиим причащаться "во оставление грехов и жизнь вечную".

Таким необычным, постоянным причастником был угодник Божий о. Иоанн Кронштадтский, который звал к тому же и богомольцев и ныне зовёт читателей своих творений. И этим со всею своею верою подтверждал истину слов Христа Господа, что Он воистину есть Хлеб жизни. И следовательно, под "хлебом" в четвёртом прощении Молитвы Господней несомненно можно понимать Самого Господа в таинстве Тела и Крови Его.

Но прямой смысл в этом прощении касается собственно хлеба земного. И вот почему.

Как и мы все понимали доселе, Сам Господь под словом "хлеб насущный" на этот раз разумел обычный хлеб, питание. И называл "насущным", потому что он нужен нам, чтобы существовать только. Да и то "днесь", на нынешний лишь день. Обратим на это внимание. Люди почти всегда стремятся к увеличению своего имущества и прежде всего - питания. В притче о богаче и Лазаре на это указывал Сам Господь: богатый каждый день задавал пиры. Дети Иова каждый день собирались по очереди у одного из семи братьев на совместный пир, хотя сам Иов в них не участвовал. Апостолы и те спрашивали при жизни Господа: "Вот мы оставили все и пошла за тобой: что же нам за это будет?" Братья Зеведеевы с матерью Соломиною просили у Христа первых двух мест в Царстве. Они ещё разумели по земному, недаром за это упрекнул их Христос Господь: "Не знаете, чего вы просите!" Когда Господь сказал про богатых: трудно им входить в Царство Небесное, Пётр спросит: если так, то кто же может спастись? Зачем об этом спрашивает? Ведь сам он был бедняк, рыбак, рабочий! Ведь Господь не сказал: трудно бедному спастись! А они и то малое, что имели - лодку и сети — "все оставили". Зачем же они вопрошают: кто же может спастись? О чём-нибудь думал и Пётр, задавая такой вопрос. На все эти вопросы можно ответить так: все люди хотят лучшего, большего, и вот это хотение большего и нужно считать сребролюбием, стремлением к богатству.

А у кого его нет? Разве большинство бедняков, рабочих, рыбаков - не хотят в душе своей большего? Не желали ли быть богатыми? Мало таких. Едва ли один на тысячу найдётся такой. Да и то сомнительно. Вот это знал и Пётр. И потому он и задал такой странный для рыбака вопрос: кто же может спастись?

Значит суть дела - не в самом богатстве и вообще не в изобилии, а в желании его: не в деньгах, а в сребролюбии, в скупости. Но изобилие - очень искучительно. Поэтому Господь и предупреждает против этого искушения. И в самом деле: сколько зла на земле из-за имущества? Сколько ссор, войн даже? И сколько беспокойства почти у всех? Весь мир, можно сказать, живёт этими заботами и муками. Все ищут исхода, а он так прост! Нужно перестать бы стремиться к большему! Нужно бы довольствоваться малым. Нужно заботиться лишь о насущном, чтобы только просуществовать. И тогда как бы упростилась вся жизнь! Но кто этого захочет? Кто послушается? Вот Сам Господь упрекал за это искание изобилия народ. Когда он наплатил пятью хлебами 5000 человек, тогда люди, видевшие чудо, сотворённое Иисусом, сказали: "Это истинно Тот Пророк, которому должно придти в мир". Ещё бы! Он даёт пищу даром, да притом в изобилии. После 5000 народу, собрали и наполнили 12 коробов кусками от 5 ячменных хлебов, оставшиеся у тех, которые ели. По числу 12 апостолов: 12 коробов! И что же? Уверовали ли люди во Христа как Сына Божия? Подумали ли о своей греховности (сребролюбии, землелюбии)? Спросили ли хотя бы, как Пётр, о том, кто же может спастись? Нимало! Наоборот, у них разгорелся лишь аппетит, они хотят прийти, нечаянно взять Его и сделать царём. Неужели Христос для этого пришёл? Неужели корень бед в мире заключается в недостатке имущества? Неужели, когда восстановилось бы еврейское царство во главе со Христом (хотя это явно заранее обречено было бы на новую неудачу), пришло бы "блаженное царство"? Никогда!

Человек со своими желаниями, страстями, похотями остался бы таким же, как был. Нет, даже стал бы хуже: ибо получив большее, скоро стал бы недоволен и им (ибо аппетит обычно растёт с пищей, говорят французы) и захотел бы ещё большего.

Зная всё это и что хотят Его "сделать царем", Он удалился на гору один. Ученики Его сошли к морю, чтобы ночью переплыть в Капернаум. Чудо же было на другой стороне моря Галилейского. Ночью Господь догнал их по воде. Слух о чуде с пятью хлебами быстро распространился. Конечно! Хлебы - бесплатно! Да еще чудесно размножаются: от пяти

ячменных хлебцев - насытились 5000 человек! Люди бросились к Капернауму, куда отплыли с 12 коробами ученики! Видят: здесь уже Иисус. А когда лодка с учениками отплывала, то люди видели, что Его с ними не было. Новое чудо!

Как это произошло? Но их иное интересовало! Не одно и даже не два чуда, а - насыщение хлебами. Увидев же Иисуса вместе с учениками на той стороне моря, спросили Его из любопытства: "Равви! когда Ты сюда пришел?" Господь, не отвечая на их вопрос, сказал им в ответ: "Истинно, истинно говорю вам: вы ищите Меня даже не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились. Старайтесь не о пище тленной, но о пище пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог". Народ спрашивает: "Что нам делать?" Иисус Христос ответил им: "Вот - дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал!" А народ спрашивает: "Какое Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе? Что Ты делаешь? Отцы наши ели манну в пустыне, как написано: хлеб с неба дал им есть" (Ис. 77, 24). Тогда Господь стал говорить о ещё более высшем - о таинстве Причащения (см. Ин., гл. 6).

"Какое знамение дашь..." Как прискорбно это прошение! Только что видели чудо насыщения, а спрашивают. Какое лицемерие! Какая слепота! Какая неспособность к духовному! И Он начал говорить народу о Причащении. И отошли от Него даже многие из учеников. И больше уже не ходили со Христом. Так привязаны люди к земному изобилию. Но не для этого пришёл Господь. Наоборот: Он пришёл привлечь к изобилию небесному и отвлечь от привязанности к земному. Здесь полезно обратиться к словам того, с кем совершилась эта перемена, к св. апостолу Павлу.

Как и весь еврейский народ, он прежде хотел земного изобилия. Но, когда обратился ко Христу, вот какое наставление даёт он ученику своему Тимофею. Всё наше старание - следовать здоровым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благодати Святого Духа. Вот это истинный хлеб духовный! Если же кто учит иному, тот горд, ничего не знает, и от этого происходят пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины, которые думают, будто благочестие, вера служат для прибытка. Удаляйся от таких (см. 1 Тим. 6, 3-5).

Это весьма поучительные слова: никак не следует думать, что вера обещает земное довольство! Да этого истинно верующий человек и сам не желает. Ему оно - неинтересно, как вещь ничтожная! Между тем, и тогда и теперь есть люди, которые хотели бы соединить и веру и прибыток. Даже более того: склонные смотреть и на самую веру как на средство к земному благоденствию. Что же это собственно значит? Это значит: Самого Бога обратить в средство! Не кощунство ли это? Между тем, и сейчас сектанты привлекают к себе клиентов обещанием "хорошей" жизни, земных благополучий. Апостол же говорит иное в послании к Тимофею: "Великое приобретение -(в том, чтобы) быть благочестивым и довольным (тем, что есть). Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогатиться впадают в искушение, и в сеть, и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол - сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям" (1 Тим. 6, 6—10). И сам он достиг этого состояния "и весьма возрадовался", говорит он филиппийцам, приславшим ему в римскую тюрьму некоторые дары: но "говорю это не потому, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии. Научился всему и во всем: насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии, и в недостатке. Все могу о укрепляющем меня Иисусе Христе. Впрочем, вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби... Говорю это не потому, чтобы я искал даяния; но ищу плода, умножающегося в пользу вашу... Бог мой да восполнит всякую нужду вашу, по богатству Своему в славе, Христом Иисусом" (Флп. 4, II—19).

Вот христианский идеал: всем быть довольным!

И у христиан было это. Прочитаешь жития святых пустынников и монахов: в какой скудности они жили! Поражаешься даже: да возможно ли это по человеческим силам? Раз в

день, а иные - через три дня вкушали что-нибудь, другие ещё реже. Да и в одних ли пустынях и монастырях? Целый народ - хотя бы и наш русский - жил убогой жизнью. А когда спросишь - как поживаете? — отвечают: "Слава Богу, помаленьку!" А пришлось мне видеть и такого бедняка, который отказался даже от преложенного мною пирожка: "Нет, мне не нужно! Хлеб есть!"

Значит, существовать можно: чего же больше? Скажут: а много ли таких? Пусть не много, но другие - уже довольствуются тем, что есть. А иные - умеренны в жизни. Третьи - готовы поделиться с бедными чем можно. Это всё различные степени быть довольным всем. И то хорошо!

А сколько земных забот снимается с человека таким воззрением! Как уменьшаются скорби! Но пойдём дальше.

"Хлеб наш..." "Наш" - не сказано: мой, а наш. Обращаем ли мы внимание на это слово? Не просто "насущенный" - для меня, для моей семьи! - а наш, нам, для нас, для всех.

Почему же вставлено это слово? Мы уже объясняли в обращении "Отче наш", что Господь повелевает вообще молиться Богу не от одного лишь себя, а от имени всех и о всех. Отец - один, а мы все братья. Так и о хлебе насущном молиться следует не для себя лишь, а для всех нас. В этом сказывается братская любовь наша. Ведь немыслимо было бы, чтобы в одной семье один был сыт, а другой голоден. Так, собственно, и во всей человеческой семье следовало бы жить общим интересом, общей жизнью. А у нас забота лишь о себе, о своей семье. В лучшем случае о своём государстве. Но не моё, не наше государство - представляется для нас чужим, нисколько нас не интересующим. Там где-то голод, умирают тысячи - "это не у нас". Мор, чума, болезни - "не у нас". Как далека Молитва Господня от нашей жизни! Даже не думаем об этом.

А ведь было иное время. Христиане жили общей жизнью, как пишет об этом книга Деяний апостольских. Все же верующие были вместе и имели всё общее: "и продавали имение и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого" (Деян. 2, 44—45). У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа, и никто ничего из имения не называл своим. Но всё у них было общее. Не было между ними никого нуждающегося (Деян. 4, 32, 34). "

Но и в христианстве этот порядок долго не удержался. Скоро вскрылся обман. Некий Ананий и Сапфира сговорились отдать не всю цену за проданное имение, а лишь часть её. И за эту ложь были наказаны смертью апостолом Петром (Деян. 5, 1-11).

Да и такое общение имуществ было лишь между верующими христианами. Из посторонних же никто не смел пристать к ним. Видя же такую любовь между ними, народ, даже не уверовавший, прославлял их (Деян. 5, 13). Были и так называемые "агапы", от греческого слова агапэ - любовь (Эти агапы впоследствии отменены Соборами. - Ред.). Приходя на богослужение, христиане устраивали после них "вечери любви", но и там начались разделения, как пишет апостол Павел к коринфянам (1 Кор. II, 17-22). И однако же, несмотря на все эти недостатки, Богу угодно было оставить для [назидания] всем христианским общинам память о такой общей жизни.

Не так теперь, но так было. И при христианском воззрении на "хлеб насущный" и при истинной любви это возможно было. Теперь же, когда мы стремимся не к минимуму, не к "хлебу насущному", а к максимуму, к возможно большему, конечно, трудно. "Хлеба насущного" хватило бы для всех, а если одним хочется жить в "изобилии", то другим будет недостаток и в хлебе. Да дело-то даже и не в хлебе. Христос Господь хотел ведь Божественной, небесной жизни для людей. Для этого Он заповедал заботиться и молиться о "хлебе насущном", т.е. о самом необходимом, а не мучить себя заботами о зловредном богатстве, которое и здесь вовлекает в различные похоти и разделения и затрудняет вход в Царство Небесное, как сказал Господь про богатого юношу.

Следовательно, в христианстве главное дело сводится к духовному настроению - к беззаботности и любви. Если же это общение имуществ имеет целью довольство, изобилие, богатство, то это совсем не то, для чего приходил на землю Господь и дал заповедь о "хлебе насущном". Наоборот, такое общение возбуждает лишь большее желание изобилия, т.е.

развивает в конце концов аппетиты наши. Да и исходит-то оно из корыстного материализма, плотскости, любви к богатству, довольству. Это две вещи различные.

Но даже и при таком несовершенном состоянии христианства, учение о "хлебе насущном" и о любви имеет немалое значение: оно вносит в жизнь умеренность, ограничивает наши аппетиты.

Один иностранный общественный политик недавно выразился так: люди не хотят до сих пор понять такой простой вещи, даже с чисто экономической точки зрения, как совесть. И это верно. Хотя не нужно смотреть на благочестие как на путь для "прибытка", по слову апостола, но несомненно, что искреннее благочестие поведёт непременно и к экономическому благоденствию. "Ищите прежде Царствия Божия, а все остальное, т.е. земное, - приложится вам", - говорил Господь. И Сам Бог даст нам нужное, если мы не соблазняемся в душе желанием богатства и изобилия, если оно не опасно нам. "Богатство, если оно течет к тебе, не прилагай к тому сердца", - говорится еще в Ветхом Завете. И Златоуст зовёт: "Хочешь богатства - беги от богатства: и богатство побежит за тобой".

Но истинный христианин и не будет даже хотеть богатства, как вещи опасной. Да оно его и не прельщает, есть другое истинное богатство: благодать Святого Духа, Царство Божие - внутри нас. Тогда довольно будет одного хлеба насущного. Даже того меньше! Это показывает нам жизнь святых.

Но Молитва Господня дана была не для исключительных подвижников, а для всех христиан. Здесь и хлеб насущный необходим. И вообще т.н. частная собственность дозволяется: "Чем ты владел, - говорит апостол Пётр Анании, - не твое ли было, и приобретенное продажею, не в твоей ли власти находилось?" (Деян. 5, 4).

Христианство разрешало и разрешает это. Только бы не было стремления к изобилию, а довольствовались бы мы необходимым: "хлеб наш насущный даждь нам днесь". И когда один человек просил Господа разделить его справедливо с братом, Он сказал ему: "Кто поставил Меня судить или делить вас?" И далее: "Смотрите, берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имени" (Лк. 12, 13—15). Тем более - Царство Небесное.

Ещё мне хотелось бы остановиться на маленьком вопросе. Как ни мало думать лишь о "хлебе насущном", да и то только "днесь", на нынешний день, но зачем ещё и об этом нужно молиться Богу "даждь нам"!

Приведу такое впечатление о молитве из своей ранней жизни. Когда, бывало, я читал Молитву Господню, то мне непонятно было: зачем нужно просить Бога о таком предмете, как насущный хлеб, ведь хлеб-то был в изобилии даже у любого нищего! В молодости я видел такого в моем округе: у него всегда были довольно полны два мешка, один для муки, другой для "кусков", т.е. для ломтей хлеба. И мне казалось, что чего-чего, а хлеба-то уже всегда всем хватит. Зачем же просить его у Бога: "даждь нам"?

Прошло после этого много лет. Я жил тогда в Москве, будучи членом Церковного Собора. Началась революция. И нам не хватало простого хлеба! Тогда я был в Москве, и нам давали всего лишь по 1/8 фунта в день, да и тот был с кострикой. Однажды я шёл по улице и увидел голодную, шатающуюся небольшую собаку: она беспомощно пошаталась-пошаталась и околела. Вот тогда я понял: да, и о хлебе насущном нужно молить и просить Бога! Иначе можно от голода погибнуть!

Ведь мы, собственно, постоянно присутствуем при чуде: из одной и той же земли вырастают тысячи хлебов разного сорта. Мы этому не удивимся только потому, что привыкли. А если бы увидеть это чудо в первый раз, мы не могли бы надивиться. Откуда всё это? Одна и та же земля родит разное. Недаром одна северная старушка, кушая арбуз, восхищенно сказала: "Хотела бы я хоть посмотреть, где эти арбузы растут!"

Всё это сотворено Вседержителем Богом. Им и сейчас держится, - хотя неверующие этого не признают, а объясняют "природой". Но разве бездушная природа разумна? Конечно, нет! И тот, кто ссылается на природу, в сущности прикрывает свое незнание.

Всё держится Богом Творцом! Его обо всем и надобно просить: даже о куске насущного хлеба, хотя бы на один день. Да и то приходит мне мысль: ведь и это прошение

сказано Самим Спасителем. Богом! Уже по одному этому должно верить Ему всецело и просить - и о хлебе насущном. Во всяком случае, подобное прошение говорит о нашей вере и смирении. О вере потому, что этим мы выражаем упование на Бога во всём, даже в самом "насушно" необходимом. О смирении потому, что приучает нас довольствоваться малым. Кроме того, это прошение приносит и добрые результаты всему миру, т.к. учит ограниченности наших пожеланий, а это отражается на всем мире, т.к. всякая борьба, вражда и зависть приводит к ссорам и войнам. И тогда жизнь становится гораздо труднее! А Господь хочет облегчить нам и земную жизнь.

Наконец, слова: "наш", "нам" напоминают нам о любви друг к другу. И пусть даже мы не смирились настолько, чтобы просить лишь "насущенного хлеба", да ещё всем "нам", но пусть хоть христиане покажут эту скромность прошений наших! В крайнем случае, пусть каждый думает лишь о себе самом: ему-то уж несомненно будет душевная польза. Но не может быть, чтобы доброе дело отдельного человека не оказывало влияния и на других. Впрочем, об этом не должно думать, потому что это не смиренно. Даже было бы ещё грешнее, т.к. ограничивши себя телесно, мы "расширились" бы духовно: в гордости - своею добротой, в самомнении - о своей мнимой "святости". И наоборот, чем ты будешь скромнее в требованиях и смиреннее, тем влияние твоё будет сильнее. Да у тебя больше останется времени и для духовной жизни, если ты будешь довольствоваться малым! А лучше сказать: вся твоя жизнь превратится в непрерывную духовную жизнь.

Здесь припоминается наставление преподобного Серафима Саровского дивеевским "сиротам". Давая им указания ежедневного жития, он их учил: не следует вычитывать разных акафистов, ни давать подробных обещаний, а прочитав его, Серафимова, маленькое "правильце", немного чего-либо вкусить и сразу на послушание или на работу, какая указывается старшими, но между работой, про себя, творить молитву Иисусову. Так до обеда. После обеда - "правильце", и опять за работу с прибавлением к молитве Иисусовой: "молитвами Богородицы". Потом перед сном опять "правильце" - и спать.

"И уверяю вас: спасетесь", - утешал о. Серафим своих "сирот". Длинный уставной молитвенный саровский порядок о. Серафим не благословил для дивеевских сестёр: он и для монахов-то труден. Но его не всегда в этом слушались: старались уподобляться Сарову в молитвенном уставе. А батюшка по своему опыту знал, как лучше молиться и вообще спасаться. Он не был приверженцем длинной уставности, но в сердце постоянно молился. А Господь именно этого требует: "Сыне! Дажь Ми сердце твое!"

Молитвословие - ещё не есть молитва! И знающим монастырские порядки известно, что истинным молитвенникам даётся свобода в молитве: они в скитах, например, могут позднее вставать и позднее ложиться и не исполняют устава служб, а стараются молиться "непрестанно", по повелению апостола: "непрестанно молитесь" (1 Сол. 5, 17).

Теперь надобно обратиться к человеческим способам избавиться от сложной современной жизни.

Вместо той ограниченности, которую заповедует нам Господь в этом прошении и которая разрешает сложность всей мировой жизни, народы думают об иных путях существования, в частности о государственном способе уравнивания имуществ. И, кажется, с первого взгляда, это весьма походит на первые дни христианства, когда у всех было всё общее и никто ничего не называл "своим". Но на самом деле здесь большая разница.

Именно: если Господь хочет разгрузить нас от лишних забот, свести на минимум существования, то в современных поисках улучшения жизни в основу стремлений обещают, а где-то и действительно дают максимум обилия. Не только говорят: будет бесплатный хлеб, и притом в изобилии, но нужно ожидать впереди и вообще сладкой жизни.

Уже здесь - коренная разница: Господь хочет свести наши телесные заботы к минимуму, а в мировом масштабе привлекают изобилием, чтобы, дескать, оставалось время для культурного воспитания и всевозможных удовольствий. Таковы различные источники.

Затем: христианство исходит из нравственных побуждений и стремится к ним; человеческие же способы улучшения жизни имеют целью материальное благополучие, которое будто приведёт их к моральному совершенству, хотя это, собственно, и не очень-то

интересует преобразователей жизни. Было бы сладко жить здесь, потом ведь все умрут, и ничего, кроме праха, не останется от них. Так различны цели.

Христианство исходит из религиозных Божественных заповедей, из веры в Бога и вечной ответственности за свою жизнь; земные же пути отвергают всё нематериальное. Мало того, считают веру в Бога не только излишней, но даже вредной для этой жизни потому, что она отвлекает от материальной цели, отрывает от революционных методов, учит смирению, тогда как современные теории стараются возбуждать правовое сознание, гордость.

Христианство явилось в мир как религиозное движение, во имя Господа Иисуса Христа, а современные теории объясняют его, как восстание низших классов против имущих, что совершенно ложно. Самого Христа считают легендой.

Потому современные преобразователи различными способами поднимают гонения против христианства, как будто бы зловредного. А на самом деле оно прежде всего привлекает на людей благословение и милость от Бога. Вводит мир в общество, останавливает преступность, вносит умеренность во взаимоотношения наши, проповедует законопослушность и почитание начальников, даже хотя бы и безрелигиозных, учит терпению и т.п.

Поэтому начальникам следовало бы не гнать христианство, а поддерживать его. Но им это трудно потому, что весь дух христианства отличен от мирских путей. Да и верующим не полезно такое постоянное благополучие, известно, что Христос Сам страдал - до распятия - и последующих Ему призывал к тому же (Мф. 16, 24—25). Страданиями мучеников окрепла христианская вера. "Кровь мучеников становилась семенем новых христиан", - говорит Тертуллиан. И эта истина имеет силу и теперь. Это - факт.

Поэтому христианской Церкви духовно лучше там, где предшествует крест Христов. И потому во Второе пришествие Господа "явится знамение Сына Человеческого на небе", т.е. опять же крест Христов (Мф. 24, 30; Мр. 14, 62; Апок. 1, 7; Зах. 12, 10). Вся проповедь христианская называется "Словом о кресте" (1 Кор. 18, 23). Потом христиане, терпящие страдания, несомненно выше, чем те, которые живут в лучших материальных условиях. Спасительнее скорби, чем земное благополучие! А истинные христиане даже желают себе страданий за христианство и для спасения, отсюда и мученики, и пустынники, и добрые иночествующие, и юродивые всегда искали себе скорбей, креста (Мф. 16, 24—27; Лк. 12, 4—9; 23—31, 49—53). Они теряют свои имущества, и иногда и самую жизнь. Это, конечно, им больно. Но для спасения души их полезно, ибо сказано: "трудно богатому войти в Царство Небесное" (Мф. 19, 23; Мр. 10, 23—26; Лк. 18, 24).

Но потом на место одних богачей появляются другие, новые. И им тоже трудно бывает войти в Царство Божие! И снова является необходимость Господу посылать на помощь людям: голод, пожары, наводнения, войны. Временно это отрезвляет нас. А потом мы опять стремимся к богатству: опять нам недостаточно хлеба насущного.

Пусть даже мы не делаемся материалистами, а остаёмся верующими, но одновременно хотим быть и богатыми. И тогда получается самообман: мы воображаем себя защитниками веры христианской, а на деле делаемся язычниками, евреями, распявшими Христа, противниками "Слова о кресте". И кто знает, не бываем ли мы в таких случаях хуже и самих неверующих? Пожалуй - так.

Так, современные т.н. христианские народы, католическая церковь со множеством её богатств, США, стоящие во главе противников нового течения, не оказываются ли они хуже китайцев, индусов и неверующих людей разных стран? Не стремятся ли они использовать колониальные и полуколониальные страны за дешёвое сырьё? Не грозят ли они разными бомбами несогласным с ними? Разве это христианство? Собрали большое количество мирового золота и подкупают им нуждающиеся государства под видом "помощи".

А в душе мы не язычники ли? Не относится ли и к нам обличение фарисеев и лицемеров, что "даем" десятину с мяты, аниса и тмина и оставили важнейшее в законе: суд, правду, милость, любовь и веру истинную; сие надлежало бы делать, и того не оставлять. "Горе вам, книжники и фарисеи, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Горе вам, книжники и фарисеи, что уподобляетесь

окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты! Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззаконий" (Мф. 23, 23—28).

Когда задаёшь себе такие вопросы, то совесть свидетельствует: в этом много правды! И спрашиваешь: не хулятся ли нами имя Божие? Откровенно спросим: привлекаются ли народы через нас к христианству? Не наоборот ли: не отталкиваем ли их от себя? Миссионерское дело в США и даже в Англии поставлено было широко, но Китай отпал от их влияния, а от Англии - Индия! Франция послала в Индокитай проповедников, а теперь пришлось расплачиваться горькими слезами. Англичане захватили больше всех на земном шаре пространства, а теперь (В 1954 г. - Ред.) дело их разваливается: даже свои доминионы отделяются. Об Индии и говорить уже не приходится! Да, плохо кончаются дела у так называемых христианских наций.

А мы не видим этого? Да и как мы можем привлечь ко Христу людей, когда сами в жизни идём против Христова креста!? И не будет ли возмездия и нам, лицемерам?

"Да приидет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле! Истинно говорю вам: все сие приидет на род сей!" (Мф. 23, 35—36).

В заключение, однако же, обратимся к себе самим, и прежде всего - к "вождям", духовенству.

Что нам смотреть на чужие сучки в глазах их, а своих брёвен не видеть?! Пусть они даже не "брёвна", а тоже - сучки. Что нам пользы от чужих недостатков? Но обращаясь к себе самим, невольно думаешь, как древние евреи про Христовы притчи об отнятии у них царства: "Говоря так, и нас обижаешь!"

Не относятся ли и к нам эти слова об "окрашенных гробах"? Боюсь сказать уверенно, но приходится задуматься над этим. Что же нам нужно делать тогда?

Иной, может быть, скажет: трудно это учение о "хлебе насущном". Нет сомнения - трудно. Но и легко! Это сказал Сам Господь (Мф. II, 29). Если бы это было невозможно, то Господь не дал бы нам такой молитвы: "Хлеб наш насущный даждь нам днесь". Если же дал, значит, это возможно! Это облегчает жизнь вообще, и даже материальную. Конечно, вопрос - в степени. Но важно, чтобы услышали мы в этом прошении призыв к насущному, необходимому, а не к обилию. А уже мера - дело совести каждого.

Затем, поелику всё управляется промыслом Божиим (Вседержителя), то нам нужно на Него и полагаться во всём. Ведь Он же "Господин жатвы Своей" (Мф. 9, 38). Поэтому будем уповать на Него! "Соль - добрая вещь, но если соль потеряет силу, чем исправить ее? Кто имеет уши слышать, да слышит!" (Лк. 14, 34—35) - сказал Господь. Господи! Помилуй нас!

Пято е про шение: "И о са ви на м до ли на ша , якоже и мы оставляем должником нашим"

В этом прощении мы просим о каких-то "долгах" наших. Все мы знаем, что под "долгами" разумеются "грехи" наши. Почему грехи называются долгами? Потому что должник обязан заимодавцу, у которого он занял деньги, и этим он виноват перед ним, покамест не отдаст всего долга или пока он не будет прощён заимодавцем. И чтобы понятнее была нам наша греховность, вот Господь и сравнил грехи наши с долгами, что нам всем известно. Но в этом есть высший смысл. Долг потому и есть долг, что мы кому-то должны. Кому же мы должны своими грехами? Только - Богу!

Бог и грех: эти понятия - неразделимы. То есть, если человек не верует в Бога, то никакого греха не может да и не должен признавать, потому что не перед кем отвечать. И наоборот: если мы веруем, что Бог есть, и что Он дал нам заповеди - как нужно жить, тогда мы пред Ним ответственны, хотя бы никто о наших грехах, кроме нас, и не предполагал, и не знал или даже считал нас "хорошими", чуть не "святыми" людьми.

Известный писатель Достоевский приводит такой разговор между двумя братьями Карамазовыми - Иваном и Григорием Смердяковым. Иван был "законным" сыном и жил "барином" в доме богатого отца, получил образование, стал неверующим, и этому же неверию учил и Григория. А Григорий был рождён от полудурочки Лизаветы Смердящей и

от неё получил фамилию Смердякова. Он был тоже взят в дом Карамазова, но исполнял там обязанности лакея, хотя братья знали, что он рождён от одного с ними отца, Федора. Конечно, его ничему не учили, хотя он был человек способный. И вот Федор был убит. По случайно сложившимся обстоятельствам подозрение пало на старшего брата, Дмитрия, тогда как истинным убийцей был Григорий. Однажды он и разговорился с учёным Иваном о своем преступлении, хотя об этом никто и не думал. "Хотя отца-то убил я, - говорил он холодно и без всякой жалости и без сознания своего греха Ивану, - настоящий убивец - ты: ведь ты же говорил, что Бога - нет. А раз Бога нет, то всё можно!" (Пишу по памяти: давно читал об этом.)

И, несомненно, верно: если Бога нет, то нет и бессмертия, нет и суда, нет и ответственности ни за что, нет и никаких заповедей, ни Божиих, ни внутри себя, - т.е. совести. "Живи моментом", - как говорится иногда. Или как апостол Павел: "Станем есть и пить, ибо завтра умрем!" (1 Кор. 15, 32).

И даже скажу больше: если не верить в Бога, то не нужно, не должно смущаться своею совестью: это - не логично, не рассудительно! Зачем путать себя, если нет Бога?! Делай всё, что тебе хочется сейчас! Ведь корова ничем не смущается - только бы наестся травы; и собака, если укусит кого, не стыдится; и кошка, когда загрызёт мышку, не жалеет её, и даже учит этому своего котёнка. И это логично, последовательно - если в Бога не верить!

И наоборот: если в Бога верить, тогда и совесть понятна, и ответственность за наши дела - необходима.

Приведу случай из жизни. Я знал иеромонаха. Однажды он сопровождал меня из монастыря в скит и подносил мне довольно тяжелую посылку. Я просил дать мне понести её самому: "Это будет мне епитимией за грехи", - говорю ему. А он ответил мне следующее: "Если бы я на епитимии изрезал всё свое тело на куски, то и их бы не хватило на это!"

Не помню, в этот ли раз он сам рассказал мне или другие мне о нём сообщили, но дело было в следующем: он считал себя настолько нагрешившим, что сам наложил епитимию: никогда "не надевать на себя епитрахиль", т.е. не совершать священных служб. Его никто не обвинил, не судили его, не знал ничего и епархиальный архиерей, и он мог бы жить беззаботно. Но он осудил сам себя: "не надевать больше епитрахили" - за грехи свои. Совесть его сознавала, что он недостойн быть священнослужителем. С того времени он исполнял обязанности разносчика в трапезной пища братии, а в церкви был за псаломщика: читал медленно, крестился истово и даже вдавливал персты свои в тело, когда клал кресты. И братия не видела его огорченным, хотя с ним обращались, как со слугою на трапезе. А ему при мне было уже 70 с лишним лет. Небольшого роста, очень худой. Вот - пример того, как человек сам сознаёт свои грехи, хотя они никому, кроме Бога и самого грешника, и неизвестны; внутренний голос обличает нас. Недаром св. Андрей Критский, в великопостном каноне на первой седмице говорит: "Нужнее (принудительнее) ее ничего нет!"

"Грех есть беззаконие"; всякий грешник - "преступник закона" Божия (Иак. 2, 12). И совершенно верно говорил профессор Санкт-Петербургского университета П-кий, что основа права имеет корни - только в религии, без этого оно ничуть не обязательно для нас, даже нерационально, неразумно. Тогда остаётся одна надежда на "нравственное" поведение: террор власти (суды, тюрьмы, телесное наказание, смертная казнь и пр.). Но в сущности, это не "нравственное" поведение, а - страх перед властью, не больше!

И у всех народов всегда было сознание греховности. Христианство в этом отношении, как высшая форма религии, только глубже других сознаёт грехи. И понятно: оно нас ставит ближе пред лице Божие и чувствительнее пред своею совестью. Поэтому, чем совершеннее христианин, тем больше сознаёт себя грешным. Но об этом будет речь дальше. А теперь мы поставим такой вопрос: это прошение о "грехах" поставлено после "хлеба насущного". Ведь грехи несравненно хуже, тяжелее, важнее, чем бедность, нищета, голод. И казалось бы, что по значению их нужно поставить выше "хлеба". Почему же они поставлены после него? На это можно бы ответить так.

Да, так именно и смотрит на этот вопрос и христианство, и Церковь, и святые отцы. Все, знающие Евангелие и Послания и внимательно следящие за собою и за жизнью, прямо так и учат: "Единственное зло в мире - есть грех!"

На этом и нам следует твёрдо установиться: единственное зло - грех! Это - несомненно, как увидим дальше. Он - корень всего дурного.

Так учил и Иоанн Креститель: "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное" (Мф. 3, 2). Так проповедал и Иисус Христос: "Приблизилось Царство Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие" (Мк. 1, 15). И целью пришествия Господа на землю было - спасение грешников, как всем нам известно. Так же учили апостолы: "Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа" (Деян. 2, 38). Так учили и все святые отцы: можно бы привести здесь тысячи выдержек! Но мы, христиане, и сами знаем это, потому нет надобности в других ссылках.

Но, к великому сожалению, этого даже мы, христиане, не достаточно сознаём! Это - горький наш опыт!

А вот когда заболеем, или когда наступит голод, когда даже и хлеба не хватает, или вообще когда наступят какие-либо земные бедствия (пожары, войны и пр.), мы очень чувствительны к этому.

Вот, может быть, поэтому о "грехах" поставлено после "хлеба": о нём мы больше беспокоимся. Да и то нужно сказать: если мы научимся ограничивать себя в жизни до насущного хлеба, то легче нам будет бороться и с грехами: первое куда как меньше, а второе несравненно труднее. И подвижники обычно начинали с телесных постов, а потом уж - переходили к духовной борьбе.

Но... пойдём далее беседовать о грехах: это - важнее, чем рассуждать о порядке прошений.

Иные задают себе вопрос: почему Бог не создал бы человека - неспособным грешить. На это обыкновенно отвечают: человек, как высшее богоподобное существо, должен быть непременно свободным - т.е. способным делать и добро и зло. Так и ангелы: одни пали, а другие остались верны Богу. А что верно и первое, мы слышим из слов Самого Иисуса Христа. "Я видел сатану, спадшего с неба, как молния" (Лк. 10, 18). Но об этом мы ещё будем говорить подробнее в шестом прошении.

Если же человек был бы создан не свободным, как животные, то он всё равно творил бы зло (как волки, змеи и др.), но и не признавал бы ещё этого: был бы двойной грех; а теперь, при свободе, мы хоть и грешим, но сознаём свои грехи, а иногда боремся против них, даже и побеждаем их с Божией помощью - к этому мы способны и свободны. И в нас вложено хоть желание не грешить (Рим. 7, 15—20), и это остаток свободы. А без свободы - нет и добродетели.

И Богу угодны лишь те, которые добровольно творят добро, а не бессознательно, как животные. Да и то ещё нужно сказать: то добро угодно Богу, которое сделано во имя Господа Иисуса Христа - так говорит преподобный Серафим Саровский; или во славу Божию - так часто говорил Сам Христос, что Он всё творит во славу Отца: "Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя... Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить" (Ин. 17, 1, 4 и далее). И Сам Христос говорил: "Будете просить во имя Мое" (Ин. 15, 16; 16, 23, 26). Это известно и нам по опыту нашему.

На этом и кончим этот вопрос: почему Господь сотворил нас свободными людьми, а не неразумными тварями... Да и в тех есть задатки свободы, и они повинуются нам и друг другу... А что будет после восстановления? (См. Рим. 8, 19—23.)

А иной раз даже думаешь: и животные бывают иногда лучше людей - добрее, ласковее, послушнее, терпеливее, смиреннее... Это всё мы знаем. А всё же человек создан свободным... И даже безгрешным.

А потом он злоупотребил свободой своею. Пал - непослушанием... И даже не покался, а начал оправдываться, ссылаясь на Еву, "которую Ты мне дал, она дала мне от древа, и я ел" (Быт. 3, 12). Ева же сказала: "Змей обольстил меня, и я ела" (Быт. 3, 13). И на

это они имели свободу: покаяться или оправдываться; они избрали второе. Но так было нужно допустить человека: чтобы он не думает высоко о себе... За это Господь изгнал прародителей, лишил их благодати Духа Святого и предоставил им жить своею волею, своей свободой, но - уже без той Божией силы, которую Он им давал и которая теперь стала уже им тяжка.

И им казалось легче жить без Бога, но по своей "свободной" воле. Но в сущности, эта "свобода" была уже мнимая: они попали в рабство к искусителю - диаволу, послушавшись его совета против Бога. "Всякий, делающий грех, есть раб греха", - сказал Сам Господь (Ин. 8, 34). Грех стал господствовать в мире. А злой господин, диавол, стал "князем" мира сего (Ин. 12, 31; 14, 30). И апостол Павел говорит: "Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских" (Еф. 6, II).

Освободить от этого рабства и пришёл Господь Иисус Христос, Сын Божий, верой в Которого и Духом Святым и освобождаются грешники. (Ин. 8, 36; 2 Кор. 3, 17). Это - истинная, духовная свобода! Её достигают вполне лишь святые. А мы, грешные, еще не свободны... В этом - разрешение вопроса: есть ли свобода воли в человеке...

Теперь обратимся к вопросу: насколько мы греховны?

Возьмём пример из нашей собственной жизни. От православных мы нередко слышим: "грешный я" или "я - великая грешница"... Таково наше собственное сознание.

И в богослужениях наших постоянно слышим о грехах.

Например: возьмём утренние и вечерние молитвы. Будучи в Англии, я заинтересовался этим вопросом и их общими стихами, песнями и вообще молитвами. И легко заметил, что англичане и т. н. епископалы в Америке больше благодарят и славословят Господа, особенно за посольство Сына Своего на спасение людей.

И мы, православные, тоже благодарим, и это особенно проявляется в литургии, которая есть благодарственная и хвалебная служба Господу ("Милость мира, жертва хваления"), но в то же время и искупительная Жертва Сына Божия за наши грехи ("Предаяшеся, паче же Сам Себе предаеше за мирской живот" - во второй молитве на евхаристическом каноне). И всякую службу начинаем славословием ("Благословен Бог наш", "Благословенно Царство", "Слава Святей" и т.д.), но сколько раз поминается о грехах, "согрешениях", "прегрешениях" и прочем!

А в ектений "Исполним" - просим: "прощения и оставления грехов и прегрешений", "прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати", "доброго ответа на страшнем судищи Христова" и т.д. и т.д.

На повечерии молимся с поклонами при чтении канона св. Андрея Критского "Помощник и Покровитель", "Откуда начну плакати окаянных моих деяний", с припевами: "Помилуй мя, Боже, помилуй мя". Дальше: "Пресвятая Владычице, моли Бога о нас грешных", "Вся Небесныя силы святых и Архангел, молитесь о нас грешных", "Св. Иоанне Пророче и Предтече... моли о нас грешных", "Святити славнии апостоли...", "Преподобнии и богоноснии... молитесь о нас грешных", "Непобедимая... сила Креста, не остави нас грешных", "Боже, очисти нас грешных..."

Но если мы обратимся к утренним и вечерним нашим молитвам, то увидим почти сплошное моление о грехах и против искушений врага. Вот в этих молениях я и увидел громадную разницу между англиканами и нами, православными! И только в заключительных возгласах у нас - славословие Бога Отца, Сына и Святого Духа: "Яко Твое есть Царство, сила и слава", "Яко препрославлен еси", "яко свят еси", "и Тебе славу воссылаем", "яко благословен еси", "яко человеколюбец" и т.д.

А уж какими словами мы не осуждаем себя: и "грешный", и "недостойный", и "окаянный" (см. 8-ю вечернюю молитву), и "лукавый", и "страстный", и "нечистый".

Обратимся к молитвам пред Причащением. Там мы читаем: "всего себя повинув греху", и сравниваем себя с блудницей, разбойником, мытарем, блудным, с гонителем Савлом, и называем себя "треокаянным". Против последнего слова - припоминаю ещё в годы студенчества - "восставал" даже некий протоиерей, профессор духовной академии; между тем эту (6-ю) молитву составил такой великий святой, как Симеон Новый Богослов!

Любимая молитва на устах доброго молитвенника (монаха; а есть такие и миряне, семейные, даже крещёные из евреев), как известно, есть молитва Иисусова: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного". И один католический ксендз, разъезжавший по России, говорил: "У православных толикой слышно в храмах: "Господи помилуй! Господи помилуй!" О, он ещё мало понимал!

Припомню один пример из жизни святого подвижника. Его чтили люди. И был у него послушник. Прожил он несколько лет со старцем. Потом ушёл от него и стал поносить его. Почитатели говорили об этом угоднику. Он им отвечает: "О! он ещё не всё обо мне знает! Если бы он это узнают, то мог бы сказать гораздо больше!" Через несколько лет послушник воротился с раскаянием. Старец без всяких "упрёков" (ср. Иак. 1, 5) принял его. И когда тот повинился, он сказал ему: "А я за это время даже не подумал о тебе худо!"

И сколько подобных примеров рассказывают в житиях святых! Покаяние - это стихия православия!

И ещё скажу про будничные службы каждого понедельника и вторника, по Октоиху: первый канон Господу - всегда покаянный. Возьму для примера из первого гласа: "Грехов моих множество", "приими мя ныне покаянием к щедротам Твоим припадающего", "очисти, Едине Блаже, очисти и спаси мя", "множеством грехов влекийся и преклоняемь семь тяготою прегрешений, и суда безмернаго исполняясь", "кому тя, душе моя окаянная, уподоблю, делающую лютая и не творящую добрых", "впадох в тление страстей и боюся Твоего праведного судища", "безвестная и тайная сердца моего Ты веси", "блудяща мя на путях погибели и в ров согрешений впадающа мя, обрати, Христе". При постриге в монашество поют седален второй кафисмы: "Объятия Отча отверсти ми потщися (поспеши): блудне иждив мое житие; на богатство неиждиваемое взирая щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее мое сердце не презри! Тебе бо, Господи, во умилении (сокрушении) зову: согреших Ти, спаси мя".

И это только малая часть того, что есть в Октоихе. А в Триоди постной - ещё больше. Каноны Божией Матери на повечериях (ежедневно) почти всегда покаянные.

Службы в праздники и святым, конечно, хвалебные, но и там просим мы (кроме двенадцатых праздников - за малыми исключениями) о прощении.. .

И можно без преувеличения сказать, что в будничные дни службы все почти - просительные, умиленные, покаянные. Значит, православный человек слезит душою о грехах своих... А иные подвижники даже лили частые слезы. Например, преподобный Ефрем Сирин молился: "Господи! остави ми волны благодати Твоея!" Он почти всегда плакал! И на образе его написано: "Ефрем грешный". Пойдём далее. Как бороться с грехами? Прежде всего нам надо увидеть свои грехи. Сначала это покажется кому-нибудь очень лёгким? Но не думаю... И вот простых два доказательства.

Как много мы видим людей, которые оправдывают себя... Разве один из ста сознается в вине своей! А может быть и меньше? А вот другой обратный пример: чем он выше, тем он больше грехов видит в себе. Значит, для видения своих грехов необходимо ещё стать на некоторую высоту. Почему же это?

Потому, что ещё нет ясного света в душе. Обычно употребляют такое сравнение: если через окно не проходит солнечный луч, то в комнате не видно пыли. Но стоит лишь блеснуть лучу, как вдруг мы увидим миллион пылинок в нём. Так и в душе: когда она ещё не просвещена, то нам не видно всей нашей греховности, даже мы кажемся себе "не хуже других", или - "как все", или даже почти "святыми". Но когда она освещена благодатию Божией - тогда она видит в себе бесчисленное множество прегрешений, так что можно впасть даже в уныние и малодушие! И в молитвах такие люди искренне могут говорить, сравнивая себя со скотами и даже ниже их. Вот, например, что говорится в каноне Иисусу Сладчайшему: "Преклонився, Иисусе, безсловесными сладьми, безсловесен явихся, и скотом воистинну, о Иисусе мой, страстно окаянный уподобихся, Спасе. Тем же, Иисусе, бессловесия мя избави" (песнь 8-я).

Или: "Христе Иисусе! никтоже согреша на земли от века, о Иисусе мой, якоже согреших аз окаянный и блудный" (песнь 7-я).

Или: "От Адама, Иисусе мой, согрешившия вся, прежде закона и в законе, Иисусе, и по законе окаянный и благодати, Иисусе мой, победих (превзошел) страстями окаянно" (песнь 9-я). Нам даже кажется это невозможным! Но писавшие, конечно, искренне писали... Вон о. Иоанн Кронштадтский постоянно писал о грехах своих. А однажды он перечислил 130 грехов! Это было так невероятно, что один слушатель даже пришёл ко мне после этой проповеди в храм, на квартиру мою, и спросил меня: "Откуда он набрал столько грехов?" Я взял книгу его и прочитал эти две страницы. Возможно, что и нам с вами это покажется невероятным, поэтому я перепису их здесь.

"Если покаянием хотим угодить Господу и спасти душу свою, достигнуть свободы от грехов и страстей, - мы должны каяться из глубины души, обстоятельно, всесторонне, твердо, охотно; потому что в глубине ее гнездятся и коренятся все грехи наши - самолюбие, плотоугодие, чревоугодие, объядение, лень, саможаление, гордость, самомнение, кичение, унижение других, зависть, неприязнь, ненависть, злоба, ехидство, похоть, блуд, нечистота, своенравие, самочиние, непослушание, неповиновение, грубость, дерзость, суровость, строптивость нрава, сомнение, неверие, маловерие, безразличность к вере, неблагодарность, корыстолюбие, жестокосердие, скупость, жадность, алчность, ябеда, лживость, лукавство, клевета, лжесвидетельство, божба, клятвопреступление, лицемерие, лицепрятие, мздоимство, придирчивость, притеснение, лихоимство, татьба, похищение, присвоение чужого, злоупотребление, потворство грехам и поблажка, поущение, суетное препровождение времени, игры, пустословие, празднословие, сквернословие, суетность, роскошь, мотовство, недоброжелательство, зложелательство, злорадство, злопамятство, холодность, нерадение, небрежность в молитве и других делах, неуважение к старости, неподчинение родителям и начальству, вероломство и неверность, непостоянство в добродетели, тщеславие, боязливость, уныние, малодушие, безнадежность и отчаяние, гнев, раздражение рукою или биеие по лицу и другим членам, страсть к чтению пустых или соблазнительных книг, нерадение к чтению Евангелия и вообще книг духовного, религиозного содержания, придумывание извинений своим грехам и самооправдывание вместо самоосуждения и самообличения, страстные лобзания или поцелуи, страстные осязания, ласкательство, опущения, недобросовестное исполнение служебных обязанностей, небрежность и торопливость, неисполнение (обязанности) присяги, казнокрадство, или похищение казенной собственности, поджигательство или подстрекательство на зло, убийство, истребление зачатого плода в утробе, отравление, призор очей и порча ближнего, проклятия на ближнего, ругательства, совращение в секты и расколы, распространение ложных и хульных мнений и учений, суеверие, стологадание, спиритизм или разговор с духами, гипнотизм, или усыпление и разговаривание с усыпленным человеком с целью выведать от него какую-либо тайну ("Правда о Боге, мире и человеке", с. 52—53).

И когда я прочитал ему эти две страницы, тот человек не мог уже возразить ничего! А ведь грехов можно набрать ещё больше! Через две страницы о. Иоанн снова пишет:

"Сколь велико и глубоко растление нашей природы грехом в бесчисленных его видах и направлениях! Это я сознаю и чувствую всякий день, всякий час. Каждую минуту, как ураган, он готов охватить и всколебать, возмутить душу внезапно при малейшем невнимании и поблажке своей чувственности, поколебать меня то гневом, раздражительностью, озлоблением на ближнего - особенно низкого и бедного, надоедающего ежедневным попрошайством, то блудными помыслами и похотями и льстивым воспоминанием и воображением сладости греха, то завистью в самых пустых и маловажных вещах, то лицепрятием и человекоугодием, то корыстолюбием, любовещностью житейскою, то тщеславием и суетностью, то непослушанием, упорством и ленью, то сонливостью и зевотою, то малодушием, гордостью, унынием и расслаблением души и тела; и всякими грехами усиливается оттолкнуть от Бога - Источника нашей жизни, света, мира и блаженства" (с. 56).

Ещё через две страницы он говорит: "А их (грехов) так много, много, что и перечесть трудно! Вспомни их, проси у Господа озарения сердечного, познания их, воздыхания, слез" (с. 59).

"Сердце наше - поле, заросшее сорною травой и не могущее произрастить пшеницы жизненной - плодов веры и добродетели. Надо непрестанно вырывать эту сорную, бесчисленную траву и очищать сердце постоянным вниманием к себе, самоиспытанием, самоосуждением, самоудручением, самобичеванием, слезами, упражнением во всякой добродетели, особенно в молитве усердной - день и ночь, чтением Священного Писания, пением псалмов, писаний святых отцов. Святые всю жизнь трудились над очищением сердца... Что же ты спишь, душа моя, и не очищаешь себя на всякий день? Воспрями, делай даже до конца!" (с. 63).

А на следующей странице, "при наступлении седмицы Страстей Христовых", о. Иоанн опять перечисляет грехи: "самолюбие, плотоугодие, сластолюбие" и прочее; даже прибавляет ещё: "рассеянность, роскошь, смех, лжеименный разум" и прочее (всего - 56).

"Глубоко скорблю, плачу и рыдаю об ужасной язве греха, растлевающей человечество, бедствующее неизмеримо, неописанно, многообразно, - о прелести греха, которою пленяется человечество и работает ему, и даже хвастает своею работою и утешается, как какую прибылью" (с. 140).

"Блазнение греха бывает столь велико, что самые простые вещи - например: глаза, лицо, нос, брови, всякое движение тела, походка, взгляд - блазнят человека грешного с нечистым расположением сердца, помыслов, влечений; всякое животное блазнит; святые иконы дома и в храме блазнят; крест животворящий, - все, все враг окутывает своим нечистым, смрадным туманом" (с. 145).

"О, если бы мы обращали внимания на последствия наших грехов или добрых наших дел! Как мы были бы тогда осторожны, бегая греха! И как были бы ревностны на добро; ибо мы ясно видели бы тогда, что всякий грех, вовремя не исторгнутый, навыком укрепившийся, пускает глубоко корни в сердце человека и иногда до смерти смущает, уязвляет и мучит его, пробуждаясь, так сказать, и оживая в нем при всяком случае, напоминающем сделанный (прежде) грех, таким образом оскверняя его мысль, чувство и совесть. Нужны тучи слез, чтобы отмыть застарелую грязь греха: так она прилипчива и едка!" (с. 594).

Казалось бы, при таком множестве грехов легко считать себя грешником. Но на деле - как мы хорошо знаем - далеко не все мы видим свои грехи. А что мы видим не все грехи наши - это постоянно можно наблюдать. Редко-редко встретишь человека, который бы сознавал свою греховность; чаще же приходится наблюдать, как люди, и причём - искренне, не видят своих грехов. И постоянно встречаешь таких людей, которые во всём оправдывают себя, а не осуждают и даже не сознают за собой ничего худого... Подумаешь, будто кругом - ангелы... И едва ли один-два из 100 человек самоосуждают себя. Даже иногда на исповеди не знают, что греховного можно сказать о себе духовнику? А иные даже позволяют сказать, что они не знают за собой грехов! Другие говорят: "Как и у всех!" А иногда грех и за грех не считают. Например, почти никто не считает за грех - осуждение, тогда как постоянно почти мы осуждаем других.

Припоминаю случай из прошлого: сознавая грех осуждения, мы (несколько человек) сговорились не осуждать других, хотя бы в течение 5 минут. И - увы! - не смогли. Между тем, св. Ефрем Сирийский говорит об этом грехе так. Поскольку душа важнее тела, то и грехи душевные опаснее и вреднее телесных. Однако, не знаю как (говорит он), люди думают обратное. И указывает он, например, на осуждение. Благодать Божия оставляет за одно это человека!

И собственно - совершенно справедливо. Ведь осуждение есть выражение нелюбви к нашему "ближнему", даже хуже - вид ненависти к нему. А Господь прямо сказал: "Потому узнают все, что вы - Мои ученики, если будете иметь любовь между собою" (Ин. 13, 35). Какие же после этого мы ученики Христовы?! Теперь мы спросим, что же нам делать, чтобы хоть увидеть свои грехи? Это освещается благодатью Христовою! А самому человеку, без благодати Божией, нельзя даже увидеть себя. Это - дар Божий! Поэтому тот же св. Ефрем научил нас в Великом посту молиться: "Ей, Господи! даруй ми зрети моя прегрешения!" "Даруй", следовательно - это дар Божий... И вслед за тем читается и вторая половина прошения: "И (а) не осуждати брата моего"... Да! если думаешь о собственных грехах, и

думаешь с сокрушением, - то тебе уже не до грехов "брата"; наоборот - осуждением его ты увеличиваешь собственную греховность.

Хорошо хоть раз в год просмотришь свою душу, когда идёшь исповедоваться. А иные и этого не делают... И постепенно эта душа засыпает, застывает, каменеет, и нужно чем-то будить её...

А вон в монастырях хороших есть прекрасный обычай - "открывание помыслов" старцу, хотя бы он был и не иеромонах и не мог отпускать наших грехов. Иные послушники каждый день вечером открывают ему свои грехи. И таким образом постепенно научаются видеть себя; а потом из них вырабатываются и старцы. История "старчества" (например, в Оптиной пустыни Калужской епархии) показывает нам, что у о. Макария воспитался в старца иеросхимонах Амвросий, у о. Амвросия его келейник - о. Иосиф и т.д.

Но в миру это не практиковалось. Поэтому наш народ и стремился в монастыри. Эти старцы глубоко знали свою собственную душу, а потому хорошо разбирались в душах духовных чад своих.

Но у нас, мирских людей, этого опыта не было - ни в семье, ни в школах.

"И чему только нас в школах ни учили, - говорит о. Иоанн Кронштадтский, - одному лишь не учили: как бороться со грехом!"

Теперь становится перед нами вопрос: как же избавиться от грехов?

Прежде всего, прежде нас самих, Сам Господь этого желает: "Не хочу смерти грешника, - говорит Он через пророка, - но чтобы он обратился и был жив".

И после изгнания прародителей из рая, Господь дал человеку закон. Назначение его состояло не столько в том, чтобы люди поступали по заповедям его, сколько в том, чтобы они сознавали через него свою греховность и неспособность жить добродетельно. Он был "пестуном", или руководителем ко Христу, - как воспитатель ведёт ученика своего, чтобы он был достойным сыном отца своего. Или возьмём другое сравнение: закон был прокурором для еврейского народа, он указывал ему на грехи его и на неспособность его исправиться самому по себе, - для этого нужен был Мессия, Христос, Искупитель, Спаситель, верою в Которого и жил еврейский народ, ожидая Мессии.

Закон обвинял, но не оправдывал. Апостол Павел так говорит про свое, до-христианское состояние: "Не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Знаю, что не живет во мне... доброе, потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу... Бедный я человек!" (Рим. 7, 15, 18, 24). Были исключения - но мало. Что касается язычников, от которых даже грешные евреи отвращались, то они совершенно погрязли во грехах (см. Рим. 1, 22—32). Но и они имели два источника добра: "рассматривание творений" (Рим. 1, 20), что приводило их к вере в Бога, и - совесть (Рим. 2, 15). И тем не менее грешили: "все были под грехом" (Рим. 3, 9).

И это обвинительное назначение закона вело человечество к Искупителю Христу, "Которого Бог предложил в Жертву умилоствления в Крови Его чрез веру" (Рим. 3, 25). И Он Своими крестными страданиями искупил нас, грешных, пред Отцом Небесным. Но этого мало: вследствие этой Жертвы Сына Своего Бог Отец послал Духа Святого, отнятого от человека после грехопадения в раю. И теперь, с Духова дня, Он и спасает человечество. Без Христа же и без Духа Святого человек не может спастись! Не может даже пожелать добра! Не может даже увидеть грехов!

Благодать же Святого Духа преподаётся в Церкви Христовой, особенно в таинствах: крещения, исповеди, причащения, елеосвящения. Вот Церковь потому и называется "банею возрождения и обновления Святым Духом" (Тит. 3, 5). Потому и святые отцы, в частности св. Симеон Новый Богослов, постоянно говорят о спасительной благодати. Потому и преподобный Серафим Саровский говорил, что сущность христианства заключается в "стяжании Духа Святого". Потому и молитвы наши начинаются с "Царю Небесный, Утешителю, Душе истины... прииди и вселися в ны", потому что без Него мы и помолиться, как должно, не можем: "Мы не знаем, о чем молиться, как должно, - говорит апостол Павел, - но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными" (Рим. 8, 26). И Церковь, во Святом Духе, есть наилучшая лечебница для грешного человечества.

Затем для борьбы со грехом нужна молитва. Нужна исповедь, по возможности - частая... Думаем даже, что полезно исповедоваться и без причащения, дабы возвратить благодать Святого Духа, утерянную нами через грехи. При борьбе с грехами нужно помнить заповедь отцов: бей змея в голову, т.е. пресекая грех в самом его начале - дальше будет труднее.

Относительно духовной борьбы есть немало и книг: Добротолюбие (особенно первые три тома), Лестница преподобного Иоанна, Слова св. аввы Дорофея, св. Симеона Нового Богослова (особенно первый выпуск). Но благодать Святого Духа учит христианина и без книг. Иногда помогают и скорби земные: они смиряют нас и побуждают искать помощи у Христа, нашего Ходатая, пред Богом: "Один Бог, Один и Посредник (Ходатай) между Богом и человеками, человек Христос Иисус" (1 Тим. 2, 5).

Полезны нам и обиды, особенно несправедливые; через них, как говорит св. Иоанн Златоуст, прощаются нам прежние грехи. И во всяком случае они обнаруживают скрытую в нас гордость. Нередко Господь попускает нам - особенно после осуждения - впасть в те же самые грехи, в коих осуждаем других. Через грехи мы теряем мир душевный, ибо отходим от Бога и впадаем в рабство к мучителю - диаволу.

Но Господь поставил нам особенное условие, - условие, при котором мы можем исходатайствовать "оставление" своих грехов, - это оставление нами долгов должникам нашим. На этом условии нам и следует особенно остановить свое внимание: так Господь сказал: "Якоже и мы оставляем должником нашим".

Почему же из всех путей к очищению от грехов Он указал именно этот?

На это прежде всего должно ответить так: Господь сказал это! - И потому верующему человеку нужно не спрашивать, а исполнять. Ведь и Сам Господь Иисус Христос не добавил никакого объяснения к сказанным Им словам. И этот ответ веры - самый лучший и верный! Но если мы хотим всё же помыслить о причине этих слов, то можно указать на следующее: "Бог есть Любовь", как говорит апостол Иоанн (1 Ин. 4, 16). И потому, если мы хотим получить от Него милость, должны быть достойными её, должны уподобляться Богу, - т.е. и сами должны оказывать любовь. Сами просим, должны и другим давать.

И наоборот: если мы сами жестоки, то как можем надеяться получить милость от Человеколюбца Бога? если сами горды, то как нам даст прощение смирившийся до крестной смерти Христос (Флп. 2, 8)? Это - невозможно!.. Но не только Бог не даст такой милости, но если бы Он и дал её грешнику и жестокосердному, она не будет ему полезна и спасительна. Наоборот, поощрит его к худшему. Почему? Тогда он может подумать, что получит милость, сам оставаясь жестоким. Бог ли будет причиной большего зла? Немыслимо это и подумать! Вот по всему этому необходимо, чтобы грешники сначала сами проявили любовь и смирение к виновному перед ними.

Поэтому перед Великим постом в "Прощеное воскресенье" Церковь установила благочестивый обряд всем христианам просить прощения у священника, а потом и друг у друга... Потом этот добрый обычай переносили в семью и кланялись своим родителям в ноги. А в древнее время в нашей Руси, перед чином церковного прощения, враги ехали к своим противникам и просили у них прощения.

Вот для этого и требовалось сломать свою гордость (если ты виноват), а это нелегко! А тот (если не он виноват) должен проявить любовь и охотно простить врага или обидчика. И лишь после этого уже - идти на исповедь и с надеждой ждать прощения от Господа. Тогда оно будет и благотворным и щедрым! Об этом Господь сказал притчу о жестоком заимодавце, который сам получил прощение огромного долга, а своему должнику, который должен был ему ничтожную сумму, не простил и даже повалил его на землю, стал душить и посадил в тюрьму. Под множеством долга разумеется множество грехов, а под малым долгом разумеется наша виновность перед человеком, ничтожная по сравнению с грехами пред Богом.

Для пояснения этой мысли обычно приводятся примеры из жизни. Один человек не хотел простить виноватого пред ним человека. Тогда духовник велел читать ему вслед за собой Молитву Господню. Когда они дошли до этого прощения, то духовник говорит: "И не

остави мне долги, как и я не оставляю должнику моему". И тут, наконец, тот понял: какой вред себе самому наносит он, не прощая вины брату своему. И примирился...

Ещё приводится другой случай. Это было в древнее время. Двоим грозило мучение за Христа. Ожидая смерти, один просят у другого прощения, но тот не хотел. И что же? Когда наступило время мучения, то первый скончался святым мучеником, другой же отрёкся от Христа.

Расскажу случай из собственной жизни. В праздник Святой Троицы Господь даровал мне горячую веру в Троичность Божества. Но после литургии я очень резко осудил своего брата-монаха. И вдруг у меня совершенно остыла вера в Пресвятую Троицу, и на душе получилась тоска. Я понял, что омертвление было следствием осуждения (хотя повидимому совершенно справедливого). Пошёл к брату и искренне попросил у него прощения. И немедленно горячая вера возвратилась.

Просить прощения, разумеется, нужно искренне, а не одними устами или, как говорит Господь: "Бог не оставит вам согрешений ваших, если вы не простите брату от всего сердца".

Но и то уже будет хорошо, если мы попросим прощения хотя устами. В мое настоятельство в одном монастыре за границей, иеромонах N. должен был служить литургию, а перед этим он провинился предо мною. Он пришёл. И произнёс покаяние. Духовник велел ему попросить прощения у меня. Но его слова показались мне неискренними, лишь на языке. И я об этом сказал ему, не ответивши даже обычными словами: "Бог простит!" Он ушёл опять к духовнику. Тот спросил его: просил ли он прощения хоть устами? - Да! - Поэтому служите!

Ещё пример. Два монаха имели вражду. Когда наступил пост, они по общему обычаю испросили взаимного прощения. Один из них, однако, пришёл ко мне и говорит, что у него не получилось мира в душе. "А вы-то сами винили в душе его?" - спросил я. "Да, так!" - ответил он. "А вы завините себя!" Тот исполнил это. И мир вошёл в душу его.

Но что делать, если у кого-нибудь не хватает сил попросит прощения у того, кого он считает виновным перед собой (а не себя самого). На это прежде всего нужно сказать словами Самого Господа: "Невозможное для человека - возможно Богу!" Решись попросить прощения, а уж прочее сделает Сам Господь. Поэтому не говори: это дело непосильное мне! Это - неправда: Бог поможет!

К одному человеку я написал совет: в таком случае исповедуйся хоть у духовника, сознавая свое бессилие... Но это лицо не захотело исполнить и данного совета, говорит: "Не могу..." И это уже - неправда! Сказать не трудно! И конечно, грех на нём остаётся.

Ещё несколько разных мыслей по поводу грехов. Жизнь нам показывает - и преподобный Иоанн Лествичник об этом говорит, - если ты кого-нибудь осудишь, то Господь допустит, что скоро ты сам спадёшь в тот же самый грех. Это делает Господь для того, чтобы смирить нас и научить не судить других.

Помню следующий простой пример. Сидим мы на лекции в академии. Профессор усердно читает её. Вдруг я вижу, что студент, сидящий впереди меня и за шаг-два до профессора, зазевался. Я осудил его в уме своём... Через 2—3 минуты я ловлю себя на той же зевоте.

Подобное этому бывает и с другими грехами. Недавно мне пришлось услышать радостное признание одного послушника монастыря: "Когда придёшь к брату и поклонись ему в ноги, прося прощения, то как хорошо бывает на сердце!"

А от одного старца дошло такое слово, записанное его духовною дочерью: "Люди не знают, какая сладость бывает от любви ко врагам!" И он испытал это на себе. У него был один-единственный улей. И тот украли у него. После выяснилось, кто сделал это. Старец простил его - и испытал указанную сладость.

Ещё обращаю я внимание своё на слово "наши" ("долги наши", как и "мы")... Это слово прилагается и к другим прошениям (Отче "наш", хлеб "наш")... Здесь мы употребляем его потому, что в грехах повинны мы все. "Един Свят - един Господь". "Никтоже благ, един Господь", - говорят Иисус Христос богатому юноше.

Но есть и другой смысл: в грехах наших повинны мы все друг перед другом. Как в океане бурные волны проходят тысячи километров и докатываются чуть заметным волнением до другого берега, так бывает и в нашей жизни: грех, сделанный одним человеком, не остаётся без влияния и на других. Недаром один писатель сказал крылатую фразу: все за всех виноваты! И поэтому нужно просить "оставить долги наши" не для себя одного, а и для всех "нас". Ведь и Господь Иисус Христос пострадал за весь мир.

Да и любовь наша должна распространяться на весь мир, на всю нашу общечеловеческую семью. И Богу угодна наша молитва не только и не столько за свои грехи, сколько и за других. Эта молитва от любви исходит и к той же любви приводит. Допустим, что кто-либо вас огорчил: постарайтесь поминать имя его в молитве. И вы увидите, что недружелюбие, а тем более - ненависть исчезнут у вас и явится сожаление к нему и даже, может быть, любовь!

Вот вам простой пример. Жила два брата столяра. Хозяйство было записано на старшего брата, но младший был способнее. И заказчики стали больше обращаться к меньшему. Это огорчало старшего. И он задумал разделить дело. Приходит он ко мне за советом. Я предложит ему две недели помолиться и поминать брата. Через этот срок старший брат пришел ко мне и сообщил своё решение: "Я решил переписать дело на брата: он способнее меня; пусть он и будет хозяином. А уж делиться не станем!" Так благоприятно разрешилось всё дело.

Я знаю, что на Афоне были специальные молитвенники (теперь уже переводятся), которые молились за весь мир, за всех, считая это своей обязанностью.

И батюшка о. Иоанн говорит про себя, что он на литургии молится за весь мир: ему дана благодать священства на это! И мы все должны бы поступать подобным же образом...

Теперь, в заключение, хочется поделиться мыслями и о пользе грехов. Странно читать об этом; но дальнейшее покажет правду. Известный богослов епископ Феофан, Затворник Вышенский, говорит: "Не дивись, когда человек грешит, а дивись, когда он перестает грешить, ибо хотя грех не природен нам (т.е. Бог не создал нашу природу греховной), но уже стал (благодаря наследственности и нашей свободе) прирожденным нам".

И действительно, не нужно дивиться греху, как чему-то ужасному и необратимому. До Христа ещё было страшно и безнадежно, а после Его пришествия - Он спасает нас. Ведь для того Он и пришёл на землю, как Сам сказал, для спасения нашего: "Я пришел не судить мир, но спасти мир" (Ин. 12, 47). И пришёл спасти именно грешников, а не праведников.

Так возвестил и ангел пастухам в рождественскую ночь: "Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь" (Лк. 2, 10-11). "Он спасет людей Своих от грехов их", - сказал ангел и Иосифу (Мф. 1, 21).

Потому и имя дано Ему: Иисус, что значит - "Спаситель" (Лк. II, 21).

И апостол Павел пишет: "Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками" (Рим. 5, 8).

Беда не в том, говорит святитель Иоанн Златоуст, что ты пал, а в том, что, павши, не встаешь.

И преподобный Пимен Великий говорит падшему: "Ты пал? Встань!" - "А если еще упаду?" - "Еще встань!" - "Так до коих же это пор?" - "До самой смерти!"

Точно то же самое говорят и другие святые отцы, наставляемые Духом Святым. Святой Иоанн Лествичник пишет: "Один приходит в монастырь - по любви к Богу, другой - ради грехов своих, а третий - ища покойной жизни. Но не знаем, кто из них опередит других".

И батюшка о. Иоанн также свидетельствует: грех не есть неприступная стена, и Господь пришел ради того, чтобы спасти грешников. И первый, кто вошел в рай, был разбойник: нам всем это чрезвычайно утешительно и одобрительно!

И сколько грешников сделалось святыми!

Только бы мы каялись и надеялись на Господа, Спасителя и Ходатаю нашего, Иисуса Христа. "Если говорим, что не имеем греха, - обманываем самих себя, и истины нет в нас.

Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды" (1 Ин. 1, 8—9).

Как же ещё грехи наши приносят пользу нам? На это мы ответим словами батюшки. "Если не познаешь опытно влияния на тебя злого духа, - говорит о. Иоанн, - то не познаешь и Господа Иисуса Христа и Святого Духа Утешителя". И сам батюшка говорил про себя, что он долгое время своего пастырства хотя и верил, что диавол существует, но он - враг - где-то там, далеко; но и Спаситель тоже. Когда же он узрел, как воинствует на него враг, - то он со всею силою прибежал к заступлению Христа Господа.

Затем ещё скажу и от себя. Я заметил, что в грехах человеку труднее поддаваться сомнению в вере, потому что для неверия или даже для сомнения нужна гордость, а человеку во грехе - не до гордости. Даже как бы стыдно становится, когда мысль дерзает на эти грехи. Может быть и обратное, т.е. грешное состояние души препятствует вере - это верно, но бывает и то, что я описал, т.е. стыд грешнику дерзает на неверие и сомнение.

Дальше грехи вообще смиряют человека. Это - общеизвестный факт. Особенно смиряется человек, когда чем-нибудь возгордится. Угодники Божий об этом говорят единогласно. И чтобы смирить эту безумную гордыню, Господь и попускает человеку впадать в грехи, оставляя его своею благодатию. Всякому падению, говорится в Ветхом Завете, предшествует гордость. А когда смирит тебя Господь грехом - уже не до гордости!

Если же принять во внимание, что в основе греха действует начальник его, "лжец и отец лжи" (Ин. 8, 44) диавол, тогда понятно будет, что на тебя найдет томление, тоска, и ты поневоле побежишь к Господу Иисусу Христу и к благодати Святого Духа.

И потому можно даже сказать, что чрез это увеличивается вера. Опыт подтверждает и это. Расскажу интересный случай.

По пути мы как-то догнали 70-летнюю старушку, которая уже прошла вёрст 30-35. Мы её посадили и довезли до заключительной тюрьмы. Она несла туда своей дочери какой-то дар. Спрашиваем: за что же посадили её? Старушка, вопреки частому обычаю оправдывать себя и своих, решительно и сразу ответила: "Заработала!" - т.е. заслужила. "Чем же?" - продолжаем мы. "Огрызалась", - ответила она. Значит, дочь от гордости позволила себе какую-то грубость, и за это теперь должна страдать, терпеть... Не знаем, как себя чувствует она, но мать её поневоле исповедала её вину и считает наказание справедливым - значит, смиряется... Да ещё вот должна пешком идти десятки верст! И такое прямое сознание вины дочери вызвало к ней уважение и любовь; она точно и нас присоединила к своему горю... И даже саму дочь стало тоже жалко... Помогите, Господи, ей исправиться! Вина искупается сознанием матери.

Что же бывает с нашей душой, когда Господь "оставит нам долги наша"?

Это мы знаем по собственной исповеди: снова возвращается в нас мир духовный, как будто вновь народился человек, искушение, которое было до сих пор, становится бездейственным, тебя уже совсем не соблазняет то, что соблазняло доселе; и вновь появляется сила против греха; враг точно исчезает - до нового повода нашего. Недаром мы говорим, что исповедь есть второе крещение: воистину так! Но что же можно сказать, если человек опять впадает в тот же грех? или в иной какой? Опять вставай! Опять борись! Опять кайся! Опять проси: "И остави нам долги наша!" Ведь, собственно, вся наша жизнь проходит в непрерывной борьбе за благодать!

И если уж Сам Господь благоволил внести в Свою молитву прошение о "долгах", значит, они занимают значительное место в нашей жизни. И это так и есть.

Только бы не унывать и не падать духом. А бороться и бороться! Непрестанно бороться! И молиться! И таким образом воочию совершается чудо Божие! Чудо очищения! Чудо - возобновление чистоты и святости души! И это бывает никак не от какого-либо самовнушения нашего, а - независимо от нашей воли и мыслей... Да и какое тут может быть самовнушение ещё в детском возрасте, в 7-10 лет?! Но и в более сознательном человеке происходит явно чудо прощения: это знаем мы, все исповедники. Правда, приступая к исповеди, мы заранее верим в тайну исповеди, но не думаем об этом, мучимся лишь своими

грехами. И вдруг - о милость Божия! После искреннего откровения грехов чувствуем ясно, как бы осязательно, покой души! И опытные люди часто исповедуются.

Один игумен исповедовался каждую неделю перед литургией. "В чём вы каетесь? какие у вас грехи?" - спросил его некий архиерей. Он же ответил так: "Вот заприте наглухо эту комнату на неделю, и вы увидите через неделю на этом столе пыль". И в доказательство он провел по столу пальцем. И осталась чистая полоска. А кругом неё вырисовалась пыль. Так и грехи!

К этому нужно прибавить ещё: есть духовная пыль, дьявольская нечистота, она ещё мельче и незаметнее, но - мучительнее. Вот против неё и нужна исповедь: благодать Духа Святого прогонит эту злую пыль. И припоминаешь: с какою радостью, бывало, несёшься домой после исповеди! А мать встречает нас тоже с радостью, и скорее просит ложиться спать, "чтобы чем не согрешить". И как хорошо чувствовалось!

Да! здесь не самовнушение, а чудо милости Божией!

Конечно, прощение грехов бывает и после молитвы. Если Господь в Своей молитве говорит о молитве к Отцу ("и остави нам долги"), не говоря об исповеди, то, значит, и молитва даёт благодать прощения. Но исповедь всегда действует сильнее.

Зато молитва может быть в нашем распоряжении всегда, постоянно, а исповедь не всегда. И тогда становится более понятным, что добрые иноки приучаются к непрестанной молитве Иисусовой: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!"

Её "делают", исполняют даже и миряне. Расскажу факт.

В трамвае я заметил, как одна знакомая женщина "творила" беззвучно эту молитву. Разговорились. Я спросил её: "Почему это вы делаете?" Она сказала: "Враг всегда нападает: этим и отгоняешь".

Так и говорит преподобный Иоанн Лествичник: "Именем Иисусовым бей супостатов!"

Да поможет Отец Небесный, за заслуги Своего Сына, спасти нас от грехов - благодатию Святого Духа и молитвами ко Господу, с покаянным настроением, и непременно - прощая должникам нашим от всего сердца. Аминь.

Прибавление. Утешение кающемуся (из преп. Ефрема Сирина)

Оставь мне, Владыко, долги мои, как и я оставляю брату моему, исполнив заповедь Твою; хотя и немощен, однако ж остави (ср. Мф. 5, 23—24).

И Человеколюбец скажет в ответ: "Если ты оставил, оставлю и Я, если простил, прощаю и я твои долги, потому что имею власть отпущать на земле грехи..."

Слышали Вы краткий способ ко спасению душ наших.

Не будь жесток сам к себе, а припади к Богу с покаянием.

Покаяние - неущербляющий (не уменьшающий) Божий мешец, потому что (он) человеческие души спасает от гибели.

Покаяние жнёт, чего не сеяло... Имеешь ты веру? Дай лихву (прибыль) веры - покаяние... Враг побуждает сделать беззаконие, а покаяние советует обратиться. Один нудит к отчаянию, а другой обещает надежду спасения!

Дьявол не даёт нечестивым одуматься, представляя им суровость покаяния... А покаяние, видя хитрость его, подходит с ласкою и говорит: "Приведите только себе на память Бога, и я потружусь за вас. Представьте себе во уме Его милосердие, и я буду ходатайствовать за вас с воздыханием. Слегка только вздохните, грешники, в покаянии, и сделаю вас Божиими слугами. И пророк Исаия сказал: "Егда возвратився воздохнеши, тогда спасеши" (Ис. 30, 15).

"Вот, - говорит покаяние, - привожу тебе и свидетельство, только покайся".

Если бы не было покаяния, давно бы погиб род человеческий! Если бы не оно вскоре простёрло руку защиты, не стоял бы до ныне мир.

Не должно, братие, отчаяваться о спасении, имея матерь покаяние... Уловленных зверем (дьяволом) вводило оно в рай к Богу - ужели отвратится от нас? Помиловало их, бывших вне Церкви - ужели не умилосердится к нам?

Как же Богу и Отцу уступить обладание теми, которых стяжал Кровию Сына Своего?.. Или нимало не почтит слёзы Воскресения Его, так чтобы легко отвратиться от нас, спасенных сими таинствами (Кровию Сына)? Он послал Духа Святого и освятил Церковь. Он послал апостолов благовествовать язычникам! Если не хочет, чтобы спаслись мы, то напрасно употреблял столько средств - или не знал нашего положения? Или посмеялся над язычниками? Но не позволительно помыслить то или другое...

Мы - стадо Его, и Он - наш Пастырь и ныне, как и в раю. Он дал покаяние, как очистительную воду. Если о чём прегрешим - им (покаянием) омываемся... Омывшись покаянием, делаемся чистыми.

Покаяние есть жертвенник Божий, потому что согрешающие при посредстве его умилоостивляют Бога.

О, как высоко покаяние! Сколько в нём чудесного! Оно - одно, и всё может. Какая благодать Евангелия! Ею исправлен весь закон.

И закон, и Евангелие три дня объявляют грешникам на покаяние. Почему же это? Потому что отпущение грехов, по чрезвычайной благодати, подаёт благодать Троицы... Через три дня (во гробе Христовом) уничтожена смерть; через три дня даётся отпущение, потому что через три дня совершалось и Воскресение... Три дня проповедовал Иона и ни одной ночи не употребил на проповедь...

Такова благодать покаяния!.. О, как велика радость покаяния!

Покаяние сретило ангелов гнева и возмогло их преодолеть, чтобы (они) не наводили пагубы... Ангелы мстители, видя его (покаяние), пришли в изумление, а покаяние сказало им: "Под защиту свою беру преступников закона; ручаюсь за род человеческий; даю Владыке обеспечение (залог) за людей. Для чего пришли вы теперь переменять мои условия? Имею определённый срок! У меня заключён с Богом срок договора, когда представить Ему не обратившихся. Для чего пришли вы противиться правам моим? Могу призвать на вас суд! У меня доказательства, по которым могу получить отсрочку для представления человечества Богу!"

Итак, отводит оно ангелов к Богу, начинает ходатайствовать за человечество и в защиту говорит: "Знаешь, Владыко, созданного Тобою человека, знаешь, что сотворён он из персти, что естество его слабо, что крепость его удобосокрушима... Если не поест только день, в опасности его жизнь. Зимой цепенеет, летом опалается от зноя, вечером не видит... Если походит, изнемогает, если останется в бездействии, кружится у него голова... И Ты, Владыко, хочешь, чтобы такая немощь скоро восторжествовала над грехом?! Стоять против козней он не готов; к отражению того, что тревожит его, скуден умом; против злоумышляющих - немощен душою; заботлив в попечении о теле... И Ты, Владыко, хочешь, чтобы такое естество скоро восторжествовало над грехом?!"

Что же, о Владыко, в силах оно соделать против диавола?.. И что же такое человек против его стремлений?.. Велика сила у змия, обольщение его глубоко; грех, по его приятности, распростёрся широко; страсти, посредством внушения, делаются близкими к телу... Что ж в состоянии сделать сей жалкий против такого множества противников?

Помилуй, Владыко: пощади создание Твоё, умилосерди к брению... удержи угрозу.. отложи смертный приговор для (ради) меня - покаяния.

Расшири пределы щедрот Своих... И благодать Свою распространи на долгие времена. Я - ходатаица за человечество - беру его на свою ответственность".

Шестое прошение: "И не введи нас во искушение"

После пятого прошения о грехах мы дошли до искушения к ним. Ведь всякий грех начинается с искушения. В предыдущем прошении мы просим прощения в совершённых уже грехах, а теперь Господь учит нас тому, как избежать [их, как сделать так], чтобы мы их лучше бы и не творили. Вот для того Он и наставляет нас, чтобы избавить от повода к ним. Искушение может приходиться и не от нас. Что обычно разумеется под этим словом? Всё то, что может соблазнить нас, привлечь, подтолкнуть ко греху, к совершению его. Таковыми причинами могут быть тысячи поводов. Но все они подведены у апостола Иоанна Богослова

под одно слово: "мир". "Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей" (или к Отцу), - говорит он (1 Ин. 2, 15). Что же? Неужели Богом созданный мир служит к нашему соблазну? Если бы это было так, тогда мы могли бы винить Самого Господа. - Это никак невозможно! "В искушении никто не говори: Бог меня искушает! Потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого", - пишет апостол Иаков (Иак. 1, 13).

Почему же "мир" искушает нас? - Потому что теперь "весь" мир во зле лежит", - говорит апостол Иоанн (1 Ин. 5, 19). Что это значит? Мир создан благим; но вследствие грехопадения первых людей и они, и даже физический мир впали во зло; настоящее состояние мира - есть падшее, ненормальное. Дело Спасителя в том и состоит, чтобы восстановить весь мир в то идеальное состояние, каким он был создан по намерению Божию. "Нынешние временные страдания, - говорит апостол Павел, - ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас; ибо тварь (мир) с надеждою ожидает откровения сынов Божиих... и сама освобождена будет от рабства тлению в свободу славы чад Божиих... И мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего" (Рим. 8, 18—23).

Но этого мы лишь "ожидаем" (2 Пет. 3, 13). Теперь же мир ещё лежит "во зле"; не сам мир зло, а он только - "лежит во зле", подобно тому, как "вымытая свинья (снова) валяется в грязи" (2 Пет. 2, 22). Свинья - не грязь, и мир - не зло, - но пребывает во зле пока. "Впрочем, мы, по обетованию Его (Христа Спасителя), ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда" (2 Пет. 3, 13).

Теперь же "всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего" (1 Ин. 2, 16). Это уже нам понятнее, так как мысль переводится в падшего человека, о котором мы знаем по своему опыту и по всей истории мира. Иначе, говорят отцы, в человеке господствуют три главных страсти (если поставить их в параллель со словами апостола Иоанна Богослова): сластолюбие, славолюбие и самолюбие... Это - ещё понятнее! Человек заражен страстями, пребывает в падшем состоянии. Если же к этому мы прибавим падший мир духовных существ - дьявола, бесов, - то картина будет полная: падший мир физический, падшее человечество и падшие духи - всё это обнимается одним словом "мир", в противоположность Богу и Небесному Его Царству с ангелами.

Отсюда, между прочим, должно сделать такой вывод: никогда нельзя удивляться несовершенствам этого мира, потому что он падший. И нельзя даже мечтать, чтобы хоть когда-нибудь где-нибудь на земле водворился идеальный мир: прекрасный, блаженный, любящий, святой, или, одним словом - "рай на земле", как иные говорят. И это совершенно очевидно: вот сколько времени существует человечество, оно знает, что история его полна скорбями; в мире физическом - голод, болезни, смерть; в истории человечества - бедность, взаимная борьба, разделение, войны, и - невидимый мир злых духов, искушающий нас постоянно.

И сколько бы человечество ни строило планов о "рае на земле", и как бы оно ни было уверено, и как бы ни уверяло других, что "наконец-то" найден путь к полному счастью всех людей на земле и что счастье уже начато - всё это человеческие мечты! Так был и так будет до конца этого мира! И если даже допустить, что кто-нибудь возмечтает о начале "счастливого века", то что скажут неверующие на вопрос: а что же умершие раньше нас? они не сподобились дожить до блаженного исторического мира и счастья? чем они виноваты? Да и "дождавшиеся" (допустим) люди найдут ли себе счастья?.. Ведь все умрём!.. Стоит ли заботиться о "земном нашем доме", об "этой хижине", которая несомненно (для меня и для других) "разрушится" смертью? (2 Кор. 1, 1). Нужно ли любить? жить чисто? "Станем есть и пить: ибо завтра умрем" (1 Кор. 15, 32).

Приведу случай из моей жизни. Пришлось мне однажды заехать в Берлин. На литургии я говорил проповедь. Профессор государственного права Московского университета, выслушав её, после сказал мне: "Из Вашей проповеди я вынес такое впечатление, что идеального состояния никогда в этом мире и не будет. Верно я понял?" - "Да!" - "А мы-то в университете только тем и занимались, что придумывали наилучшее устройство государства!" - "А Христос Спаситель учил, - сказал я ему, - что "Царствие

Божие внутри вас есть" (Лк. 17, 21) и "Царство Мое не от мира сего" (Ин. 16, 36), но учёные никогда не думают о Евангелии, даже не думают и верующие профессора, что Он есть Сын Божий. Ведь правда?" - "Да! это - так", - с виноватой улыбкой отвечал профессор - сам он был верующий.

Итак, этот падший мир никогда не будет идеальным, впредь до его обновления. И потому в нём и от него всегда будут те или иные искушения и скорби. Но эти искушения теперь, после пришествия Христа и ниспослания Святого Духа, для нас не безусловно вредны, как это было прежде, до Христа, а могут даже быть направлены ко благу.

Об этом я должен сделать одно разъяснение. В грехе опытные отцы различают несколько моментов, но мы не будем рассматривать все их, а остановимся только на двух: на самом грехе и искушении к нему.

Собственно, самый грех начинается с того момента, когда человек станет соглашаться с искушением, а до этого он совершенно пребывает невиновным. Между тем, мы нередко само появление мыслей - или, как обыкновенно говорится, помыслов - склонны уже считать за грех.

Например: какие-либо хульные помыслы на веру, или блудные мысли при взгляде на женщину, или пожелание (в уме) сделать что-нибудь иное дурное и т.п. ещё не есть грех, ибо нашего соизволения не дано. Да и самое слово "искушение" говорит нам о том, что перед нами стоит только соблазн, повод - именно искушение, но греха мы ещё не сделали. И потому нам не должно пугаться этого соблазна: он ещё - вне нас, а не в нас.

Вот иное дело, если мы начнем обдумывать этот соблазн: как бы осуществить нам его? Это значит, что мы в сердце уже согласились с ним. Тогда начинается уже в нас самый грех, хотя в зачаточной ещё степени, и мы ещё вольны прервать его; тогда мы уже "входим" в грех. Но можем и не войти в него. В этом отношении интересен и поучителен для нас случай с Каином. Он позавидовал брату Авелю, "и поникло лице его" (Быт. 4, 5). И он задумал убить брата. Вот перед ним стало искушение, соблазн. Но он был ещё волен и не делать его. Тогда на помощь является Каину Сам Господь и безгневно, а только предупредительно вопрошает его: почему ты огорчился" и отчего поникло лице твое? Если ты делаешь доброе, то не поднимаешь ли (тогда) лица вверх, с сознанием правоты своей? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит: он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним (Быт. 6, 7).

В этом описании можно отметить следующие моменты. Явилась мысль - искушение об убийстве брата. Но она ещё не грех. Идёт борьба в Каине. Тотчас же совесть предупредительно начинает беспокоить, мучить человека: "лицо поникло", стало невесело, искушение влечёт, а совесть мучит. Приходит так или иначе помощь Божия: то Господь пошлёт какого-нибудь человека на пути ко греху, то взгляд упадёт на икону, то духовник окажется здесь. И ещё есть возможность не согрешить: грех уже "лежит у дверей" - но ещё не вошёл в дом души твоей. Все эти предупредительные меры хотят остановить лежащий перед тобою грех - искушение. Но ты, говорит нам Господь, не подчиняйся ему, а наоборот - победи его, "господствуй над ним". Значит и тут ещё ты свободен для этого "господства" - так нам Сам Господь говорит!

Вот тут предстоит выбор для человека: сделаться ли рабом греха или "возгосподствовать над ним". Свобода за человеком ещё остаётся, но если он пойдёт навстречу искушению, тогда ему уже не удержаться, потому что он своим согласием впустил грех, доселе лишь лежавший у дверей, т.е. ещё вне своего согласия, - впустил в самый дом души своей. И Господь тогда отступает от грешника, допуская ему делать избранное: человек существо свободное, и эта свобода - дорога Богу, лишь ею ценна для Него добродетель наша. И пусть согрешит человек, но оставит у себя свободу, чем не грешил бы (так сказать), но уничтожил свою свободу.

Теперь возвратимся к вопросу о неменяемости помыслов. Итак, до окончательного нашего выбора - они только искушают ко греху, но не являются грехом. Поэтому неправильно поступают те, которые считают их за грех. Чтобы это стало понятнее, приведу примеры.

Одна женщина после хорошей исповеди стала подходить уже к причастию. И вдруг у неё явились хульные помыслы. Она страшно испугалась и готова была отказаться от причащения.

Другая - прежде исповеди обдумала все грехи свои. Но на самой исповеди забыла один какой-то грех. Вспомнив потом о нём перед причащением, она в смущении не знала: что ей делать? идти ли снова доисповедаться? или отказаться от причащения?

В монастыре жил один послушник. На него напали помыслы неверия. Видя лицо его расстроенным, игумен спросил его: почему это? и вообще как он себя чувствует? Послушник, опасаясь, что его за такое неверие выгонят из монастыря, как негодного, скрыл свое искушение и ответил, что он чувствует себя хорошо. Так было и второй раз. И много времени провёл он в таком мучительном состоянии. Наконец игумен велел ему открыть: что у него в душе? Послушник, упавши в ноги, всё рассказал отцу игумену со страхом. Тогда тот сказал ему: "Раскрой грудь своей одеждой!" - Он раскрыл. - "Стань против ветра!" - Он стал. - "Можешь ли ты запретить ветру прикасаться к твоему телу?" - "Нет!" - "Так и мы не можем запретить злему духу касаться нашей души!" И объяснив ему, как нужно правильно смотреть на помыслы, успокоил брата.

Ещё один послушник слышал, как его старец в соседней пещере говорил: "Не соизволяю! Не соизволяю!" Послушник попросил разъяснить ему: с кем он разговаривает? Старец сказал, что он так отвечает врагу на всеваемые им помыслы. И не считает их за грех, ибо они не ему принадлежат, а исходят от врага.

И зная это всё, опытные старцы дают следующие советы: никак не должно смущаться ими; не приписывать их себе, но искусителю; не бороться даже с ними, а просто пренебрегать ими. Сильные же подвижники, как о. Иоанн Сергиев, даже советуют (и, конечно, сами так поступают) со святым гневом презирать их и плевать, как на бесовские мысли. Поэтому глубокий смысл имеет обычай при отречении от дьявола (перед крещением) исполнять слова крещающего: "Дунь и плюнь на него!" Этим выражается презрение и решительный отказ от власти дьявола.

Мало того, чтобы не смущаться и презирать искусительные помыслы, но их можно и должно обратить ещё ко благу. Как? Когда найдут такие мысли, помолись спокойно Богу. Если и это не поможет, смиренно потерпи. Если и этого мало, поди открой помыслы отцу духовному или хоть брату. А прочее - предай в волю Божию. Опытные отцы объясняют, что подобные помыслы бывают попускаемы от Бога или за гордость, чтобы смирить человека, или по зависти врага, или для опытного на учения в борьбе духовной, или чтобы дать от своего опыта благой совет собрату, или чтобы человек не надеялся на себя, а уповал бы на Бога, или во славу Божию, дающему нам победу.

По тому или иному попущению Божию делается это, но только не следует нам страшиться подобных искушений, и не смущаться ими, не считая их грехом своим, а вражьиим наваждением.

К искушениям относятся и всякого рода трудные обстоятельства, в которые может впасть человек. Например: болезни, бедность, ещё более - богатство, войны, ссылка и т.п. Обыкновенно эти скорби считаются нами искушениями, соблазном, поводом к ропоту. И конечно, это отчасти так и бывает у нас. Но по существу, со спасительной точки зрения, далеко не так может быть на деле. Например, возьмём вопрос о бедности. Нигде - ни в Евангелии, ни в Посланиях - не сказано, что в бедности трудно спастись, тогда как про богатство, которое почти всеми почитается за счастье и от которого никто, решительно никто (кроме редчайших исключений: я их всё-таки видел в жизни!) не просит Господа избавить, - однако сказано Господом: "Как трудно богатому войти в Царство Божие" (Лк. 18,24-25).

Подобным образом нужно смотреть и на другие искушения скорбями: болезни, войны и прочее.

Даже можно сказать обратное: скорби, с точки зрения спасения, нам полезнее в веке сем. И не случайно Господь и Сам о Себе сказал, "что Ему долж но... много пострадать от старейшин, и первосвященников, и книжников и быть убиту" (Мф. 16, 21); и крест

заповедают всем своим последователям (Мф. 16, 24-26). А апостола Петра, который после исповедания Христа Сыном Божиим (Мф. 16, 16) стал противоречить Ему: "Будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!" - назвал "сатаной" - т.е. противником, соблазнителем, "потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое" (Мф. 16, 23). И в прощальной беседе, на Тайной вечере, Он предсказал апостолам неизбежные скорби: "Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы были от мира, то мир любил бы свое; а как мы - не от мира, но Я избрал (отделил) вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше" (Ин. 15, 18-20).

Потому и мы с вами носим на своей шее крест; потому на храмах высится крест; потому и все таинства совершаются крестным знамением, т.е. во имя креста Христова; потому мы и крестимся при молитвах. Все - крестом!

Почему же именно необходим крест и Господу и нам? Господу - потому, что через крест Христов мы "примирились" с Богом, как об этом говорит Писание (Мк. 3, 17; Ин. 1, 29, 36; 7, 39; 12, 27-33; 19, 28-30; Рим. 5, 10, 11; 6, 3; 1 Кор. 1, 18; 2 Кор. 5, 18, 19, Гал. 6, 14; Еф. 2, 16; Кол. 1, 20-22; 2, 14; Евр. 12, 2;), а для нас потому ещё, чтобы и нам пройти через крест страданий для усвоения заслуг Христовых (Мф. 16, 24; Мк. 8, 34; 10, 21; Рим. 3, 20) и получения прощения от Бога чрез крест Христов.

Но если крест скорбей так нам необходим; если "легкое страдание наше производит в приизбытке безмерную вечную славу" (2 Кор. 4, 17); "если внешний наш человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется" (2 Кор. 4, 16); если "страдающий плотию перестает грешить" (1 Пет. 4, 1); если мы особенно страдаем "несправедливо" (1 Петр. 2, 19); если апостол Павел пишет о себе "ныне радуюсь в страданиях моих" (Кол. 1, 24); если апостол Пётр пишет: "огненного (т.е. огнем) искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как (бы) приключения для вас странного" (1 Петр. 4, 12); "если злословят вас за имя Христово, то - говорит он, - вы даже блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас" (1 Пет. 4, 14); если вообще "страждущие по воле Божией да предадут Ему... души свои (т.е. положатся на волю Божию), делая добро" (1 Пет. 4, 19); если апостол Иаков учит нас: "с великою радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения", ибо они ведут к совершенству" (Иак. 1, 2, 4); если неискушенный - неискусен; и наконец, если Сам Господь был 40 дней искушаем диаволом (Мф. 4, 1-11) и врагами Своими (Мф. 16, 1; 22, 35), - то как же Он велит нам в Своей молитве просить избавить нас от искушений? как Он упрекает учеников в саду Гефсиманском, что они заснули и заповедует им, как в Молитве Господней, "бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение", ибо "дух бодр, плоть же немощна" (Мф. 26, 41)? как Он и Сам говорит: "Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя" (Лк. 22, 31-32)? Как все это согласовать?

На эти вопросы мы думаем ответить так. Есть искушения, влекущие нас ко злу, и есть скорби, содействующие нашему благу. Первые - ко злу - идут от диавола, мира и плоти, вводя нас в соблазн греха, а есть скорби, посылаемые нам Богом. Первых мы должны опасаться; вторые, например, страдания за имя Христово, с "радостью и веселием" принимать, ибо "велика награда наша на небесах" (Мф. 5, 12). Так же учит и апостол Пётр: так как "вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явлении славы Его возрадуетесь и восторжествуете" (1 Петр. 4, 13).

Не опустим из своего внимания и слов - "не введи". Обычно их понимают в смысле: "не попусти". И это - тоже правильно. Св. пророк Амос говорит: "Бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы"? (Ам. 3, 6).

А так как в мире всё совершается по воле Бога, по Его Промыслу, так как Ему всё подчиняется, и собственно поэтому Он является Господином всего, то лучше говорить: "не введи", а слово "не попусти" даёт некую власть и бесам, и злым людям, которые могут действовать, однако, когда лишь Бог соизволит на это, или - "даст" им право и власть, позволение. Пример такой власти Христа над бесами и свиньями был по исцелении

бесноватого. Бесы просили Его, "чтобы не повелел им идти в бездну", а "чтобы позволил им войти" в стадо свиное. "И бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло" (Лк. 8, 31-33). Это - один смысл. Но возможно предположить и другой. Иногда Господь изволит - или в наказание, или для исправления людей - Сам послать им какие-либо скорби: хотя бы болезни, войны и т.п. Здесь уже более уместно употребить слова: "вводить" в искушение, в испытание. Ибо Господь, в тех или иных случаях, повелел нам просить: "не введи" нас в эти искушения. Так молиться заповедовал Господь, думаем, потому, что это смиреннее для нас. Пусть и ко благу. Господи, хочешь научить нас искушениям скорбей, но мы, немощные, всё же просим: лучше "не введи"!

Но, конечно, вспоминаем и третье прошение: "Да будет воля Твоя!"

Так молился и Сам Искупитель Господь: хоть Он знал, что "на сей час - Он и пришел" (Ин. 12, 27), однако, как Человек, заколебался, не зная, "что сказать... Отче! избавь Меня от часа сего!" И тогда Сын Божий решился на страдания, ибо этим Он прославит имя Отца. И Бог Отец дал с неба глас: "И прославил и еще прослаблю" (Ин. 12, 28)".

Но вот наступил этот последний час; и в Нём, как в Человеке, снова вспыхнули мучения: "Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня!.. И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю" (Лк. 22, 42, 44). Таково было одно желание, по человеческому естеству. Но другое было совершенно иное: "Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет!" (Лк. 22, 42). А при воплощении Он же говорил: "Вот, иду!" - т.е. соглашался поступить по воле Отца: пострадать за мир. И как мы видим раньше, Христос соглашается на крест: "Когда вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе! Сие говорил Он, давая разуметь, какою смертью (т.е. распятием на кресте) Он умрет (Ин. 12, 32—33). И это второе прошение, или молитвенное согласие на страдания и смерть, - побороло первое желание немощного человеческого естества. "И услышан был за Свое благоговение" (Евр. 5, 7), за Свое послушание Отцу, т.е. принял крест, для которого был послан Отцом и для которого "и пришел", что бы спасти человечество.

Теперь остаётся решить один вопрос. Если нужно полагаться на волю Божию и если нужно просить: "Не введи нас во искушение", то как же такой великий молитвенник, как о. Иоанн, не раз молится: "Господи! не оставь меня без искушения!" - а другим даже пишет в своем дневнике "Моя жизнь во Христе": "Жажда искушений!"?

На это ответим: сильным духовно людям - это допустимо... Нам же, немощным, подобная молитва - не по силам. Нам, слабым, смиреннее молиться как указал Господь: "Не введи нас во искушение". Слава Богу, если мы смиренно переносим и те искушения, которые попускаются нам Богом! А просить себе их - не будет ли свидетельством нашей самоуверенности в своих силах? Не будет ли это гордостью? Даже скажу больше. Не будет ли прошение скорбей новым искушением нашего врага? Думаю, возможно это! И если Господь научил нас молиться "не введи нас во искушение", то нам следует быть Ему послушными, а не дерзать на большее!

Расскажу два-три различных случая. Один был ещё в древности. Вошедшая в церковь женщина подошла к иконе, пала на колени и горько плакала. Служба кончилась, люди ушли; только служитель кончал убирать храм, а она всё плакала. Он подошел к ней и спросил:

- Должно быть, у тебя большое горе?

- Да, очень большое!

- Что? умер ли кто у тебя?

- Нет!

- Болеет ли кто?

- Нет!

- Бедность?

- Вот то-то и дело, что ничего этого нет! За три года хоть бы курёнок околел! А сказано в Писании, что лишь многими скорбями можно войти в Царство Небесное (Деян. 14, 22). Знать, Господь забыл меня?!

И удивился служитель: какие ещё есть рабы Божий на свете!

Другой случай - почти современный. В Киевской Лавре был иеромонах Парфений, горячий молитвенник и ежедневный служитель Божественной литургии, духовник митрополита Филарета Киевского. Однажды он обратился с вопросами к владыке:

- Смущает меня мысль, что у меня нет скорбей!

- Ты сам, - отвечает ему митрополит, - столько скорбей наложил на себя, что и их довольно на тебя!

Кстати, припоминается случай про самого митрополита. Благодаря каким-то причинам он был в опале. И сильно скорбел об этом. В одно время появляется на стене рука, которая пишет: "Судьба Филарета - в руках Божиих!" И он успокоился. В наше время в тех же помещениях жил архиепископ Феофан и тоже много скорбел. Ему и рассказали это чудо, бывшее в той же комнате, в которой жил архиепископ. И он в этих словах Божиих нашёл себе мир.

При этом во всех скорбях нужно всегда помнить и слова апостола Павла: "Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но... так, чтобы вы могли бы перенести" (1 Кор. 10, 13). Большого он не позволит и врагу искусителю: бесы и в свиней вошли лишь с Его разрешения (Мф. 8, 31-32). Поэтому нам не нужно чрезмерно бояться искушений: они - не выше наших сил. Но и не нужно относиться к ним легкомысленно: нет, всегда нужно помнить слово Божие: "у дверей грех лежит" (Быт. 4, 7). Тем более, не нужно желать себе скорбей и искушений.

Вот третий случай, бывший приблизительно в 1911 году. На Кавказе жили пустычники и пустынницы. В женской обители была богоугодная игуменья М... Житие с сестрами было такое благодатное, что она не видела никакой скорби. И это одно смущало её. Однажды она шла по лесной тропинке. И ей явился Господь Иисус Христос с чашей в руках. Она поклонилась Ему в ноги и говорит: "Господи, спаси меня! Я не спасусь! Скорбей у меня никаких нет!" Он сказал ей: "Будут!" С той поры и начались беды для неё. Да и какие?! Её выгнали. Монастырь разогнали. А когда эти слова об отсутствии скорбей дошли до старцев, те заявили, что никогда не нужно просить скорбей, не накликают их на себя.

А иногда приходится задумываться, наоборот, над тем: почему иным людям даётся стишком много искушений? Недавно (26 декабря 1954 г.) я получил следующее прискорбное письмо от одной женщины. Вот что она пишет мне.

"Я - мать Александра (ребенка лет 3-х, с которым она была у меня с неделю назад, а ныне была с ним в соборе на литургии) и болящего младенца Сергия... Мы (т.е. она и отец) - в таком отчаянии за его болезни, что готовы бы сами в несколько раз больше проболеть, но лишь бы не ребенок... Много и очень много грехов я производила (пишу точно её слова; только она пишет без знаков препинания, и я их ставлю, где нужно, да прописные буквы, где следует, пишу. - М.В.) в своей жизни, о чём, конечно, в настоящее время сокрушаюсь, да ведь ещё каждую минуту прибавляются. Ребёнок Сергей родился в 1949 г., 20 ноября, рос до 3-х месяцев полный и как будто здоров. С 3-х месяцев у меня не было молока; и я его то оторву, то через несколько дней оно появится немного, то опять не бывает. И так он вырос на искусственном питании; молочное не кушал, а так кое-что. Месяцев с 10-ти у него была дизентерия - до 4-х лет. Всё время организм истощался - не кушал и не кушал. В храм Божий, Всех Святых, я всегда его старалась водить и причащать Святых Таин, что для него заметно стало очень дорого (т.е. полезно. - М.В.). Так же и дома со своим братишкой (3 года 5 месяцев) Александр очень часто восхваляет Всевышнего своими детскими размышлениями; поют и часто представляют - алтарь, вынос Евангелия, чаши и т.д. (это для нас так радостно; радостно, что я пишу Вам это). Ну, а дальше болел несколько раз воспалением лёгких, а бронхоаденит - всё время, ангины - бесконечные и ещё прочие детские заболевания... Когда ему было 6 месяцев, у него, по-моему, был испуг: к сонному подошла его крестная, и он её испугался, 1 месяц и 18 дней кричал, пока молитвами я не успокоила его. С 19 августа заболел так, что до настоящего дня болеет. Правда, уменьшились крики, но зато стал говорить безобразные слова и даже безобразия делает (простите, поднимает юбки) (а ему уже 5 лет! - М.В.) и говорит: вижу то и другое; как в храме стоит, говорит: вижу батюшку, а у него всё открыто; то мои ноги мертвецом пахнут ему; то вода не

хороший запах имеет; ещё стал смеяться неестественно. Ещё говорил: "Я тебя, мама, не люблю, зарублю и из дому вас всех выгоню!" Кто зайдёт в дом, он оборвёт слова его и выгоняет. А иногда - ничего.

Чтобы он был без сознания, этого нет. А вот последние дни происходит с ним: раздражителен, говорит всё как-то с криком... В течение предыдущей недели он несколько раз соскакивал ночью с постели и кричал: "Мама! ты не спишь?" В течение недели его рвало два... с большими криками и болями. Было с ним, что он вытягивался и глаза устремлял в одну точку. Мы крестом и молитвой его ограждали. Врачи в конечном итоге признали - капилляртоксикоз, т.е. капиллярные сосуды лопнули, и кровь блуждает под кожей и в желудке; и пошли пятна красные; и ноги опухали - не мог ходить... И шишки выскакивали на лбу и на спине, а через несколько времени или часов удалялись... Когда я вошла в храм Александра Невского - он был причастник - он там подбоченился и затанцевал. И это для нас новое было... Отдала его в больницу, в клинику.

Что я хочу?.. - Молитесь за нас! И дайте мне благословение: оставить ли его в больнице или забрать оттуда? Он и там гадости говорит. Врачи ссылаются ещё и на то, что уличные слова болтает, а у меня никогда не говорил ничего подобного. Всегда старались закрыть калитку и уйти неслышно. Плач в доме - без конца; и я так дошла до такого состояния, что кричу на мужа и на тетю; вся - в слезах".

Потом она пишет про брата Леонида, что он "был душевно болен, и бил нас всех, и воровал, и мать бил, и губу ей перекусил; мы в таком страхе находились всю жизнь, до 1942 г.; и я вся испуганная и забитая; дрожали не днями, а секундами... В 33-м году умер мой отец, Семён, а мне тогда было 16 лет... Я бросила свою учебу по бухгалтерии... Брат всё воровал, но ничем сам не пользоваться, а люди жаловались... Маму бил и душил: приставал: "Дай денег на папиросы". А у нас их не было...

Конечно, я не хочу думать, что разве я одна переносила такие скорби... Мне хочется упасть к Вашим ногам, и плакать, и плакать.

Мой муж, Александр, человек хороший и верующий; и он Вас просит, просит за нашу семью: Александра, Александру, младенца Александра, болящего младенца Сергия; один раз помолитесь за нас, и Господь даст - и меня укрепит, и детей укрепит в вере (это - главное для нас). Что мне делать, владыко?

Не испуг ли это у него? не младенческое ли? или, может, наследственность? что? Скажите мне: Господь вам поможет мне сказать.

Простите нас за такое длинное письмо моё к Вам... Только скажите мне: может, какое другое положение надо изменить Сергию? Ради Господа Иисуса Христа благословите меня. Какой конец я должна положить с Сережей? Как тяжело! сама вся больная. А ведь мне только 37 лет! Заранее Вас благодарю".

Какое, в самом деле, тяжелое положение... Даже плачется... И не знаю твёрдо: что же делать им несчастным?

Но об этом подумаю. Бог даст, после... А сейчас нужно сказать просящим Бога о скорбях: "Ой! остерегайтесь от этого! Видите, какие искушения бывают у людей! Да ещё и худшие бывают! Почитаешь Евангелие: бесноватые как мучились! Вон про одного пишется: "Он имел жилище в гробах (пещерах, где погребали умерших), и никто не мог его связать даже цепями, потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его; всегда, ночью и днём, в горах и гробах, кричал он и бился о камни" (Мк. 5, 3—5). У евангелиста Луки ещё дополняется: "одержим" был бесами "с давнего времени, и в одежду не одевавшийся". "И был гоним бесом в пустыни" (Лк. 8, 27, 29).

Какое страдание! Какое несчастье!.. И как мы осмеливаемся желать себе страданий и искушений? Не нужно, не нужно! Наоборот, будем благодарить Бога, что с нами нет этого!.. Вон родители ребен ка хотели бы "в отчаянии в несколько раз более проболеть", чем он... Так тяжко им!

Нет, нет, люди! Не просите себе искушений!.. Но что же им делать? Что сказать? Как помочь?.. Вот и думаешь... Слава Богу, что хоть сострадаешь им немного... Да что из того?!

Им - не легче!.. Я - бессилен... И не знаю, зачем Божий Промысел прислал мать (на прошлой неделе) ко мне? И ещё она придёт, по моему приглашению, во вторник. А что я скажу ей?! Бедная!

Молиться бы нужно, чтобы Господь Сам, по всемогуществу Своему, помог бы или... Польза хоть мне: больше страдаешь "братьям"... И ещё думаешь: какие бесы злые! Мучают несчастных людей! И тогда немного поймёшь: какой род человеческий несчастный! Весь мир - несчастный, бедный! Вся история его - войны, стихии природные, болезни, беды, бесы... Жалеть нам нужно друг друга. Семья ведь одна... И недаром сказал опять Господь: "Не введи нас", а не меня лишь одного... Все мы несчастные... И должны сочувствовать всем, всему человеческому роду... А мы?

Потому и Господь пришёл избавить нас именно от власти "князя мира сего"...

Но об этом в последнем прощении... А вот что же сказать мне бедной матери? Конечно "сказать-то" не трудно, но вот что "сделать" ей? Как помочь? Пока хоть помолюсь за них... Господи, спаси их!

И вдруг пришла мысль: "А может быть, всё это нужно им? Может быть, полезно в духовном смысле?" - Тогда остаётся сказать: "Не наша воля, а - Твоя да будет!"

Другие в подобных случаях советуют: святой воды подливать в пищу незаметно, особенно причащать Святых Христовых Таин... Тем более, что, как пишет мать, прежде это помогало больному ("дорого" было). И ещё думается: как должны мы благодарить Бога, что с нами так не бывает! Слава Богу!

Как счастливы те, которые здоровы... За одно это нужно благодарить! Да болезни телесные ещё куда легче, чем душевные, бесовские искушения!.. Читать о них - и то тяжело! А мучиться в них? И как счастливы христиане, что они избавлены от таких мук!

И хорошо ещё, что есть такие больницы, куда можно поместить этих страждущих, мучимых врагами и мучающих своих ближних!

Кстати, посоветую ей - непременно оставить ребенка в больнице, а не брать его оттуда: иначе и сам замучаешься и даже расстроишься душевно... Но посещать их - должно!

Припоминается случай. Я жил в Париже. И мне пришлось посетить больницу душевно-больных. Там их было до 5000. Целый городок. Я зашёл к доктору-директору. Он принял меня очень любезно и скромно. И, между прочим, грустно сказал: "Монсиньер! (Владыко!) Я с ними и сам начинаю с ума сходить! Помолитесь о мне, монсиньер!" Жив ли он? Это было лет 25 тому назад... Спаси его. Господи!

...Нужно попросить и наших знакомых (Глинскую пустынь, монастырь Рижский, здешних трёх священников) молиться за всех их...

Вот и мы должны молиться тоже. А после всего этого - следует отдать всё на волю Божию.

Кто знает, может быть, лучше ему умереть уж? Бог знает, что было бы из него дальше?

А родителям нужно терпеть да каяться в прошлом. Может быть, это и от наследственности, как пишет мать? И это бывает ведь! Да и часто! Господь говорит: "Я - Господь Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до треть его и четвертого рода, ненавидящих Меня и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои" (Исх. 20, 5-6; Чис. 14, 18; Исх. 34, 7-9). И это терпение вменится во спасение и родителям, и детям... Да и нам... Да, да!.. И нам, грешным! Вот какие мысли пришли по вопросу страждущей семьи...

Пришла и ещё мысль: хорошо ли делаю я, что не принимаю в дому никого, кроме редких знакомых?.. Или это смиреннее, чем принимать и страждущих? Но молиться за них должно бы... Надобно завести бы особую книжечку для имён таких...

Но и скорби такие ныне необходимы: они хоть отрывают от безбожного направления и обращают к Богу иных...

А будет ещё хуже, как сказано: люди при конце мира "хулили имя Бога... и не вразумились, чтобы воздать Ему славу... они кусали языки свои от страдания, и хулили Бога Небесного от страданий своих и язв своих, и не раскаялись в делах своих" (Апок. 16, 9-11)...

Тогда уж нужно всецело положиться на волю Божию. Ведь будут же и вечные мучения... Не нашего ума это дело!

Последнее прошение (седьмое): "Но избави нас от лукаваго"

Это - последнее прошение Молитвы Господней. Первое было о Боге Отце, а последнее - об избавлении от лукавого. Кто подразумевается под "лукавым"? Греческое слово - "панирос" означает и зло, и злого. Но как и в общем обычае у нас принято понимать под этим словом - лукавого духа, т.е. дьявола, так и в слове Божиим под "лукавым" большею частью понимается наш враг, дьявол с его бесами. Например, в притче о сеятеле говорится, что семя "упавшее при дороге", поклевали птицы (Мф. 13, 4). Сам Господь истолковал эти слова так: "Приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его" (Мф. 13, 19). Здесь совершенно ясно, что под словами "приходит лукавый" - который как-то непостижимо "похищает" у нас слово Божие - понимается дьявол. В том же толковании Господа понимаются под "плевелами - сыны лукавого", в противоположность "доброму семени - сынам Царствия" (Мф. 13, 38).

И в Посланиях также видно, что под этим именем понимается не общее понятие зла, а некто злой, лукавый. Например, в 1-м Послании Иоанна Богослова читаем: "Всякий, рожденный от Бога, не грешит; но рожденный от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему" (1 Ин. 5, 18). Совершенно ясно, что сказано "лукавый"; если же подразумевалось бы под этим "зло", то сказано было бы "лукавое". Также и у апостола Павла под словом "лукавый" (Еф. 6, 16) понимается - враг, "дьявол", потому что в этом отрывке он говорит не о человеческой борьбе, а о борьбе против "козней дьявольских", против "духов злобы поднебесных" и против "всех разженных стрел лукавого" он и велит нам "стоять" (Еф. 6, 17).

Самое большее, можно было бы понимать злого человека, но никак не нравственное зло. Однако, при указанных объяснениях нам обязательно должно понимать дьявола и бесов. Иначе, как бы мог "приходить лукавый и похищать посеянное" слово Божие, если бы он был только человек? Конечно - как мы и говорили прежде - и действия дьявола таинственны в этом деле "похищения" слова; но всё наше христианское учение безусловно учит, что он, как дух, имеет способность "соприкасаться" (1 Ин. 5, 18) с нашей душой; человек же может лишь отчасти действовать на другого не непосредственно, как враг, а - через слово. Впрочем, иногда и человек может влиять на другого через взор свой, "передавать" мысли свои, а тем более - лукавый. Он и прямо называется "дьяволом" (Мф. 13, 39). И люди, находящиеся под его воздействием, называются "сынами дьявола": "Вы, - говорит Господь иудеям, - делаете дела отца вашего... а ваш отец - дьявол" (Ин. 8, 41, 44). Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив взор на Елима волхва, который противился им, когда проконсул Сергей Павел "пожелал услышать слово Божие" от Савла и Варнавы, сказал: "О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын дьявола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних?" (Деян. 13, 7-10). И вообще, говорит Иоанн Богослов, "кто делает грех, тот от дьявола", и потому они называются "детьми дьявола" (1 Ин. 3, 8, 10). И Иуда, "когда дьявол уже вложил в сердце" его предать Господа (Ин. 13, 2), то он имел лишь намерение сделать это; но когда он принял, по неверию своему, не Тело Христово, а простой "кусочек хлеба", то лишь после вкушения его, "после сего кусочка, вошел в него сатана" (Ин. 13, 26, 27). И Иуда окончательно сделался пленником его - от предательства до повешения (Мф. 27, 5).

Итак, ясно, что Господь в последнем прошении Своей молитвы учит об избавлении нас от дьявола, или сатаны.

Перейдём теперь к другим размышлениям о нём.

Прежде всего нас интересует само слово "лукавый" - в приложении к дьяволу. Почему Господь назвал его этим именем? Греческое слово "панирос" значит: и злой, и плохой, и лукавый. Таким - думается нам - Спаситель наш назвал его в противоположность Богу, Отцу Своему. Как мы знаем, Господь Иисус Христос сказал об Отце: "Никто не благ, как только один Бог" (Мф. 19, 17). Благость Божия здесь употребляется в смысле совершенства (Мф. 5,

48), святости (Евр. 4, 7) и, в частности, любви (1 Ин. 4, 16), ибо любовь есть "совокупность совершенства" (Кол. 3, 14). А диавол назван злым, плохим и лукавым, потому что в нём ничего этого нет, - "нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи" (Ин. 8, 44). Иногда, и нередко даже, и это "не удивительно", "сам сатана принимает вид ангела света" (2 Кор. II, 14). Диавол вообще значит - "клеветник", провокатор, обманщик, так он обманул прародителей в раю и теперь над нами нередко действует под "видом" добра, а не как Господь-Истина: "Все пути Господни - милость и истина" (Пс. 24, 10; Пс. 118, 86, 90, 128; Ин. 7, 28; 14, 6; 1 Ин. 5, 6; Откр. 3, 14). А диавол извращает истину. Поэтому и переведено греческое слово - "лукавый", от слова "лук", "лука", т.е. изогнутое дерево, притом - стреляющее, ранящее, убивающее. И русское слово лукавый - т.е. хитрый - говорит о том же извращении правды. И люди, подобные диаволу, искажают её злонамеренно.

И мы не можем не обратить внимания и на то, что это прошение поставлено в конце. Это значит, что Господь поставил его ниже даже грешников (пятое и шестое прошения).

Вообще, мы замечаем не только "холодное" отношение Господа Иисуса Христа к диаволу, но и - как к "противнику нашему" (1 Пет. 5, 8), и "врагу" Божию (Лк. 10, 19) - даже господственное и наказывающее, со властью подчиняющее его даже людям - апостолам и верующим (Мк. 16, 17; Лк. 10, 1). И Сам Господь изгонял бесов с необычайной властью (Мр. 7, 29; Лк. 4, 5; 9, 42). И бесы трепещут Его (Иак. 2, 19), они знают, что Христос будет "мучить" их (Мф. 8, 29) и слуг его [диавола] (Откр. 14, 10); "диавол" будет "ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков" (Откр. 20, 10). "Бог ангелов согрешивших не пощадят, но, связав узами адского мрака, предал блюсти на суд для наказания" (2 Петр. 2, 4. Иуд. 1, 6). И там будет "плач и скрежет зубов" (Мф. 8, 1; 13, 42, 50; 24, 15). Даже и грешникам нелюбовным и непокаявшимся скажет строго и справедливо: "Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его... И пойдут сии в муку вечную" (Мф. 25, 41, 46). Вот какой конец ожидает их!

Ещё спрашивается: почему употребляется в этом прошении союз "но"? Думается, что это прошение собственно представляет вторую половину предыдущего, и тогда оно будет понятнее. Мысленно "не введи" - "не попусти" нам войти в искушения, а уж если, по праведному суду Твоему, введешь нас в них, - мы примем их: "но" тогда только избавь нас от диавола, чтобы он не воспользовался ими и не употребил их для нашей гибели.

Значит, это прошение говорит нам о том, что искушения бедствиями могут быть нами обращены и во спасение. Однако избавиться нам от использования их диаволом можно только силою Божиею, но никак - не нашею силою: будут ли эти искушения от нас самих, или от мира, или непосредственно от диавола и бесов его - избавиться от них мы можем лишь Богом. Это и понятно: ведь бесы - бывшие ангелы и потому - с ильные, хитрые, злобные.

С дитятей священника храма Христа Спасителя, отца Хитрово, был такой детский разговор: "Папа! - спрашивает мальчик смущенно и с робостью, - диавол сильнее тебя?" - "Да!" - отвечает отец. "А сильнее он моего ангела-хранителя?" - "Как тебе сказать? Не сильнее! С Божией помощью ангел-хранитель сильнее его". Не удовлетворилось таким ответом дитя и, совсем уже робко, боясь за ответ отца, спросило: "А сильнее он Христа?" - "Н-е-т! - ответил уверенно отец. - Христос - Бог: Он, конечно, сильнее!" Мальчик свободно вздохнул и успокоился. Так и всем нам нужно верить, как говорит апостол Павел: "Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе" (Флп. 4, 13).

А без Него не надейся на себя, человек! "Но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом" (Флп. 4, 6).

Поэтому подвижники старались держать "непрестанную" молитву к Богу согласно с заповедью апостола Павла: "Непрестанно молитесь" (1 Сол. 5, 17). И мне известны такие молитвенники и молитвенницы. А нам, хотя бы в более ответственные моменты, следует просить Господа об избавлении нас "от лукавого", или ограждать себя от него именем Иисусовым. Так поступил и апостол Павел. "Одна служанка, одержимая духом прорицательным (прозорливым), которая через прорицание доставляла большой доход

господам своим, идя за Павлом и за нами (его сотрудниками), она кричала: сии человеки - рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения! Это она делала много дней. Павел вознегодовал, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из неё! И дух вышел в тот же час... Господа ее, видя, что исчезла надежда дохода их" возбудили мятеж против апостолов (Деян. 16, 16-19).

Имя Иисусово действовало даже и в устах не святых людей: "Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие" (Мф. 7, 22-23).

"Даже некоторые из скитающихся иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует! Это делали какие-то семь сынов иудейского первосвященника Скевы. Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? И бросился на них человек, в котором был злой дух и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома. Это сделалось известным всем живущим в Ефесе иудеям и еллинам, и напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса" (Деян. 19, 13-17). Значит, и нам нужно быть осторожными и смиренными: молиться должно - "избави нас от лукавого", но брать на себя, смелость повелевать духам - не нужно.

Вот о. Иоанн много бесов изгонял; и об этом он сам в 1901 году свидетельствует в беседе с нижегородскими собратиями священниками, говоря им: "Ко мне часто приносят больных, так называемых бесноватых, и просят, чтобы я помолился о них. В этих случаях я действую простотою своей веры. Обыкновенно подобные больные очень беспокойны. Когда их приводят ко мне, то они плюются, пинаются и притом всегда, как замечено мною, закрывают свои глаза. Но я приказываю открыть глаза... И говорю: "Именем Господа нашего Иисуса Христа запрещаю тебе, дух нечистый: выйди из него!" И благословляю больного. Большой успокоится, начинает молиться. И я приобщаю его".

Но в дневнике своём он нам советует, прежде чем дерзать творить подобные чудеса, продумать сначала: есть ли у нас такая дерзновенная вера и благодать Божия, чтобы делать это? И в таком случае смиреннее отклонить от себя подобные дела... Иначе и мы можем подвергнуться таким же нападениям от злого духа, как семь сынов Скевы.

И хотя на это есть особые молитвы над бесноватыми в Требнике, но и их следует употреблять смиренно, с рассуждением: нашей ли это силы? И не лучше ли отклонить подобные случаи? А уж если и прочитать эти молитвы, то - просто, со смирением, без всякой силы своей и дерзновения, всё возлагая на благодать Божию.

Но сила в имени Божию великая! И имя сильно "само по себе", независимо от той или иной степени нашей веры.

Теперь ответим и тем, которые не верят в реальное существование бесов. Нам приходилось встречаться с такими людьми. Они даже веровали во Христа. А когда я спрашивал их, веруют ли они в Евангелие, они отвечали тоже положительно, но под злыми духами разумели нравственное, отвлеченное зло. Напрасно я указывал им на слова Евангелия, где говорится, что из Марии Магдалины Господь изгнал семь бесов (Мк. 16, 9; Лк. 8, 2), а в бесноватом был "легион" их (Мк. 5, 9. Лк. 8, 30). Напрасно я говорил им, что все Евангелия полны чудесами изгнания бесов, что Гадаринский бесноватый тотчас вразумился после изгнания бесов из него, что свиное стадо от них бросилось с крутизны в Галилейское озеро. Не хотели верить!

Но в зависимости от этой власти бесов было и самое пришествие Христа. Ведь "для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола", - говорит апостол любви (1 Ин. 3, 8). Это же элементарное учение христианства. Но нам важнее всего - слова Самого Господа: "Ныне князь мира сего изгнан будет вон" (Ин. 12, 31). "Уже немного Мне говорить с вами; ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего", - говорит Господь на Тайной вечери (Ин. 14, 30). "Князь мира сего осужден" (Ин. 16, II). Чего же больше?! И в богослужебных книгах об этом часто говорится. Вот скоро Рождество Христово. И там в предпразднственные дни поётся, что Христос "грядет ратника (диавола) убить". И даже

писатели признавали это. И Гоголь говорил о злом духе в развязке "Ревизора", и Достоевский написал роман "Бесы", и Пирогов в своем дневнике говорит, с опыта своего, о действительности демонов, и Томас Карлеиль, ученый, ректор университета и автор "Истории Французской революции", пишет: "А всё-таки революцию - не понять, если не допустить, что за кулисами ее действовали бесовские силы".

А в житиях святых - тысячи примеров! А по народной вере - "нечистый" всегда и везде путается в нашей жизни.

И в дневнике батюшки о. Иоанна, чуть не на каждой странице, говорится об искушениях диавола. Согласно Писанию и по своему опыту, он и во всяком грехе видит участие врага. И в акафисте святителю Николаю мы читаем: "Уже бесстыдно бесом летающим и кораблю погрузити хотящим, запретив, отгнал еси их" (кондак 5). И больше этого говорить даже не хочется. Остался ещё один вопрос: для чего же оставлена власть бесам искушать и нас, христиан?

Ответ на это - не новый. Прежде всего, у "князя мира" отнята теперь власть над теми, кто живёт под благодатным покровом Божиим. Затем, и самые искушения от бесов не бесполезны нам, ибо этим они побуждают нас быть и осторожнее и смиреннее. Далее - и даже особенно - их искушения толкают нас к вере во Христа Спасителя и на постоянную молитву к Богу и к благодати Святого Духа. И вообще - к победе во имя Христово над ними, что и являлось главной целью пришествия Христова: "В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир!" (Ин. 16, 33).

Св. Феодор, епископ Едесский, даже дерзнул сказать: "Если бы не было бесов, то не было бы и святых".

Поэтому и апостол Павел говорит: "Чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть (сравнение!), ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: "Довольно для тебя благодати Моей, ибо Сила Моя совершается в немощи". И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен" (2 Кор. 12, 7-10).

И для грешников сатана может быть полезен. В Коринфе был такой грех: "некто вместо жены имел жену отца своего". Апостол вместе с Коринфскою Церковью, даже в отсутствии своём, "силою Господа нашего Иисуса Христа", определил предать его "сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа" (1 Кор. 5, 1-5). А когда христиане сделались строже к членам общины своей и когда тот "некто" раскаялся, смирился, исправился, то Павел пишет общине иначе: "Вам лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью... А кого вы в чем прощаете, и я; ибо и я, если в чем простил кого, простил для вас от лица Христова, чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы" (2 Кор. 2, 6-11), - чтобы не ввести согрешившего в уныние и отчаяние.

Потому будем просить: "Избави нас от лукаваго". А если бы мы и впали во власть его - то опять будем прибегать к ходатайству Христову... "Дети мои! - пишет апостол Иоанн. - Сие пишу вам, чтобы вы не согрешали; а если бы кто согрешил, то имеем мы ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, праведника. Он есть умиловивление за грехи наши, и не только - за наши, но и за грехи всего мира" (1 Иоанн. 2, 1-2). Ему - слава, со Отцем и Духом. Аминь.

Заключительное славословие:

"Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь"

Здесь мало что нужно объяснять. Господь Иисус Христос подводит основание, как бы фундамент, под все предыдущие прошения в очень кратких словах. Господи Отче! Ты всё содержишь в Своей власти!

Твоё Царство! Ты и заботишься о нас. А мы, как Твои рабы, на Тебя и надеемся во всём, как дети на отца своего.

Твоя сила! Ты всё можешь! Тебе все повинуется - даже и преисподняя. Наше дело только опять просить и опять надеяться на Тебя, потому что сами мы - немощны. Ты же - всесилен.

Твоя слава! Ты все творишь во славу Твою. И мы этого же и желаем, и исповедуем, и в самом начале просили: "Да святится имя Твое!" Да прославляешься Ты всегда, везде и во всём! Это - истина! Аминь.

С этого начал молитву Христос, и этим же её и заканчивает. Слава Богу во веки!

P.S. Теперь в конечном славословии прибавляются слова: "Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков" - т.е. обычный конец возгласов. Но когда Господь говорил Свою молитву, тогда Он ещё не мог добавлять этого конца, потому что не открыл тайну Пресвятой Троицы и Своего равенства со Отцем, как например, при вознесении на небо (Мф. 28, 19), при исповедании Его Петром (Мф. 16, 16), в беседе с Никодимом (Ин. 3, 12-17) и др. (Мф. II, 27, 18, 36; Ин. 5, 26, 37, 43; 6, 29, 38, 57; 7, 39; 8, 14, 28, 29, 42, 58; 9, 35; 10, 15, 30, 33; 14, 10, II, 16, 23; 15, 26; 16, 7, 15, 28; 17, 6; и т.д.). А после открыл - вот потому и добавляем.